

Л. И. Анайкина Созвездие мира

УДК 947
ББК63.3(2)-8
А-64

*Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

Дизайн обложки - С. Гурлянд

ФОТОМАТЕРИАЛЫ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ АГЕНТСТВОМ «Фото ИТАР-ТАСС»

Анайкина Л. И.

Созвездие мира. — М. В. Секачев, 2001.—208 с.

ISBN 5-88923-053-0

«Институт современной женщины»,

Новая книга общественного деятеля Лидии Анайкиной — президента «Института современной женщины», главного редактора журнала «Современная женщина» — является продолжением задуманного ею цикла, посвященного женской теме. Первая книга из этой серии «Непридуманная жизнь» повествует о непростой судьбе автора. Вторая книга «Душа России — женщина» рассказывает о выдающихся женщинах России, начиная с княгини Ольги и заканчивая нашими современницами. Героинями книги «Созвездие мира» стали женщины, чьи имена навсегда вошли в мировую историю.

Все книги рассчитаны на широкий круг читателей.

Л.И. Анайкина, 2001

издание — В. Секачев, 2001

Институт современной женщины

Москва

2001

«В прекрасном и яростном мире».....	4
Большая медведица.....	5
Маргарет Тэтчер.....	5
Папина дочка.....	6
Только не женщину!.....	8
«Самая непопулярная женщина в Англии».....	9
«Второразрядная жизнь третьеразрядной страны».....	9
«Социализм и Британия несовместимы».....	10
«Достаточно мужественный мужчина».....	11
«Удивительная сумасшедшая женщина».....	12
Путем жесткого курса.....	12
Страна победившего тэтчеризма.....	14
Индира Ганди.....	16
Обитель радости.....	17
Сожженная кукла.....	18
Давать образование своим дочерям.....	20
Обитель радости — Дом независимости.....	20
«Недостойный» однофамилец.....	21
Время для семьи.....	22
Продолжение дела отца.....	24
Преодолеть тоску.....	25
Конец эпохи.....	25
Голда Меир.....	26
«Самое первое воспоминание».....	27
Золотая страна.....	27
Земля обетованная.....	29
На пути к мечте.....	30
Обретение родины.....	32
Снова в России.....	34
От министра труда к премьеру.....	35
Совесть своего народа.....	37
Валентина Терешкова.....	38
«Особый бабий батальон».....	40
«Ввиду сложности женского организма».....	41
Космонавт-шесть. Первая.....	43
Председатель советских женщин.....	45
Женщина «в форме».....	46
Эва Перон.....	47
«Пять минут для народа».....	49
«Сомнительное» знакомство.....	49
Да здравствует Перон!.....	50
Страна, накормившая мир.....	51
«Заботы аргентинского народа».....	52
«Партида Перониста Феминино».....	53
Закат.....	54
Ангел-хранитель.....	54
Беназир Бхутто.....	56
«Семейное» дело.....	56
Ее «университеты».....	58
Премьерство с переменным успехом.....	59
«Мать Талибана»?.....	61
Новая отставка.....	62
«Лучше военное положение, чем Шариф у власти».....	63
«Верните стране уважение».....	64
В ожидании демократии.....	65
Мать Тереза.....	66
Малая родина.....	67
«Я должна была покинуть монастырь...».....	68
Новый орден.....	69
«Что-то прекрасное для бога».....	70
Доктора забытых людей.....	72
«Генератор любви».....	73
«Икона тревожного мира».....	74
«Если зажигаются звезды...».....	76

Рукопись этой новой книги Лидии Анайкиной, несмотря на серьезность темы, читается удивительно легко и быстро.

В немалой степени этому способствуют и сами героини книги, чьи имена для многих стали, так и хочется сказать, нарицательными. Хотя не может никогда стать нарицательным имя первой женщины-космонавта Валентины Терешковой или символа консервативной Англии «железной леди» Маргарет Тэтчер.

Автору удалось за фасадом официальных биографий увидеть и показать читателям реальных земных женщин. «Созвездие мира» — это не только эмоциональный рассказ женщины о женщинах, но и масса интереснейших фактов, о которых раньше мало кто знал.

Лидия Анайкина своей книгой, в которой отлично сочетаются профессиональный взгляд историка и талант писателя, опровергает расхожее мнение, что лучше всего о женщинах пишут мужчины.

В. Шумейко

«В прекрасном и яростном мире»

«Великая политическая задача XX века состояла в обеспечении равенства женщин и мужчин как де-юре, так и де-факто. Задача XXI века будет состоять в том, чтобы закрепить достигнутый в области законодательства прогресс, развивать далее достигнутое политическое согласие и целеустремленно работать».

Бутрос-Гали, Генеральный секретарь ООН

На исходе XX века уже вряд ли кого-нибудь способен удивить факт участия женщин в политической и общественной жизни. Кто-то относится к этому отрицательно, кто-то — положительно, но сказать, что это «лишь отдельные единицы» или «исключение из общего правила», уже никто не сможет. Поэтому сейчас даже трудно себе представить, что совсем недавно — недавно с точки зрения всемирных исторических процессов — все было совсем не так.

«Удивительное недоразумение весь так называемый женский вопрос, охвативший, как это должно быть, со всякой пошлостью большинство женщин и даже мужчин!» — писал Лев Толстой.

Действительно, в начале XX века заявления женщин о том, что они не желают довольствоваться отведенной им ролью верной жены и хорошей матери, выглядели как «удивительное недоразумение». Но «отменить» это женское недовольство уже не могла никакая сила.

На фоне глобальных революций, кровавых войн и беспощадных битв за первенство — продуктов чисто мужской политики — женщины, пускай не так громко, но зато и без такой крови, вели «тихую», но упорную войну с мужским сообществом — войну за свои права.

Доказать право на свое место под солнцем в этом яростном мире было нелегко. Вот почему на «общественно-политическом» небосклоне начала XX века женских имен было еще не так много. Да и чему, собственно, удивляться: не то что права выставлять свою кандидатуру — права голосовать они еще не имели!

В 1867 году в одной из лондонских газет в ответ на обсуждение в Парламенте вопроса о предоставлении женщинам политических прав появилась карикатура. На картинке джентльмены стоят в очереди к даме. На дверях кабинета дамы табличка — «Министр». Это чрезвычайно повеселило лондонцев: дама принимает мужчин (по очереди) в отдельном «кабинете»... Ровно через сто лет в 1967 году глава партии консерваторов назвал Маргарет Тэтчер неформальным лидером партии.

Они были — первые, отчаянные, смелые и упорные. Они должны были вдвое, втрое быть лучше и сильнее любого мужчины, иначе — дорога на политический Олимп им была просто заказана. Во многих странах (в том числе и в нашей) им разрешили голосовать и даже трудиться наравне с мужчиной, но вот УПРАВЛЯТЬ — извините, это оставалось вотчиной мужчины.

Имена тех, кто смог доказать всему миру, что они могут не хуже и часто — лучше любого мужчины справляться с государственной политикой, для многих засияли как яркие путеводные звездочки. Пример их жизни стал для всего мирового сообщества знаковым явлением. Предвестием вторжения женщины в заповедную — мужскую — зону, в область, где решались судьбы мира.

И вот на самом пороге XXI века мир уже не удивляется женщине премьер-министру, женщине-президенту. И даже наоборот. Все чаще и чаще говорят о том, что женская политика (вот уже и термин появился) в некоторых случаях оказывается более успешной, чем мужская. А это значит, что женщина, сделав в начале XX века первые шаги в этом направлении, не только на равных с мужчиной права вошла в большую политику, но и сумела к концу этого века изменить о ней представление.

Большая медведица

«Стоит один раз поставить женщину наравне с мужчиной, как она начинает его превосходить».

Софокл

Это изречение Софокла любила цитировать Маргарет Тэтчер и с блеском доказала верность этого пассажа. Пожалуй, из всех правительниц века двадцатого именно она стала каноном — символом женщины у власти, «Железной Леди».

Когда на пороге в новое тысячелетие человечество начало подводить итоги века уже минувшего, в средствах массовой информации с определенной настойчивостью стали появляться опросы общественного мнения. В частности, журналистов и социологов волновал вопрос: кого же можно назвать Женщиной XX века? В разных странах разные социальные группы перечисляли самых разных кандидатов на это звание. Но чаще всего в этих списках появлялись имена семи женщин. Маргарет Тэтчер, Голда Меир, Эва Перон, Индира Ганди, Валентина Терешкова, Беназир Бхутто и мать Тереза.

Казалось бы — что между ними общего?! Очень много, а главное — это то, что каждая из них имела высокую мечту и силу, волю, желание ее реализовывать. Эти яркие и сильные личности сумели добиться почти невозможного, подняться очень высоко. Но не по ступенькам карьеры (хотя и это имело место быть), а по оставленному ими следу в истории, потому что каждая из них, так или иначе, повлияла на общемировые процессы. И еще одна объединяющая их черта, очень немаловажная в наше время скепсиса и прагматизма — оптимизм. То есть — вера в свои силы.

Ни одну из них нельзя назвать «классической феминисткой». В той жестокой критике, которой они подвергались, никто не делал сносков на «слабость пола», да это было и не к чему — каждая из них оказалась сверхженщиной, каждая — вдвое сильнее и целеустремленнее любого мужчины.

Единственным именем, «выбывающим» из этого списка, стало имя Матери Терезы... Но без нее созвездие «Большой медведицы» не было бы полным — ведь потребность человечества в любви, сочувствии и прощении Матери вечна.

Маргарет Тэтчер

«Добиться консенсуса — значит ничего не сделать».

Маргарет Тэтчер

Говорят, что присвоением неофициального титула «Железная Леди» первый премьер-министр Великобритании в юбке обязан Советскому Союзу. Определение это, которым, кстати, сама Маргарет Тэтчер чрезвычайно гордилась, оказалось настолько удачным, что практически сразу было принято всей мировой общественностью.

Сейчас трудно себе представить, что эту элегантнейшую женщину — Первую Леди во всем — Валери Жискар д'Эстен когда-то пренебрежительно назвал «всего лишь дочкой лавочника». Леди она была не по факту рождения, а по факту признания, а это значит — по праву. И хотя споры о том, насколько хорошо Тэтчер управляла своей страной, не умолкают до сих пор, факт остается фактом: как премьер, Маргарет Тэтчер сумела сделать для Британии больше, чем все ее предшественники.

«Дочь лавочника», сумевшая поднять практически из руин экономику послевоенной Британии, стала не только великим реформатором, крупнейшим лидером атлантического мира, человеком, пополнившим политический словарь термином «тэтчеризм» (неоконсерватизм в ее интерпретации), но и повлияла на образ мышления миллионов людей, став для многих эталоном того, что принято понимать под словосочетанием «женщина-лидер».

Пожалуй, основным из секретов ее небывалого успеха было то, что она (женщина!) никогда не боялась быть непопулярной и никогда не обещала избирателям «рая на земле». Это добавило в длинный перечень того, в чем Леди Маргарет была первой, следующее: впервые в истории Великобритании одна и та же партия с бессменным лидером побеждала на выборах три раза подряд.

О Маргарет Тэтчер говорят как о сильном, но честном человеке, умеющем не только проявить характер, но и войти в положение другого, человеке чрезвычайно честолюбивом, но всегда хладнокровном. «Возможно, — писали газеты в начале девяностых, — это самый восхитительный, ненавистный, очаровательный, занудный, радикальный и консервативный лидер в Западном мире».

Стать самой властной в мире женщиной Маргарет помогла не тривиальная удача, а абсолютная честность перед избирателями, высокое честолюбие, потрясающий ораторский дар — она всегда безупречно держалась на публике, и главное — титанический труд. «Моя жизнь — это моя работа, — говорила она. — Некоторые люди работают, чтобы жить. Я живу, чтобы работать».

Многих смущала, а некоторых — раздражала ее сила, ее уверенность в себе, ее непреклонность, но без этого феномен, имя которому Маргарет Тэтчер, был бы просто невозможен:

«Я не тверда, я ужасающе мягка, — призналась Маргарет в одном из телевизионных выступлений. — Но я никогда не дам себя затравливать. Мне нестерпимо чувствовать, как кто-то хочет направлять меня куда угодно против моего желания... Я — лидер стаи. Но что это за лидер, если он не ведет стаю за собой? Конечно, они позади меня. Если бы они были передо мной, то они и были бы лидерами...»

Папина дочка

Маргарет Робертс родилась 13 октября 1925 года в маленьком провинциальном городе Грэнтхэм, расположенному к северу от Лондона. Основную часть жителей городка составляли рыночные торговцы и мастеровые. Семья жила более чем скромно: в квартире, расположенной прямо над складом магазина, не было ни водопровода, ни удобств. Мать Беатрис была хорошей домашней хозяйкой и подрабатывала как швея, а отец — Альфред — держал крохотную бакалейную лавку, и его дочери — младшая Маргарет и старшая Мюриэл — с детских лет помогали ему в работе.

Но Альфред Робертс был не «просто лавочник». Его жизненная философия, сила его личности оказали на Маргарет столь сильное влияние, что в 1979 году, когда она вступила в должность пермьер-министра Великобритании, она сказала:

«Всем, что я умею и имею, я обязана только моему отцу. Он учил меня, что прежде, чем во

что-то верить, нужно в этом хорошенько разобраться. И тогда вы будете смело это использовать. И какие бы случайности вам тогда ни встретились, вам не понадобится идти с ними на компромисс».

Одним из главных убеждений ее отца было следующее: «Нужно работать, чтобы зарабатывать себе на жизнь, а тратить можно только то, что заработал». И жил Альфред Робертс соответственно своим принципам: в юности, зарабатывая 14 шиллингов в неделю, он снимал комнату за 12, а из оставшихся двух один откладывал. Зная это, многое становится понятным в реформах его дочери-премьера, в ее отношении к тунеядцам и людям праздным.

Альфред Робертс во всех смыслах не был «просто лавочником». По «совместительству» со скромным бизнесом он был еще и методистом-протестантом и его религиозные убеждения были очень строги. Да, он не одобрял походов дочерей в кино или на танцы, но эти же убеждения заставляли его в 1930-е годы помогать еврейским беженцам из Центральной Европы, и говорят, что Маргарет, хорошо помня то время, навсегда сохранила в своей душе неприязнь к Германии.

Старшая сестра Мюриэл была любимицей матери, но для отца всем в его жизни стала Маргарет. С самого раннего детства он учил ее быть «не как все». Он истово верил, что миром правят только те, кто непохож на остальных, поэтому настоятельно советовал дочери не идти за «толпой», а стремиться к тому, чтобы вести ее за собой. И ему было абсолютно все равно, что принципы, которые он с детства старался поселить в головке младшей дочери, не вполне совмещались с ее полом. Может быть, это связано с тем, что у него не было сына, о котором он мечтал, а может быть и с тем, что Альфред, имевший в багаже всего лишь начальное образование, пытался передать дочери все свои честолюбивые стремления... В его глазах Маргарет была образцовым материалом для создания идеала — воплощения в жизнь его кредо: «вести за собой, а не следовать». Спустя много лет, когда карьера его дочери уже начала ощутимо выстраиваться, Альфред сказал: «Маргарет — на 99,5 процентов совершенство. Остальные 0,5 процента — это то, что она могла бы иметь, будь она хоть чуточку более теплой».

Но такой, «чуточку нетеплой» ее сделал именно он, потому что его наставления стали плотью и кровью Маргарет: «Ты сама создаешь свой собственный разум, — цитировала она отца. — Никогда ничего не делай только по той причине, что так делают твои друзья. Никогда не следуй за толпой только потому, что ты боишься выглядеть непохожей».

И Маргарет хотела и старалась быть лучшей во всем. Она хорошо училась в школе, была неплохой спортсменкой и всегда очень много читала. Брала уроки фортепиано, писала стихи и участвовала в собраниях дискуссионной группы своей школы. Подруга детства вспоминала о ней: «Она умела правильно использовать слова в том возрасте, когда большинство ее школьных друзей и подруг отделивались междометиями».

После школы Маргарет училась в самом лучшем женском колледже Оксфорда — Сомервиле, а чтобы получить право на стипендию, в течение четырех лет, не имея практически никакого свободного времени, упорно изучала латынь. Подруга по Сомервиллю говорила о ней: «Ее амбиции были безграничны. Всклакивает в половине седьмого, чтобы что-то выучить, а дом еще весь темный, ужас».

На втором курсе университета Маргарет влюбилась. Мать ее избранника была взбешена: на ее сына — графа! — претендовала дочь бакалейщика! Понятно, что этот роман закончился, не успев начаться.

В Оксфордском университете в 1946 году сделала Маргарет и более удачный выбор — присоединилась к Ассоциации консерваторов — партии, которой она сумела вернуть веру избирателей и которая вывела ее в премьеры.

Политика ее интересовала всегда. С самого раннего детства она принимала участие в жарких политических дискуссиях, которые устраивал дома отец. Но, как таковая, политическая карьера для девушки из необеспеченной семьи была невозможна — необходимо было твердо встать на ноги, то есть овладеть реальной профессией.

В 1947 году по окончании университета Тэтчер получила научную степень бакалавра по химии, но ее карьера на этом поприще была недолгой. Политика — единственное, к чему она стремилась.

Только не женщину!

Ни фирма по изготовлению пластмасс, ни молодой специалист-химик не пожалели о том, что им пришлось расстаться. Сотрудникам фирмы явно не нравилась эта напористая безапелляционная женщина, а Маргарет весь свой пыл, не востребовавшийся на работе, отдавала общественной деятельности в партии консерваторов. Ее энтузиазм был замечен коллегами и в 1948 году на конференции ее выдвинули кандидатом в парламент от Консервативной партии. Округ Дартфорд (Кент) был абсолютно бесперспективным и для партии, и для Маргарет. Дартфордский председатель вынужден был почти прятаться от града изумленных вопросов: «Вы что, будете выставлять женщину? О, нет! Только не женщину! Дартфорд — индустриальный округ».

Действительно, это был огромный рабочий район, но Маргарет это не пугало, как не пугало и то, что в ее распоряжении не было ни транспорта, ни денег на такси. С утра до ночи она бегала из одного конца района в другой и не отказывалась ни от одного выступления. Многие поражались ее выносливости, удивляясь, как она все успевает. Секрет этой «успеваемости» был прост: всю свою жизнь Маргарет Тэтчер тратила на сон не более четырех с половиной часов:

«Я никогда не спала больше чем четыре или пять часов в сутки», — призналась она в одном из интервью уже будучи премьером. Впрочем, через некоторое время уже в другом интервью все оказалось еще «проще»: «Я часто сплю только полтора часа, предпочитая жертвовать временем сна, чтобы иметь приличную прическу».

А тогда ей было двадцать три и она была единственной женщиной, претендующей в тот год быть избранной в парламент. Не остановило ее и то, что партия консерваторов в принципе не имела шансов на победу: лейбористы имели большинство в двадцать тысяч голосов. Выборы она проиграла, но с полным блеском, получив 36 процентов бюллетеней, тогда как по всем расчетам больше 20 процентов быть не могло!

Но главной удачей этой предвыборной компании стало для Маргарет знакомство с Дэнисом Тэтчером — соратником по партии и владельцем хорошо налаженного производства. Он был старше ее на десять лет и к тому времени уже был разведен. Дэнис оказался не только состоятельным бизнесменом, сумевшим организовать собственное дело, но и, что говорить, «славным парнем» — душой компании, прекрасным собеседником и просто умным человеком. Его советы не раз выручали Маргарет, и в довершении ко всему он стал прекрасным семьянином, не только любящим свою жену, но и уважающим ее карьерные устремления и сделавшим все для того, чтобы Маргарет имела полную свободу и независимость.

Их роман продолжался два года, и в 1951 году она вышла за него замуж. Свадебное путешествие продолжалось три недели и больше за всю их совместную жизнь они никогда не были вместе так долго. В 1953 Маргарет родила близнецов — дочь Кэрол и сына Марка, имена для них она выбрала сама, и в этом выборе — она вся: «Мы лишь хотели, — говорила она, — чтобы имена у них были простые, которые невозможно сократить, нам не нравились все эти уменьшительные клички».

Маргарет Тэтчер никогда не была тем, что называют обычно «синим чулком». Она никогда не думала, что ради карьеры женщина должна отказываться от детей, семьи. «Я надеюсь, — говорила она в 1983 году, — что в будущем мы будем видеть все больше и больше женщин, совмещающих замужество и карьеру. Предубеждение против подобной двойной роли исходит не только от мужчин. Намного чаще, к сожалению, это идет от представительниц нашего же собственного пола. Можно ведь продолжать работать, потом брать короткий отпуск, когда ожидается прибавление семейства, а потом опять возвращаться к работе».

Именно так она и поступила. Через четыре месяца после родов Маргарет сдала экзамен по адвокатуре и получила степень юриста. Когда близнецам исполнился год, она уже занималась юриспруденцией, а когда им исполнилось шесть, она снова приняла участие в предвыборной гонке за место в депутаты парламента.

Впрочем, если бы не Дэнис, Маргарет пришлось бы тяжело. Муж обеспечил ее не только материально, но и поддержал морально. Он всегда поощрял ее карьерные амбиции и безмерно гордился женой. А Маргарет... Будучи очень занятой женщиной, будучи премьер-министром Великобритании, она своей святой обязанностью считала и считает собственноручное приготовление завтрака мужу, невзирая на достаточное количество помощниц по дому.

Железная уверенность в себе — в своих силах и правоте помогли ей всегда, и в 1959 году в возрасте тридцати четырех лет Маргарет Тэтчер становится членом парламента: ее ораторский дар совершенно очаровал жителей Финчли — богатого лондонского пригорода. И с этого момента, шаг за шагом, ее карьера пошла в гору.

Через два года заседания в парламенте в 1961 году на поразительно работоспособную женщину обращает внимание премьер-министр Гарольд Мак-Милан и назначает Тэтчер объединенным парламентским секретарем пенсий и национального страхования. Мать двоих детей, живущая за городом, муж которой находился в постоянных разъездах, справилась с новой должностью блестяще.

Лидер партии консерваторов Эдвард Хит также не смог не отметить таланты Маргарет и в 1967 году определил ее как ведущего члена партии в так называемом теневом кабинете его правительства. И когда партия консерваторов пришла к власти, а Хит стал премьер-министром, он назначил ее министром по образованию и науке. Маргарет была единственной женщиной среди членов его кабинета, но это не помешало ей столь круто взяться за исполнение своих обязанностей, что вскоре о ней заговорила вся Англия.

«Самая непопулярная женщина в Англии»

Такими заголовками пестрели газеты тогда, когда новый министр по науке и образованию приняла решение об отмене программы бесплатной раздачи молока для школьников — это был ее первый шаг на пути общей реформы социальных пособий. В основе реформы образования, разработанной предыдущим кабинетом, лежал лозунг «образование для всех»: частные школы должны были стать государственными, а государство должно было их щедро субсидировать. Замысел Тэтчер был прост и понятен: после урезания финансирования на образование (необходимо было за этот счет покрыть дефицит в бюджете из-за снижения налогов) отменить бесплатное молоко и на треть увеличить плату за питание детей в школе. Сэкономленные деньги (между прочим, 8 млн. фунтов) можно было перераспределить на зарплаты самим преподавателям. Понятно, что человек, выступающий за развитие именно частных школ и вообще за элитарное образование не мог быть популярным у «широкой общественности». Оппозиция встречала ее в парламенте криками вроде: «Тэтчер — молочный грабитель!» или «В канаву шалаву!». Студенты и школьники пикетировали парламент, вооружившись плакатами: «Леди, зачем вы украли наше молоко?», а родители — «Кто защитит наших детей от Тэтчер?». Все это выглядело не только как полное крушение ее личной карьеры, но и как подрыв партийного авторитета. Но ее решение было непреклонным, она отрезала все обвинения соратников прямо и просто: «Я всего лишь отстаиваю интересы консерватизма». Кроме этих заявлений, от которых партийцы уже успели отвыкнуть, она выступала и как предприниматель. С цифрами и фактами в руках Тэтчер убедительно обосновывала пресловутые цены на школьные завтраки. А в довершении ко всему постоянно и настойчиво говорила о том, что для нее было очевидным, а для многих других оказалось давно забытыми истинами: любой человек должен сам зарабатывать на жизнь и кормить своих детей, а не ждать ни от кого, в том числе и от государства, подачек.

Одним словом, Маргарет энергично боролась с тем, что иронично называла «государством всеобщего благоденствия», которое, по ее убеждению, было не просто чистой воды утопией, но и реальной силой, разрушающей экономику и развращающей людей. И в багаже у Маргарет были не просто слова обличений, а реальная и конкретная программа вывода страны из тяжелейшего экономического кризиса.

«Второразрядная жизнь третьеразрядной страны»

Именно так охарактеризовала Маргарет Тэтчер уровень жизни англичан в конце семидесятых годов. Экономика Британии действительно была тогда в плачевном состоянии. Британский кризис 1970-х годов был частью общего кризиса атлантического мира. После девальвации доллара — логического следствия войны во Вьетнаме и Уотергейтского скандала, подорвавшего президентскую власть в США — инфляция мощной волной прокатилась по всему миру, и ее уровень в Великобритании в середине семидесятых достигал 20-25 процентов. Стагнация экономики и высокий уровень безработицы — это Англия этих лет. Общепризнанным

символом когда-то великой державы стали в это десятилетие груды гниющего мусора, которым были завалены крупнейшие города.

После отставки Черчилля экономическая политика Великобритании на протяжении почти пятнадцати лет представляла собой своеобразный процесс, получивший ироничное название «stop-go». Дело в том, что на уровне государственной политики происходило постоянное чередование: деловая активность британцев то ограничивалась, то стимулировалась, в зависимости от того, какая партия — лейбористы или консерваторы — находилась у власти. Регулярная смена правительств ни к чему не приводила и экономика Британии блуждала внутри замкнутого круга: лейбористы субсидировали государственные предприятия и увеличивали размер пособий (в результате безработица снижалась, но росла инфляция), а консерваторы снижали налоги и поощряли производство (в результате снижалась инфляция, но росла безработица).

Избирателей, естественно, не устраивало ни то, ни другое. Забастовки обрушивались на страну одна за другой: бастовали дворники, учителя, врачи, шахтеры, одним словом — все. Перед могущественными профсоюзными лидерами, количество которых день ото дня увеличивалось, причем в геометрической прогрессии, трепетало каждое правительство и позволялось им все больше и больше — только бы они не требовали повышения зарплат и не грозили забастовками. И в результате боссы от профсоюзов стали фактическими хозяевами государства, определяющими его экономическую политику.

Единоборства с профсоюзами не выдержали и консерваторы, проиграв очередные выборы. При этом авторитет лидера — Эдварда Хита — был подорван настолько, что в 1975 году более половины членов его партии проголосовало против него. Причиной этого единодушия было не только то, что лидер не оправдал надежд, но и то, что Хита недолюбливали: он был надменным человеком, идущим по жизни со столь высоко поднятой головой, что не помнил в лицо, и уж тем более по именам, многих из своего самого ближайшего окружения. Ни явных лидеров, ни желающих возглавить непопулярную партию в рядах консерваторов не оказалось. И Маргарет Тэтчер выставила свою кандидатуру.

«Социализм и Британия несовместимы»

Консерваторы всегда считались партией британской элиты, поэтому явление на политическом Олимпе «дочери лавочника» первоначально было воспринято как еще одно доказательство полной деградации когда-то могущественной партии. Журнал «Economist» комментировал рождение нового лидера следующим образом: «Ее победа могла бы отстранить Консервативную партию в оппозицию лет на двадцать вперед». Но все произошло ровным счетом наоборот.

Не побоявшись возглавить непопулярную в стране партию, Маргарет Тэтчер повела себя более чем нестандартно, мобилизовав все свои силы на то, чтобы претворить в жизнь... крайне непопулярную с точки зрения избирателей политику, направленную против обманчивых горизонтов «государства всеобщего благоденствия».

«Социализм лейбористов приведет, нет, уже привел страну на грань банкротства, — говорил новый лидер консерваторов, — но что еще страшнее, он станет концом всех индивидуальных свобод, того, без чего от Британии останется лишь название на политической карте». Ее сентенции вначале изрядно изумили издавших виды избирателей, а потом произошло то, на что никто не рассчитывал: Тэтчер не побоялась «банальностей», не побоялась слов о великом британском наследии и оказалось, что именно этого ждали англичане. И главное — это были не просто декларации: леди предлагала конкретную программу вывода Великобритании из тяжелейшего экономического кризиса и аргументированно перечисляла необходимые для этого меры. Ее убежденность и категоричность не подразумевали никаких «консенсусов» и даже больше — отвергали всякий намек на возможность каких бы то ни было соглашений. Свобода частной инициативы и предпринимательства, невмешательство государства в рыночную экономику, ограничение государственных расходов — старые партийные лозунги в устах нового лидера зазвучали с неожиданной силой и страстью. И позиции лейбористов пошатнулись.

«Социализм и Британия несовместимы, — говорила она. — Мы выступаем не за локальные реформы, мы хотим коренного изменения сложившейся социально-экономической системы, мы

хотим жить при капитализме». Именно с этим лозунгом консерваторы пришли на выборы. И сумели убедить избирателей.

Немаловажную роль в этой победе сыграло и смелое заявление леди в апреле 1979 года, когда она потрясла англичан своим выступлением по телевидению: «В этой стране есть люди, — сказала она, — которых можно и нужно назвать великими разрушителями; они мечтают уничтожить суть свободного общества, которое мы имеем. Многие из этих разрушителей находятся в профсоюзах».

Эти слова были произнесены в самый разгар кризиса — так называемой «Зимы недовольства» 1979 года, когда бастовали буквально все слои населения и было очевидно, что страна приближается к полному экономическому краху. И в этой обстановке она — Маргарет Тэтчер — оказалась, по выражению лорда Пеннела, «единственным достаточно мужественным женщиной, готовым возглавить руководство». В мае 1979 года женщина родом из «безнадежно среднего класса» в возрасте пятидесяти трех лет была избрана премьер-министром Великобритании. В нее поверили, но все-таки даже при самых смелых ожиданиях вряд ли кто-то мог себе представить, насколько сильно и уверенно женские ручки возьмут бразды правления.

«Достаточно мужественный мужчина»

Речь, произнесенная в парламенте первой в истории Англии женщиной-премьером, была многообещающей во всех смыслах этого слова. Свое мнение о предшествующей ее премьерству политике она выразила косвенно, но вполне определенно, процитировав Авраама Линкольна:

«Вы не можете усилить слабого, ослабляя сильного... Вы не можете помочь бедному, уничтожая богатых... Вы не можете помочь людям, постоянно делая за них то, что они могли бы и должны делать сами для себя». И еще:

«Я приступила к управлению с одним четко продуманным намерением: изменить английское общество от состояния полностью зависимого иждивенца до уверенного в своем будущем предпринимателя; от традиционного «по-дайте-мне-пожалуйста» до нации «сделаем-все-сами»; чтобы воцарилась Англия «просыпайся-и-иди» вместо Англии «посидим-и-подождем».

По свидетельству Криса Огдена, ее биографа, это первое обращение Тэтчер к парламенту «прозвучало столь энергично, с такой страстностью, что конгресс ошеломлено погрузился в тишину».

Маргарет сумела произвести должное впечатление и на королеву. В двадцатом веке древняя церемония «целования рук по назначению» уже давно свелась к простой формальности: королева спрашивает, готов ли новый премьер-министр сформировать правительство, тот отвечает утвердительно, на этом все и кончается. В случае с Тэтчер «сценарий» немного изменился: королева пригласила «дочь бакалейщика» к чаю, и их беседа продолжалась почти час. Позже королева сказала о ней: «Маргарет Тэтчер смотрит вам прямо в глаза. Не многие способны сделать это, особенно при разговоре с особой королевского рода».

Крис Огден назвал Маргарет Тэтчер «классическим сверхпобедителем». Конечно, она всегда была неординарной личностью, но все-таки отдадим должное ее настойчивости, ее упорному труду, ее терпению — тому, что не передается по наследству и не даруется при рождении, а зарабатывается потом и кровью. Сама Маргарет, объясняя свой успех, вспоминала не только об отце, заложившем фундамент ее принципов и убеждений, которым она никогда не изменяла, но и о своем разностороннем образовании и конкретном опыте работы. Как естественник, она могла на равных обсуждать самые сложные вопросы с ведущими учеными, а как юрист — и тем более специалист по налогам — она была настолько компетентна, что на встречах политиков Европейского сообщества ее просто боялись: с ней не мог соперничать ни один эксперт. Тэтчер обладала и феноменальной памятью — на людей, на цифры, на факты. Спорить с ней, если она была в чем-то уверена, было просто бесполезно — она оказывалась всегда права.

Но впрочем, признать в ком угодно, а уж тем более в женщине, сверхчеловека, всегда бывает довольно сложно. Особенно враждебно по отношению к Тэтчер была настроена интеллигенция. Ее безапелляционная манера общения, ее категорическое неприятие компромиссов были для многих непереносимы.

В 1981 году в «Таймс» было опубликовано открытое письмо, подписанное самыми

видными и именитыми британскими экономистами. Они предупреждали широкую общественность о том, что экономическая политика Тэтчер превратит страну в руины, а ученый совет Оксфордского университета отказался присвоить Тэтчер почетную степень. Знаменитый философ Мэри Уорнок на вопрос о ее мнении относительно Маргарет Тэтчер с трудом смогла произнести только два слова: «Эти шляпки...»

Но Маргарет не была бы собой, если бы обращала на все это внимание. Как всегда, она была настроена решительно:

«Мы не будем отклоняться от нашего курса, — заявила она на конференции Консервативной партии в октябре 1980 года. — Тем, кто ждет затаив дыхание услышать какую-нибудь фразу из средств информации о повороте политики на 180 градусов, я могу сказать только одно: «Разворачивайтесь сами, если вам так уж хочется, а Леди не повернет!» И с блеском это доказала, справившись в первые пять лет своего правления с тремя серьезнейшими кризисами и одержав решительную победу в битве с инфляцией, латиноамериканской военной диктатурой и масштабной забастовкой шахтеров.

«Удивительная сумасшедшая женщина»

Фолклендские (Мальвинские) острова расположены в 8000 миль от Англии — в Южной Атлантике. Общее количество британских подданных, живущих здесь, не превышало тогда 1300 человек. (Основным «населением» этих скалистых островов всегда были пингины — около 10 миллионов.)

На втором году премьерства Тэтчер Аргентина направила на эти острова десант. Скорее всего, аргентинская хунта рассчитывала на то, что Англия и женщина, которая ей управляет, не то чтобы «не заметит», но, по крайней мере, не рискнет ввязываться в войну из-за каких-то отдаленных островов. К тому же глубочайший кризис подталкивал правительство Англии к сокращению своих военно-морских сил.

Доля истины в расчетах Аргентины была. Некоторые англичане, казалось, совершенно не возражали против этого вторжения, по крайней мере, было много общих рассуждений на тему, что никакой практической ценности эта кучка скалистых островов не представляет, так зачем же рисковать? Главное — чтобы была обеспечена безопасность небольшого населения островов, одним словом, — был достигнут консенсус с Аргентиной.

Большинство соратников по партии разделяли это мнение, считая, что Тэтчер не имеет права рисковать. Но реакция Первой Леди на вторжение была столь яростна и агрессивна, что в одной из газет появилось следующее:

«Тэтчер — сумасшедшая. Она воображает, что она — удивительная женщина».

Она не была сумасшедшей, просто она продолжала действовать согласно собственным жизненным принципам, один из которых был таковым: «Агрессия не должна допускаться на любом уровне». Почему? На этот вопрос она ответила в интервью «World This Weekend»: «Задиры никогда не имеют никакого уважения к слабости. Единственный способ остановить задира — это не быть слабым самому».

Что было дальше? Дальше она отправила в мятежный регион девяносто восемь кораблей с восемью тысячами солдат. Кто-то из журналистов спросил ее, что она собирается делать в случае неудачи: «Неудача? — изумилась она. — Даже думать не о чем, неудача просто невозможна». Так и случилось. Трехнедельные бои завершились полным освобождением островов, потери со стороны Англии были незначительны, при этом Аргентина избавилась от хунты. Одним словом, в очередной раз грядущая катастрофа, о которой кричал дружный хор ее недоброжелателей, снова обернулась победой.

Путем жесткого курса

Сила, решимость и непреклонность, которые проявила Маргарет Тэтчер в противостоянии аргентинской хунте, сопровождали ее и в проведении серьезнейших экономических реформ. Сомневающимся в их эффективности и даже противостоящим им было более чем достаточно. Но Железная Леди не изменила себе ни в чем. Она часто повторяла: «Жестко проложите свой курс в жизни, следуйте ему честно, и вас будет ждать успех».

Только жесткий курс и личная война, которую Маргарет объявила всем, кто препятствовал осуществлению реформ, позволили ей добиться того, что к 1984 — 1985 годам инфляция в стране снизилась до рекордно низких цифр, а также, несмотря на увольнения шахтеров нерентабельных шахт, снизилась безработица. В целом, к концу первого срока ее премьерства наблюдалось общее оживление промышленности, причем за счет не государственных, а частных компаний.

Предпосылки и источники экономического чуда, сотворенного железной волей Железной Леди, подробно изучены экономистами и политологами. Ее программа читается сейчас как стройная глава из учебника — все выверено, разумно, закономерно. Нельзя здесь прочитать о другом, о том, сколь сильно было сопротивление реформам, сколь глубока была пропасть, в которой находилась экономика, сколь многих устраивала жизнь за государственный счет. И самое главное — каких нечеловеческих усилий стоило противостояние всему этому, потому что успех был обеспечен только при условии неуклонного движения вперед.

Чтобы изменить жизненный уклад послевоенного английского общества («второразрядную жизнь в третьеразрядной стране») программа, разработанная кабинетом Тэтчер, предусматривала произвести серьезные изменения в экономике методами жесткой бюджетной и кредитно-финансовой политики.

Основным механизмом осуществления реформ стал бюджет, но даже на уровне его принятия, и уж тем более — выполнения, возникли серьезные проблемы. Дело в том, что бюджет, в разработке которого Маргарет приняла самое непосредственное участие, предусматривал снижение налогов и первичное сокращение государственных расходов (на 4 млрд. фунтов). Это сокращение напрямую касалось всех министерств, кроме министерства здравоохранения и обороны. Понятно, что «ущемленные в своих правах» министерства всеми правдами и неправдами старались добиться увеличения выделяемых им средств. Но Леди объявила аппаратчикам настоящую войну — такую же непримиримую, как и в случае с Аргентиной.

«Финансы определяют расходы, а не наоборот». Именно этот жесткий принцип и был положен в основу программы выведения страны из кризиса. А чтобы жить «сообразно средствам», необходим жесткий контроль за денежной массой и сокращения, сокращения, сокращения... А именно: резкое уменьшение государственного аппарата, сокращение государственных расходов на строительство и социальную сферу (кроме медицины), жесткое ограничение субсидирования и дотационного стимулирования экономики, сокращение расходов на местные органы власти.

Конечно, помимо чисто субъективных причин, были и объективные трудности. На первом этапе осуществления реформ уменьшение финансирования государственных предприятий и прекращение активного субсидирования привели к росту безработицы. Рост цен, связанный с повышением НДС и первичным спадом в экономике, привел к серьезному росту инфляции, борьба с которой была главным козырем правительства. Самое деятельное «участие» приняли в росте инфляции и профсоюзы — своими соглашениями об уровне заработной платы.

Но тем не менее благодаря жесткому курсу кабинета борьба с инфляцией была успешной, и выдвигаемые профсоюзами требования крупных повышений зарплат были не вполне обоснованы. Но профсоюзы не собирались так просто сдавать позиции, и особенно — профсоюз шахтеров. Его лидер Артур Скаржилл был марксистом и обладал довольно серьезным политическим весом. В 1984 году под его руководством началась новая широкомасштабная забастовка: шахтеры блокировали электростанции, и страна оказалась перед угрозой полного лишения

энергоснабжения. Но вместо ожидаемых договоренностей Скаржилл получил решительный отпор. Найджел Лосон и Николас Ридл — помощники Тэтчер — предложили заранее заготовить значительные запасы угля и дать разрешение полиции на применение всех разрешенных законом средств для поддержания порядка. Забастовка, продолжавшаяся около года, закончилась для профсоюза ничем. Урок, который преподнесла Маргарет Тэтчер профсоюзным боссам, пошел им впрок. С тех самых пор и вплоть до настоящего времени забастовок подобного масштаба в Англии уже не было никогда, а сами профсоюзы практически полностью утратили свое влияние на политическую и экономическую жизнь страны.

Немаловажным для будущего нации стала и проведенная правительством Тэтчер широкомасштабная приватизация. Знаменитая поговорка «Мой дом — моя крепость» недаром принадлежит британцам. Говорят, что собственный домик с розами в палисаднике всегда был той национальной идеей, которая определяла жизнь и образ мыслей каждого британца. И для огромного количества англичан Маргарет Тэтчер стала той, которая вернула им эти «крепости». В середине восьмидесятых правительство приняло решение продать жителям свыше одного миллиона единиц общественных зданий из муниципального жилого фонда, в результате общее количество домовладельцев Англии поднялось от 52 до 66 процентов, при этом недвижимость к тому же резко возросла в цене.

Приватизация призвана была решить не только задачу создания обширного класса мелких собственников и акционеров, но и способствовать разрешению целого ряда проблем. Во-первых, за счет уменьшения государственных расходов и субсидий и получения дополнительных доходов от продажи государственной собственности можно было решить проблему инфляции, кроме того, приватизация должна была привести к уменьшению госсектора экономики, что автоматически гарантировало снижение роли государства и увеличение эффективности производства.

Ставшая возможной модернизация предприятий и отраслей повысила в глазах граждан привлекательность государственных предприятий. В результате денежные накопления уже не складывались «в чулок» и не выбрасывались на потребительский рынок, а скапливались на банковских счетах и в акционерных обществах. В итоге правительству удалось более чем эффективно провести денежную приватизацию, и практически за два года было приватизировано более 50 крупных государственных компаний. Всего частным лицам было продано на 30 миллиардов долларов акций Британской телесвязи, Британских авиалиний, «Роллс-Ройса» и других национализированных предприятий. В результате этой широкомасштабной приватизации каждый пятый англичанин стал владельцем акций.

Тэтчер добилась того, что Англия вновь стала называться капиталистической страной, добилась того, что к ней вернулось былое могущество, добилась того, что ряде вой англичанин стал ощутимо лучше жить — свободный рынок сделал многих богатыми. Это была победа — победа ее мировоззрения. Десятилетие ее правления изменило страну до неузнаваемости, заставив весь мир говорить о «британском экономическом чуде», и «тэтчеризм» как таковой стал еще одним достоянием англичан.

Страна победившего тэтчеризма

В 1987 году Маргарет Тэтчер одержала свою третью победу на выборах. Англичане и весь мир открыли для себя Железную Леди и как политика-международника: теперь ее имя связывалось не только с процветанием Британии, но и с окончанием холодной войны и крушением Советского Союза.

Декабрь 1984 года. Будущий реформатор Михаил Горбачев приезжает в Лондон к Маргарет Тэтчер — реформатору со стажем. К сожалению, ни тот, ни другой лидер так и не поведали широкой общественности и средствам массовой информации о всех деталях их неоднократных бесед, отделившись общими фразами о поиске взаимопонимания между странами. Впрочем, очевидно, что это взаимопонимание между ними было. Многие до сих пор помнят выступление Тэтчер по советскому телевидению. Она, отвечая на вопросы журналистов, как всегда говорила прямо и с достоинством, но на этот раз была очень тактична, стараясь не разрушить хрупкий мостик доверия, возводящийся между странами.

Советскому Союзу тогда как воздух были необходимы налаженные связи с окружением Рейгана и Тэтчер, поскольку в начале восьмидесятых все европейские контакты уже были

неэффективны для международной политики СССР. Маргарет Тэтчер стала тем самым необходимым посредником между Россией и США, находящихся тогда в условиях холодной войны, и к 1987 году советско-американские отношения уже вышли на самостоятельный уровень.

Некоторые политологи считают, что повышенный интерес к международной дипломатии потенциально опасен для любого лидера любой страны. Вероятно, в случае с Тэтчер именно увлечение московской политикой стало для нее тем самым отвлекающим фактором, не позволявшим должным образом постоянно контролировать положение дел внутри собственной страны. Желая воспользоваться ситуацией, когда Железная Леди (где это видано?!) ослабила бразды правления и сняла руку с внутрипартийного пульса, оказалось достаточно. Дела ее правительства шли все хуже и хуже: началась скрытая борьба за власть, отставки, интриги. В результате в ноябре 1990 года Маргарет Тэтчер вынуждена была покинуть свой пост. Она, всегда предвидевшая глобальные экономические и политические последствия и перспективы, фактически проглядела тщательно подготовленный заговор внутри собственной партии.

Причин для недовольства своим лидером было достаточно — и объективных, и субъективных. Прежде всего, несмотря на ее многочисленные и убедительные победы, партийная элита продолжала ее недолюбливать — для многих она оставалась надменной «выскочкой». Ее ставшие притчей во языцех принципиальность и категоричность многих раздражали. И она всегда знала это и всегда была вынуждена держать ухо востро. Единственным безопасным Местом на Даунинг-Стрит она называла свою знаменитую черную сумочку. (Между прочим, эта сумочка, которую Маргарет приобрела в 1980-х годах за 450 долларов, а недавно пожертвовала на благотворительный аукцион, была куплена за 150 тысяч долларов. Ее обладателем стал специалист по инвестициям Ян Рашбрук, который признался, что восхищается силой воли, энергией и способностями Тэтчер. «То, что она сделала для Британии, было просто необходимо. Жаль, что она не получила того уважения, которого заслуживает»).

Кризисная ситуация в правительстве Тэтчер, возникшая в 1990 году, была обусловлена и еще двумя серьезнейшими причинами. Во-первых, это касалось предложения ввести чрезвычайно непопулярный «подушный налог», которым облагались бы в равной степени все граждане, а во-вторых — категорических возражений Тэтчер против участия Великобритании в Европейской денежно-кредитной системе и планов введения общей валюты на территории всей Европы.

В 1987 году, когда снова начала расти инфляция, многие видные политики и экономисты были уверены, что единственным способом справиться с этим может быть привязка британского фунта к немецкой марке. Подобный шаг позволял также наладить отношения с Европейским экономическим сообществом. Но если речь и могла идти о каком-то союзе, то для Маргарет Тэтчер был возможен только атлантический союз с США, все остальное она рассматривала как угрозу потери независимости Великобритании. Поэтому к планам объединения европейских финансов она отнеслась с таким недоверием, что все заседания правительства проходили в яростных спорах относительно «идеи объединенной Европы». Все это деморализовало правительство, разрушая его изнутри. Рядовые избиратели! были далеки от этих проблем, и партия консерваторов могла не беспокоиться о том, что жесткая позиция их лидера как-то повлияет на имидж партии, но серьезная ошибка правительства Тэтчер в налоговой сфере давала повод для подобного беспокойства.

Введение «подушного налога» было связано с попыткой снизить расходы на местное самоуправление, на которое уходила значительная часть государственного бюджета. Предлагалось ввести отдельный налог на услуги местных органов власти, который должны будут выплачивать все, кто такими услугами пользуется. Это предложение долго не обсуждалось и как-то незаметно было принято — без всякой предварительной подготовки, которая была просто необходима. Дело в том, что местное самоуправление как таковое не просто «проедало» такие большие бюджетные средства — оно вело себя очень расточительно. Поэтому прежде, чем вводить «подушный налог», было необходимо провести реформу этих органов власти. В пример того, что могло случиться в результате, можно привести хрестоматийную ситуацию. В Оксфорде органы местного управления приняли в штат пятьдесят специалистов по проблемам СПИДа, причем вич-инфицированных в городе было всего два человека. Введение «подушного налога» позволило бы городским властям планомерно рассылать горожанам налоговые счета на несколько тысяч фунтов за эту «услугу».

Таким образом этот шаг правительства уже напрямую затрагивал избирателей. И партия консерваторов испугалась.

В ноябре 1990 года Тэтчер как лидер партии, а следовательно, и как премьер-министр была вынуждена уйти в отставку. Ее место занял министр финансов Джон Мей-джер.

Говорят, что в свой последний день на посту Маргарит, услышав о предательстве своих ближайших соратников, расплакалась. Но она никогда не позволяла чувствам управлять собой, и сделала все для того, чтобы ее партия не проиграла от этой отставки. Ее прощальная речь, которую она произнесла в палате общин, была так же прекрасна, как и та, с которой она пришла в большую власть. Весь мир не мог оторваться от экранов телевизоров, весь мир рукоплескал Первой Леди, и даже лейбористы недоумевали: решение консерваторов многие из них назвали сумасшествием.

И наверное, они были правы, потому что сегодня, когда после отставки Тэтчер прошло уже более десяти лет, со всей очевидностью можно сказать, что мнение Железной Леди относительно общеевропейской политики было верным. «Государство всеобщего благоденствия», но теперь уже в общеевропейских масштабах, опять не состоялось. Введение общей валюты никого не обогатило, а единая общеевропейская политика ни к чему другому, как к полному провалу в случае с Югославией не привела.

Маргарет Тэтчер управляла страной с мая 1979 года и покинула свой пост в ноябре 1990 года. Таким образом, она стала самым долгопребывающим у власти британским премьер-министром двадцатого столетия. И до настоящего времени она остается одним из самых могущественных мировых политиков, а ее выступления до сих пор встречаются овациями. Она была и осталась Лидером, знающим куда идти и имеющим смелость вести за собой.

Когда-то ее спросили: «Вы боитесь чего-нибудь конкретно?». Ее удивил вопрос и она задумалась, а потом ответила: «Я не могу думать об этом вообще... Я не боюсь полетов на самолете, больниц... смерти... Нет, я действительно не могу думать о чем-нибудь таком вообще».

Она умела и умеет до сих пор вызывать в людях самые полярные чувства: от ненависти до восхищения, от пренебрежения до преклонения, но никто и никогда не отрицал в ней качества настоящего лидера — твердого и властного. Никто, потому что ее уверенность в себе и в том, что она делает, всегда была обоснованна. И современное экономическое и политическое положение Великобритании — плод «тэтчеризма» — тому доказательство.

Индира Ганди

«я всю жизнь прожила в опасности, и для меня неважно, встречу ли я смерть лежа или крепко стоя на ногах».

Индира Ганди

Семьи, жизнь которых целиком и полностью стали частью истории страны, — не такое уж и частое явление. Семья Неру-Ганди — в их числе. Отштампованные фразы «Индира — дочь Индийской революции» уже ничего не скажут современному европейцу (но не индусу!), и все-таки: если чуть пристальнее взглянуть в штрихи из жизни женщины по имени Индира, многое становится понятным, потому что каждый ее шаг — это след в истории.

Индия... Нет, не страна индийских фильмов, которые, кстати, тоже являются вполне логичной частью ее культуры. Индия семьи Неру-Ганди — это борьба за обретение независимости, это дружба с Махатмой Ганди — автором позиции гражданского неповиновения колониальным властям, это дед и отец Индиры — утонченные аристократы, променявшие спокойную жизнь на постоянные тюремные отсидки. Индия — это и Индира, продолжательница великого рода, не на словах, а в действительности положившая ВСЕ на алтарь служения родине. Поэтому сегодня Индия — это и

страна, где власти вынуждены изымать из продажи номера популярного журнала, в котором публикуются отрывки из книги о ней с подробными описаниями личной жизни премьер-министра. Подобное покушение на память о матери-Инду — святотатство для индуса. Представители клана Неру-Ганди в общей сложности управляли страной около сорока лет, и каждый приходил к власти только демократическим путем. Из этих лет — почти двадцать, сначала в качестве наперсницы отца, а потом, проводя самостоятельную политику, страной правила Индира Ганди.

В 1987 году скульптор Комов и архитекторы В. Нестеров и Н. Комова создали памятник Индире Ганди, который установлен на площади ее имени: на скромном кубическом гранитном постаменте — хрупкая фигурка в сари, изящная и грациозная. В одной из рецензий на этот памятник написано следующее: «Автор сумел передать общие психологические черты характера женщины Востока, борющегося с колониальной зависимостью, — кротость и доброту, удивительную скромность и чистоту, и одновременно — гордость и непокорность, красоту души, стремящейся к внутреннему раскрепощению, свободе и свету. При этом он достиг глубокой индивидуализации образа, и не только за счет портретности (портретное сходство здесь не может считаться безупречным), но, прежде всего, благодаря найденному им особому психологическому оттенку выразительности: скрытому драматизму, трагическому предчувствию, заключенному в жизнеутверждающем облике героини». Лучше — не скажешь.

Обитель радости

Индира Неру родилась 19 ноября 1917 года в родовом поместье своей семьи — Обитель радости. Когда-то здесь родился и ее отец Джавахарлал Неру, известный политик, бо-рец за независимость Индии и первый премьер-министр этой страны. Семья была более чем обеспеченной, вряд ли сейчас можно в полной мере оценить, от какого богатства — от какой жизни отказался клан Неру. Но не говорить об этом, рас сказывая о жизни и судьбе Индиры Ганди, просто невозможно. Потому что история этой семья стала историей Индии.

Родовое имя семьи Неру — Кауль. Неру с индийского переводится как «канал». На берегу канала их предку были дарованы земли, когда он был призван ко двору Великих Моголов. Каста, к которой принадлежал род Неру, была одной из самых аристократических каст Индии — кашмирские брахмины — хранители древнего знания индусов.

Дед Индиры — Мотилал Неру — был по образованию юрист, и адвокатом оказался настолько успешным, что стал одним из богатейших людей Индии. И тогда он построил дом своей мечты, с лужайками,

теннисными кортами, бассейном, который назвал Обителью радости. Именно здесь и родилась его любимая внучка — Индира.

Дед и отец жили на широкую ногу. Тонкие знатоки искусства, люди светские — настоящая элита, сливки общества. Но общества не индийского, а английского: Индия тогда находилась во владении Великобритании.

Джавахарлала готовили стать преемником отца, которому тот и передаст свою богатейшую практику. Он получил блестящее европейское образование, был талантлив, умен, много читал с самого детства. Юридическое образование Джавахарлал получил в Хэрроу — знаменитой школе, в которой учились и Питт, и Палмерстоун, и Болдуин, и Черчилль. Перед тем, как отправить сына за границу, отец потребовал от него только одного — не жениться на иностранке. Древний род мог быть продолжен только так: невесту ему подберут родители и будет она только родом из кашмирских брахминов, то есть — их ровней. Знал бы он, как будет клокотать Индия, узнав о выборе мужа его внучкой Индйрой, знал бы он, что его правнук — Раджив — уедет за высшим образованием в Кембридж, туда, где учился его дед, и вернется домой с

иностранкой...Джавахарлал согласился, хотя ему все это было дико: «Неужели ты хочешь, — писал он матери, — чтобы я женился на девушке, которую я, может быть, так и не полюблю, а она не полюбит меня? Лучше уж остаться холостяком. Ведь женятся на всю жизнь. Пусть девушка из хорошей семьи, но она может мне и не нравиться, и нельзя быть уверенным в том, что каждая образованная девушка будет соответствовать моим ожиданиям. Согласен, девушка, которую выберете вы с отцом, будет хороша во всех отношениях, но я не знаю, смогу ли ужиться с ней. С моей точки зрения, брак невозможен без хоть какого-то взаимопонимания. Я думаю, что несправедливо и жестоко растратить жизнь только на то, чтобы произвести на свет детей».

Обо всем этом Джавахарлал не мог не вспомнить тогда, когда избранник Индиры оказался «недостойным» их древнего рода.

Мать Индиры — Камала — оказалась, с точки зрения родителей Джавахарлала, со всех сторон подходящей кандидатурой. Она не только принадлежала к древнейшему роду, но и считалась, не много не мало, а самой красивой девушкой Индии. Джавахарлалу пришлось согласиться, но прошло много лет прежде чем эти молодожены сумели «разглядеть» и оценить друг друга.

Камале было плохо в Обители радости — доме Неру. Она понимала, что для своего блестящего мужа она недостаточно образована, а женская часть семьи, свекровь и невестки, просто заклевывали ее. Говорят, Индира, на глазах которой все это происходило, так до конца жизни и не смогла простить за мать одну из своих тетушек...

Камала забеременела и просилась к родителям — рожать в их доме. Мотилал был категорически против: его первый внук — продолжатель гордого рода будет рожден только здесь, в Обители радости. Иначе и быть не должно! И вдруг... Вдруг родилась внучка!

Мать и сестры Джавахарлала восприняли это как чистой воды издевательство «этой дуры Камалы» надо всем семейством. С их точки зрения, рождение вместо мальчика девочки было чуть ли не нарочно подстроенным оскорблением. Но дед... Дед Мотилал сразу — окончательно и бесповоротно влюбился в свою Индиру. Он носился со всеми ее прихотями, баловал ее несусветно, и при каждом удобном случае говорил: «Моя первая внучка заткнет за пояс сотню внуков!»

Для заклеванной родственницами Камалы Индира стала самым настоящим спасением и смыслом жизни. Казалось, с появлением на свет дочери она ожила. Индира была очень близка с матерью. «Между нами существовала большая близость, — вспоминала Индира. — Я очень любила мать, и когда мне казалось, что ее обижают, я бросалась на защиту».

Сожженная кукла

Мотилал Неру был не только любимым дедом, но и весьма почитаемым в Индии и у властей Великобритании человеком — председателем Национального конгресса. Именно ему, как председателю, пришлось решать вопрос о том, как должен реагировать Конгресс на действия колониальных властей — расстрел мирной демонстрации индийских жителей.

После первой мировой войны, в которой Индия приняла самое непосредственное участие на стороне Великобритании, произошло то, что должно было произойти. В ряде учебников это явление называется «рост самосознания нации». Этого «роста» колониальные власти Индии очень испугались и добились в 1919 году получения из Лондона неограниченных полномочий. Познать на себе всю степень их неограниченности индийцы смогли в тот день, когда генерал Дайер расстрелял мирную демонстрацию, собравшуюся в день празднования Нового года.

И тогда в истории Индии появилось новое имя — Мо-хандас Карамчанд Ганди, известный во всем мире как Махатма Ганди. Махатма значит — «Великая Душа». За годы господства в Индии британцев нации — подспудно, но внушали мысль о некой «второсортности» индийца перед великой английской культурой. Конечно, спору нет, с точки зрения материальной, индусы были далеко позади своих колонизаторов. Фактически Махатма Ганди стал для своего народа новым пророком — он сумел, как говорили, «оду хотворить древнюю индуистскую религию». С его помощью религия в Индии стала политикой, а каждый верующий — политиком. «Я не мог бы вести религиозную жизнь, если бы я не идентифицировал себя со всем человечеством, а этого я не мог бы сделать, если бы я не принимал участия в политике, — выступал он перед группой миссионеров в 1938 году. — Весь спектр деятельности человека сегодня составляет одно неразделимое целое... Я не знаю никакой религии, кроме деятельности. Она предоставляет мораль-

ную основу для всех других видов деятельности, без которой жизнь будет лабиринтом звука и гнева, ничего не означая». Отныне религия стала деятельностью, а во внутренний мир индийской духовности более не было доступа британским колонизаторам. Но ведь существовал и мир внешний, в который эти колонизаторы активно вторгались! То что предложил Ганди Национальному конгрессу, на первый взгляд, показалось просто удивительным. Удивительным по простоте решения проблемы. Ганди — сторонник ненасилия — предложил ненасильственный способ давления на власть — «гражданское несотрудничество». Конечно, проблему это не сняло, но, по крайней мере, теперь у индийцев была вполне определенная позиция. А в те времена для нации это значило многое.

Позиция ненасилия — философия Ганди — в данном случае выражалась в следующем: противник слишком силен, чтобы воевать с ним, ждать реформ от него — бесполезно, а это значит — бойкот. Бойкот англичанам. Индийцы не будут ходить в одежде, сшитой из английской мануфактуры, индийцы не будут работать в государственных учреждениях, а также платить колониальным властям штрафы — и так далее.

Обитель радости пустела. Джавахарлал — один из самых рьяных организаторов кампании несотрудничества разрушает родовое гнездо. Аристократ, эстет, высокий ценитель и знаток живописи и литературы, до мозга костей он принял учение Ганди. «...Я отказался от старых друзей, от книг и даже газет, если они не имели прямого отношения к делу, которым я был занят... я почти забыл родных, несмотря на всю привязанность к семье, забыл жену и дочку».

О Неру можно говорить как о «клане», как о «династии», но, наверное, прежде всего они были настоящей Семьей. Потому что за Джавахарлалом пошли все, хотя каждому из них было что терять. Трудно отказываться от самого необходимого, они же, жившие в самой настоящей роскоши, отказались от всего «импортного», но ведь именно из этого и состоял весь их быт! Мать, сестры, жена переоделись в домотканые сари, и даже отец Мотилал — уже пожилой человек, скрепя сердце, отказался от всех своих привилегий. Он восхищался сыном.

Именно тогда, совершенно неожиданно для многих, вдруг «проснулась» и Камала. Вместе со всеми она изничтожала все «неиндийское», впервые в жизни почувствовав, что и она что-то может, что она — не пустое место, а сорат-чица, друг. О том, какая атмосфера царил в Обители радости, лучше всего расскажет следующий эпизод, который навеки остался в памяти об этих днях у Индиры. Эпизод, который она назвала первой «встречей с долгом и совестью». «Однажды вечером к маме пришла наша родственница, — вспоминала Индира. — Она приехала из Парижа и привезла мне прелестное вышитое платьице, но мама возвратила подарок и сказала, что у нас теперь носят домотканину, кхади. Гостья не могла этого понять. Взглянув на мамино сари — а кхади в те времена была очень грубая, как мешковина, — и увидев, что ткань чуть не до крови натерла ей кожу, она вышла из себя:

По-моему, вы все тут с ума посходили, ты-то хоть взрослая, и если тебе хочется довести себя, это твое дело, но ты просто права не имеешь мучить ребенка, а я подарок привезла ребенку!

Поди сюда, Инду, — позвала мама, — тетя купила тебе заграничное платье, очень красивое платье, и если оно тебе нравится, можешь носить. Но сначала подумай о том большом костре, на котором мы сожгли заграничные вещи. Тебе хочется ходить в нарядном платьице, когда мы все ходим в домотканых?

Соблазн был велик — у меня глаза разгорелись на платье, я было потянулась к нему, и тут услышала собственный голос:

Не буду я это носить!

Но почему? — поддразнивала родственница. — Разве тебе не нравятся красивые вещи?

Я в ответ пересказала все, чего наслушалась от взрослых.

— Ну хорошо, мисс Святоша, — сказала она, — а как насчет твоей заграничной куклы?

Сказала, не подумавши, просто так. Куклу я обожала. Она была для меня живая — как и все остальное тоже. Я давала вещам имена, и они сразу начинали жить собственной жизнью, кукла была моей подругой, моим ребенком. После этого много дней, а может, и недель — это не важно, потому что все равно время казалось вечностью, меня давила необходимость принять решение — борьба шла между любовью к кукле, гордостью за то, что у меня есть такая красивая кукла, и тем, что я считала своим долгом перед родиной. Я вообще плохо ела, а тут начала капризничать за

столом, засыпала же, только придя в полное изнеможение. Мама решила, что я больна, — на самом деле так оно и было. Наконец я приняла решение. Меня всю трясло, но я унесла куклу на верхнюю веранду и подожгла ее. Тут же я неудержимо разрыдалась, а потом свалилась с высокой температурой и пролежала несколько дней. А зажигать спички я и сейчас терпеть не могу». Индире было четыре года...

Давать образование своим дочерям

Об этих днях сохранилось и другое воспоминание Ин-диры. Дело в том, что поскольку Конгресс принял решение не выплачивать колониальным властям никакие штрафы, то тех, кто отказывался эти штрафы платить, сажали в тюрьму, а имущество в счет неуплаты конфисковывали. И отец, и дед — то вместе, то попеременно — тюрьму практически не покидали, а полицейские заявлялись в Обитель радости почти каждый день. «Полиция часто — почти всегда — забирала в уплату штрафов вещи, стоимость которых намного превышала сумму штрафа, — вспоминала Индира. — Скажем, штраф рупий пятьсот, а они берут ковер в несколько тысяч рупий ценой, или машину, или что-то еще из дорогого. Отношения в семье сделались очень натянутыми, кое-кто из родни не одобрял чрезмерной вовлеченности моих родителей в движение. Говорили, что дед не участвовал бы в движении, если бы не отец, что на отца повлияла мать, что если бы не ее вмешательство, он бы не решился. Сомневаюсь, что не решился бы».

В решимости отца сомневаться не приходилось, а вот Камала продолжала удивлять всех. Ее, прежде тихую и безропотную, словно подменили. Среди всей женской половины дома только она и Индира целиком и полностью — всей душой восприняли и приняли идеи отца. Теперь, после того как супруги сблизились духовно, в их отношения многое изменилось. Джавахарлал наконец-то увидел свою жену, мать своего единственного ребенка. Когда-то, когда Мотилал прислал ему за границу ее фотографию, чтобы сын мог заочно познакомиться с невестой, которую ему» подобрали родители, Джавахарлал написал в ответ: «Ни атома романтичности нет в том, как вы для меня выискиваете девушек, уговаривая их дожидаться моего возвращения... И вам все время кажется, что я могу влюбиться в фотографию. Эти вещи ушли в прошлое. Девушка, фотография которой вы мне прислали, скорее всего прекрасный человек, но я никак не могу сказать, будто влюбился в ее снимок». Теперь он ее увидел. Сохранилось письмо Джавахарлала одному из своих друзей, в котором имя его жены стоит рядом с именем... Махатмы Ганди:

«Думаю, сильнее всего на меня повлияли отец и Ганди. Но я мало поддаюсь внешним влияниям. Есть во мне склонность противиться попыткам оказать на меня воздействие. Но постепенные и подсознательные влияния делают свое дело. Моя супруга во многих отношениях оказала на меня серьезное влияние, хотя я далеко не сразу понял это». В 1925 году у Камалы и Джавахарлала родился долгожданный сын. Радость было недолгой: мальчик родился недоношенным и прожил всего два дня. Горе усугубилось и тем, что Камала никак не могла оправиться после родов, и в конце концов врачи поставили страшный по тем временам диагноз: туберкулез. Джавахарлал, Камила и Индира, — не медля, едут в Швейцарию в туберкулезный санаторий. В Швейцарии Индира пошла в школу и довольно легко адаптировалась: все-таки, воспитание ей дали европейское. В шоке от Европы оказалась ее мать. Сохранилось письмо, которое она написала другу их семьи. В нем есть очень горькие строчки: «Сегодня в мире, — пишет она, — считаются только с образованными людьми. С теми, кто необразован, даже говорить не хотят, даже близкие родственники, даже мужья не хотят говорить с такими. В этих условиях жизнь девушки становится невыносимой, да и жизнь ли то вообще или проклятие?.. Я буду призывать индийских женщин верить в бога и сражаться за собственную свободу — и давать образование своим дочерям, чтобы не знали они таких бед, как мы, чтобы могли завоевать независимость и положить конец индо-мусульманской розни».

Обитель радости — Дом независимости

«Завоевать независимость и положить конец индо-мусульманской розни» — это была главная задача, которую поставил перед собой Национальный конгресс, во главе которого стоял уже не Мотилал, а его сын. На этом настоял Ганди. И теперь позиция президента Конгресса была более чем тверда: «У Конгресса нет ни материальных возможностей, ни подготовки для

организации вооруженной борьбы, а отдельные акты террора или спорадические вспышки насилия есть свидетельство отчаяния... Но если Конгресс или нация когда-нибудь в будущем придут к выводу, что избавить нас от рабства могут насильственные методы, я не сомневаюсь, что поддержу их. Насилие отвратительно, но рабство еще хуже».

А дальше пошла череда арестов, кровавые разгоны демонстраций. Но семейство Неру и поднятый ими народ уже нельзя было остановить ничем. Не отец — нет, дед Мотилал принял решение о том, что Обители радости больше не будет. Он своими руками «разорил» выстроенное им с такой любовью родовое гнездо — отдал его под госпиталь, который в будущем должен был стать Домом независимости. После этого Мотилал вслед за сыном тут же был посажен за решетку. А самым главным организатором «беспорядков» в их отсутствие стала... тихая Камала! Именно она привела в дом того, кто впоследствии стал мужем Индиры. По странному стечению обстоятельств он оказался однофамильцем Учителя — Ганди. Однофамильцем человека, который вместе с Неру творил историю Индии.

Фероз Ганди был участником одной из демонстраций, организованных Камалой. Во время ее разгона Камалу сбили с ног и Фероз помог ей добраться до дома. Правда, на момент их знакомства Индира была еще мала, но уже через два года Фероз попросил ее руки. Индира высмеяла его, а отец сказал, что в их семье детей замуж не выдают.

Столь ревностное участие Камалы в делах своего мужа и свекра стоило тюрьмы и ей. Об аресте семью предупредили.

«Я хорошо помню, как это произошло, — вспоминает Индира. — Мы обедали, когда зазвонил телефон. Я сняла трубку и услышала незнакомый голос: «Нам только что стало известно, что завтра утром арестуют миссис Неру». Трубку повесили прежде, чем я успела хоть слово произнести. Я сказала маме, и она сразу заторопилась — нужно было успеть многое сделать до ареста. Она попросила меня собрать ее вещи, а сама бросилась созывать активистов Конгресса, чтобы передать им дела. Поскольку мама боялась, что будет и обыск, то нужно было срочно уничтожить кое-какие документы... За мамой пришли в пять утра».

А вскоре после ее ареста умер, так и не оправившись после перенесенной в тюрьме болезни, дед — Мотилал Неру.

Ничем хорошим не обернулась тюрьма и для Камалы. Ей, туберкулезнице, посещение подобных мест не рекомендовалось. Болезнь прогрессировала и в 1935 году врачи заявили о необходимости операции на легком. Денег на операцию не было, а сам Неру отбывал свое седьмое по счету тюремное заключение. Помогли друзья — собрали «с миру по нитке» средства на лечение Камалы, и Индира, которой тогда было 17, увезла мать за границу.

Операция не помогла, болезнь Камалы оказалась непоправимо запущенной. Власти освобождают Неру, чтобы дать ему проститься с умирающей женой, с единственным условием: он не имеет права возвращаться в Индию вплоть до истечения срока отмеренного ему заключения. 28 февраля 1936 года Камала умерла.

«Недостойный» однофамилец

Все это время, начиная с первого дня знакомства с семейством Неру, Фероз Ганди тактично, но настойчиво напоминал Индире о своем присутствии. Между прочим, он безмерно уважал Камалу, и это его преклонение перед ней даже вызывало насмешки у свекрови и невесток, намекавших на то, что «мальчишка, не иначе, влюблен». Он и впрямь был влюблен, но не в мать, а в дочь.

Когда Камала была жива, Фероз часто навещал их, приезжая специально для этого из Лондона, где он тогда учился. А после смерти матери, посещения Фероза стали для Индиры единственной отрадой. Ей было очень одиноко. За время своего обучения за границей она так ни с кем и не сблизилась, и Фероз был единственным лучиком радости, напоминающим ей о доме, о родине. Правда, на все предложения руки и сердца она отвечала отказом. Наверное, Фероз выбрал для этого не самое лучшее время в ее жизни: память о матери и обида за ее непростую и в целом несчастливую судьбу еще была совсем свежа. Одно время ей даже казалось, что она вообще не должна выходить замуж. Индира очень любила отца, очень любила мать, но видела, что эти два любимых ею человека несчастливы вместе... Может быть, она боялась повторения судьбы? Но Фероз добился своего, и 26 марта 1942 года состоялась их свадьба. Индира из великого рода Неру

сочеталась браком с Ганди из рода... безродных. Совпадение его фамилии с фамилией Учителя для индусов равным счетом ничего не значило. Самым ужасным было то, что Фероз оказался не только «безродным», но еще и «неверным»: самым чудовищным в выборе Индиры для индусов оказалось, что Фероз Ганди был иноверцем — не индусом, а парсом, зараострийцем — огнепоклонником.

Понять, как отец, принадлежащий к касте брахминов, допустил это, в такой религиозной стране как Индия никто не мог понять. Но хотя Джавахарлал не вполне симпатизировал Ферозу, его убеждения и личный опыт не позволили ему воспротивиться выбору дочери. Скандал разразился страшный. Пресса бушевала: этот брак, — захлебывались от возмущения все газеты, — невозможен. Нация опозорена: дочь ее лидера выходит замуж невесть за кого!

Джавахарлал вынужден сделать публичное заявление для прессы: «Брак — дело личное и семейное, касающееся главным образом двоих, вступающих в брак, и отчасти их семей. Я всегда считал, что, хотя родители могут и должны советовать в столь важном деле, окончательное решение принимают не они. Убедившись, что Индира и Фероз желают вступить в брак, я охотно согласился с их решением и благословил его. Махатма Ганди, мнение которого ценно для меня не только в общественных делах, но и в семейных вопросах, тоже благословляет этот брак».

Сам Махатма, пришедший на помощь друзьям, пытался убедить индусов другим путем: «Единственное преступление Фероза в глазах этих людей заключается в том, что он парс... С течением времени число таких союзов будет возрастать на благо общества. Пока же мы еще не достигли даже стадии! взаимной терпимости... Я призываю авторов ругательных писем отринуть гнев и благословить предстоящий союз. Письма свидетельствуют о невежестве, нетерпимости и предубежденности, своего рода кастовой неприкасаемости, особенно опасной потому, что ее трудно классифицировать».

(К числу таких союзов, позже, присоединился и союз Раджива Ганди с Соней — итальянкой по рождению. Их дочь Приянка — точная копия бабушки Индиры).

Время для семьи

Почти сразу же после свадьбы — скромной по желанию молодых — вновь начались аресты. Вслед за Джава-харлалом посадили за решетку и Индиру с Ферозом. По болезни Индиру выпустили раньше положенного срока — через год, а потом, когда из заключения вышел Фероз, они поселились в Обители радости. Там родились их сыновья — Раджив и Санджей. Первого внука дед увидел, когда его переводили из одной тюрьмы в другую, и Индира с Ферозом, узнав об этом, выбежали в ночь вместе с грудничком, чтобы Джавахарлал хоть издала, но увидел крошечного продолжателя рода. В те годы каждый из них не был уверен в том, что любая встреча не может стать последней. Тогда материнство стало для Индиры смыслом жизни. Так счастлива она уже не была никогда. Эти совместные годы с Ферозом и детьми остались в ее памяти как самое лучшее, что ей, как женщине, было уготовано.

«Политическая борьба сделала мое детство аномальным, — писала Индира в книге «Моя истина», — я постоянно чувствовала себя одинокой и незащищенной. Именно поэтому я так хотела посвятить все мое время детям. Потребность ре-бенка в материнской любви и заботе столь же остра и фундаментальна, как потребность растения в солнечных лучах и во-•• Вот почему моей главной проблемой сделалось примирение моих общественных обязанностей и ответственности перед домом и детьми... Когда они пошли в школу, я старалась вободиться от дел ко времени возвращения мальчиков домой. Однажды, когда Санджей был еще совсем маленький, к нам пришел его приятель по детскому саду со своей мамой. Мамаша, дама светская и состоятельная, высказалась по по воду того, что моя загруженность работой едва ли позволяет мне уделять достаточно времени сыновьям. Я и рта не успе-ла раскрыть, как обиженный Санджей бросился на мою заащту и закричал: «Мама занята очень важными делами, но все равно играет со мной больше, чем вы с вашим сыном!»

Индира была прекрасной, образцовой матерью и любящей супругой, но так уж сложилась ее жизнь, что она была ответственна и перед другим человеком — перед своим отцом. «Он был для меня товарищем, учителем и коллегой, — писала она уже после его смерти. — Я еще ребенком испы тывала почти покровительственное чувство по отношению родителям — мне казалось, что раз их постоянно преслед-ют, раз им приходится так тяжело, то я должна делать них

все, что в моих силах... Странно, но оба моих сына будто унаследовали такое же отношение ко мне...»

Об этом — втором долге своей жены Фероз знал очень хорошо. И также хорошо он знал о том, что когда-нибудь его жена будет поставлена перед выбором. После того, как Индира согласилась выйти за него замуж, он поделился своими сомнениями с другом: «Хотел бы я знать, — сказал он, будет она Индирой Ганди или останется Индирой Неру?»

Неру или Ганди?

1947 год. Индостан охвачен гражданской войной, пришедшей вместе с обретением долгожданной независимости. Свободное и независимое государство Индии возглавил Джавахарлал. «Это одна из самых гордых и волнующих минут в моей жизни, — пишет Индира об этих днях, — кульминация всего, ради чего боролись столько людей. Но когда наступила эта минута, ей стало трудно радоваться».

Долгожданный уход колониалистов вызвал самые страшные последствия. «Британская Индия» включала в себя территории нынешних Пакистана, Индии, Бангладеш, Шри-Ланки и Бирмы. Под властью англичан находилась не одна нация, а больше тысячи народов, говорящих на сотнях языков и исповедующих несколько религий. Сначала, в 1947 году, выделился в самостоятельное государство Пакистан, где преобладало мусульманское население. Борьба за Кашмир (северо-индийское княжество) привела к вооруженному конфликту между Индией и Пакистаном. На юге требовали независимости тамилы — потомки доарийцев. На востоке — в Бенгалии — тоже боролись за независимость. На северо-западе страны — в Пенджабе — за отделение боролись сикхи.

В условиях, когда страну наводнили потоки беженцев, и то тут то там вспыхивали вооруженные конфликты, ИНК — партия Индийский национальный конгресс и ее лидеры — выступала за национальную и религиозную терпимость, пацифизм. Ненасилие — основная установка Махатмы Ганди стала главным принципом правления, а любимой поговоркой клана Неру-Ганди всегда было: «Ненасилие, порой, требует большего мужества, чем насилие». Наверное, это действительно так.

В январе 1948 года погиб от рук члена индуистской террористической организации основоположник учения о ненасилии — Махатма Ганди. И Джавахарлалу стало совсем трудно. Дочь знала это. Она металась между мужем и отцом — между Дели, где жил и работал отец, и Лакнау, где жила ее семья. «Я приезжала в Дели на короткий срок, потом возвращалась к себе, но с каждым разом мне становилось все труднее уезжать. Я возвращалась к мужу и тут же Обязательно получала телеграмму: «Вернись, ожидается важный визит». В конце концов, Индира поняла, что так больше продолжаться не может, что из-за постоянных разъездов она просто-напросто не видит детей. И она сделала выбор забрала детей и уехала в Дели. Она осталась Неру.

И вместе с тем, было в этом решении и другое. Индира любила мать, любила отца, и была близка им обоим. Она не могла не видеть, как страдала Камала, как всю жизнь стремилась доказать своему мужу, что достойна любви, уважения, «Я видела, как она страдала, — записала Индира уже будучи взрослой женщиной, — и решила, что никому не позволю заставить так страдать меня... Я никогда не позволю себе попасть в такую зависимость от мужчины, от какой страдала та».

Независимость эта не далась ей легко. Стремление независимости и мужская гордость испортили жизнь и Феро-зу. После того, как они расстались, он решил баллотироваться в парламент и даже прошел на выборах, но едва начавшуюся политическую карьеру прервал. Дело в том, что газеты потихоньку, но всласть заговорили о явлении на свет «зятя наро-да». Этого стерпеть самолюбивый Фероз не смог, и когда ему как члену парламента пришлось переехать в Дели, то на предложение Индиры снова жить вместе, он ответил категорическим отказом. Индира была достаточно горда, чтобы упрямиться, и они продолжали жить отдельно — вплоть до 1959 года, когда Фероз перенес первый сердечный приступ.

Слава богу, он поправился, и Индира сделала все, чтобы они вновь начали жить одной крепкой и дружной семьей. Вместе они едут отдыхать и проводят счастливый месяц вместе с сыновьями. Вместе они возвращаются, и она ненадолго уезжает по делам Конгресса, а вернувшись застаёт мужа уже умирающим — Фероз не перенес нового сердечного приступа. «Я чувствую

полную опустошенность и отчаяние, — написала она одному из друзей семьи, — вы лучше всех знаете, как мы с Ферозом годами не сходились во мнениях, ссорились, но все это не только не разделяло нас и не ослабляло узы нашей дружбы, но, напротив, укрепляло их. В последнее время мы особенно сблизились. Мы провели замечательный месяц в Сринагаре, у нас были такие планы на будущее. Дети сейчас в том возрасте, когда больше нуждаются в отце, чем в матери. Я чувствую себя потерянной, опустошенной и мертвой, но надо жить дальше».

И она продолжала жить, только отныне жизнь ее была целиком и полностью отдана служению Индии. Сыновья повзрослели, муж умер, оставалось одно — быть Неру.

Продолжение дела отца

Отец умер в 1964 году, и Индира осталась совсем одна. Тогда она еще не думала о том, что сыновья должны продолжить дело их семьи, тогда она еще делала все возможное, чтобы уберечь их от политики. Приблизительно той же тактики придерживался когда-то и ее отец. Несмотря на то, что Индира стала для него главным помощником, он все-таки неоднократно высказывался (и лично дочери и официально в прессе), что пока он является премьер-министром, его дочь не займет ни одного, даже самого незначительного, государственного поста. И ее избрание в руководство национального конгресса не одобрил, довольно резко выразив свое недовольство.

На смену Неру пришел Лал Бахадур Шастри — выдвиженец от группы партийных лидеров, которую поддерживали крупные землевладельцы и предприниматели. Но в 1966 году он умер, и Индира — как лидер ИНК заняла пост, который когда-то занимал ее отец.

Политику, которую она проводила, вполне можно назвать жесткой. Но слишком тяжелы и сложны для разрешения были проблемы, которыми жила Индия. Прежде всего, неизменной осталась государственной политика, разработанная еще ее отцом, — ориентация на развитие собственного сельского хозяйства. Джавахарлал говорил: «Все может подождать, но не сельское хозяйство». Уже в первом пятилетнем плане на развитие сельского хозяйства было выделено 14,8% от всех капиталовложений. Была запланирована и обеспечена поставка крестьянам и фермерам семян, удобрений, воды. Были осуществлены государственные закупки зерна, установлены минимальные поддерживающие закупочные цены, одним словом, делалось все для того, чтобы накормить людей. Однажды Индире Ганди процитировали только входившее тогда в моду футурологическое предупреждение ученых о том, что «усилия по улучшению условий жизни людей начинают угрожать общему здоровью планеты». «Бедность и нужда, — отрезала Индира, — вот величайшие загрязнители!»

За время правления Ганди Индия стала ядерной страной. Это было важно не только с точки зрения обороны, но и с точки зрения экономического развития страны. Еще в 1954 году Джсавхарлал Неру, выступая в парламенте, заявил, что «достижения в области атомных исследований, химии и биологии не должны использоваться для производства и совершенствования оружия массового уничтожения». Уже тогда — в 1954-м он призвал начать переговоры по запрещению и ликвидации ядерного оружия. В 1965 году — при Шастри, Индия и группа государств подготовили проект договора, по которому страны, обладающие ядерным оружием, должны отказаться от его развития и распространения. Этот договор вступил в силу при Индире, но ее правительство совершенно справедливо считало, что договор составлен не в интересах Индии. «Поэтому, — выступила Индира в парламенте, — Индия будет руководствоваться исключительно соображениями национальной безопасности... Неподписание данного договора может принести нации многочисленные трудности вплоть до прекращения иностранной помощи. Но мы принимаем решение совместно поэтому вместе встретим все последствия».

С тех самых пор Индия выступала за прекращение ядерного распространения, но на основе предлагаемых ею дополнений к договору по нераспространению.

В самом начале правления Индирой был сделан и другой — очень смелый шаг. В 1969 году ее правительство национализировало 14 крупнейших банков Индии, и это решение вызвало раскол в партии. Когда стало ясно, что большинство в парламенте утеряно, Индира назначила выборы на год раньше, и в марте 1971 года одержала полную победу: ее партия получила больше двух третей голосов.

В 1971 году приняла Индира Ганди и еще одно историческое решение: когда пакистанское правительство подавило восстание в восточной части своей страны и лагеря для беженцев в Индии

снова переполнились, Ганди отдала приказ войскам занять Восточный Пакистан, который стал независимым государством Бангладеш. После окончания военных действий премьер-министр Пакистана Зульфикар али Бхутто и премьер-министр Индии Индира Ганди 2 июля 1972 г. подписали Симлское соглашение, в котором взяли на себя обязательство разрешать все спорные вопросы, включая Кашмирский, путем двусторонних переговоров. По поводу этих переговоров она сказала: «Недавние события в Восточном Пакистане подтвердили, то ни одной страной нельзя управлять с помощью военной силы. Крепкое государство может быть построено только путем уважения воли народа и завоевания его симпатий».

Преодолеть тоску

Через четыре года после того, как Индира назначила выборы раньше срока, об этом «вдруг» вспомнили, и Верховный суд обвинил ее в нарушении закона о выборах, лишив права голосовать в парламенте и занимать выборные посты в течение шести лет. 25 июня 1975 года Ганди ввела в стране чрезвычайное положение, усилила цензуру и отправила за решетку особенно рьяных оппонентов.

Это было смелым, но крайне непопулярным решением, но самый настоящий протест вызвала у населения программа планирования семьи, в которую, помимо прочего, входила и принудительная стерилизация. Многие считают, что в необходимости проведения столь «крутых» мер мать убедил младший сын — Санджей. Именно тогда он включился в политику, именно тогда Индира разглядела в нем будущего лидера, который сможет продолжить дело их рода.

Всеобщие выборы 1977 года она проиграла, но спустя три года, когда страсти улеглись, Индира вновь встает во главе правительства: партия ее отца вновь одержала убедительную победу.

Казалось, что все складывается хорошо. Сыновья женились, подрастали внуки. Младший — Санджей — по-настоящему увлекся политикой и мечтал о том, что сможет сделать для Индии то же, что сделала Тэтчер для Великобритании — заставит страну выйти из нищеты. Индира уже не чувствовала себя одной, рядом с ней был член семьи Неру, готовый продолжить их дело служения Индии. Пускай он еще горяч и молод и ему не так повезло с женой, как повезло старшему сыну — Радживу, но он есть, он — рядом.

В июне 1980 все рухнуло. Санджей — страстный пилот — разбился на спортивном самолете...

До сих пор слухи о том, что эта катастрофа была подстроена, не умолкают, но своим властным решением мать запретила судебное расследование, официально заявив, что семья расценивает эту гибель как несчастный случай. С тех пор она очень изменилась. Сохранилось письмо Индиры одной из своих немногочисленных под-. <<Ты вчера обронила фразу о том, что мне надо преодолеть тоску. Преодолеть можно ненависть, зависть, жадность и прочие негативные и саморазрушительные эмоции. Но тоска — это другое. Ее не забыть, ее не преодолеть. С ней надо научиться жить, впитать ее в себя, сделать частью жизни».

Одним словом, нужно было жить дальше, только теперь у нее оставался один Раджив. И еще его жена — Соня, с которой они очень сдружились и были по-настоящему близки. Соня помогала ей выбрать то чудесного шафранового цвета сари, которое Индира надела для телеинтервью с Питером Устиновым. Соне она сказала, что на этот раз не наденет бронежилет — слишком полнит.

Конец эпохи

Питер Устинов и его съемочная группа ожидали встречи с премьер-министром Индии с нетерпением. Интервью обещало быть интересным. «Я услышал, — вспоминал потом один из участников группы, — три одиночных выстрела, а затем автоматную очередь. Видно, убийцам хотелось выполнить свою задачу на все сто процентов. Они не оставили жертве ни единого шанса...»

О том, что готовится покушение, Индиру предупреждали. «Если я умру, как опасаются некоторые, насильственной смертью, — сказала она за несколько дней до своей гибели, — я знаю, что насилие будет в мыслях и действиях убийц, но не в моих последних мгновениях».

Ее убийцами стали собственные охранники — сикхи, которых она, несмотря на настоятельные просьбы советчиков, оставила в личной охране. Оснований не доверять сикхам у советников было более чем достаточно. За период с 1981 по 1984 год сикхскими террористами было совершено около 1200 различных террористических актов. Террористы захватывали поезда и автобусы, убивали индусов, расстреливали мирных жителей, взрывали жилые дома, угрожали сорвать Азиатские игры 1982 года. Вскоре лидер сикхов Бхиндервале объявил центром своей партии Золотой храм и стал призывать к вооруженным восстаниям против «индуистского шовинизма». Бхиндервале обвинил Индиру Ганди в том, что она не считается с сикхами и называет борцов за независимость горсткой экстремистов.

В 1984 году терпение властей перешло все границы и индийские войска осадили и взяли штурмом сикхскую святыню — Золотой храм в Амритсаре. Внутренняя разведка сообщила о том, что на территории Храма сосредоточены склады оружия и террористические группировки сикхов. Законом от 1983 года «использование храмов и святынь в качестве мест базирования светских, в том числе и политических организаций строго запрещалось». Так что с юридической точки зрения действия правительства были законны. Но не с точки зрения сикхов. Насилие породило насилие, и месть сикхов обрушилась на Индиру.

Начало конца эпохи Ганди-Неру было положено убийством ее второго сына — Раджива. Он никогда, в отличие от Санджея, не хотел быть политиком. Он был профессиональным летчиком, был счастлив в браке с женой Соней. Решение принять предложение возглавить партию его деда и матери пришло к нему в те минуты, когда он развеивал согласно индийским законам прах своей матери над Гималаями. Он погиб от взрыва бомбы, спрятанной в складках сари очаровательной девушки, протягивающей ему гирлянду цветов...

На последних выборах, прошедших в Индии, партия Джавахарлала Неру проиграла. В ее рядах не оказалось настоящего лидера. Соня Ганди — вдова Раджива — для индусов всего лишь иностранка, но вот ее дочь... Приян-ка Ганди не только внешне, но и всеми манерами напоминает индийцам незабвенную Индиру. Кто знает, может быть через несколько лет эпоха Неру-Ганди возродится снова...

Голда Меир

«Если ты чего-то хочешь, то это уже не мечта».

Голда Меир

Судьба этой женщины уникальна. Ей довелось стоять у истоков создания целого государства, при этом она приняла в его построении столь деятельное участие, что израильтяне до сих пор говорят: «Если бы не было Голды Меир, независимое государство Израиль могло бы и не появиться».

Голда Меир — единственная женщина, подписавшая Декларацию независимости Израиля. Первый посол Израиля в России, первый министр труда и социального страхования, первая женщина-министр иностранных дел, первая женщина премьер-министр еврейского государства, все это — Голда Меир.

В нашей стране ее имя долгое время было официальным воплощением антисоветчины, агрессии — всего того, что подразумевалось под выражением «оголтелый сионизм». Но времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Сиюминутные политические амбиции, уходя в прошлое, уступают место беспристрастному взгляду, беспристрастной оценке роли и места в истории женщины, которую без преувеличения можно назвать одной из величайших личностей XX века.

Она жила ради исполнения мечты своей жизни — уви-

детей еврейскую нацию свободной и независимой. И ради этого она жертвовала всем. Она была волевой и сильной женщиной, никогда не позволявшей обстоятельствам быть выше ее стремлений. Люди, знавшие Голду Меир лично, называли ее обворожительной, и это при том, что у нее никогда не было одновременно более двух платьев и в течение более чем тридцати лет она никогда не пользовалась косметикой. Она прошла через голод и лишения, постоянно находилась в экстремальных ситуациях, невообразимых даже для мужского организма, но никогда не позволила унынию постучаться в свой дом. В испытаниях, выпавших на ее долю, выковалась твердая воля и неуклонное стремление к цели. В личной жизни она никогда не была одинокой: у нее были муж, дети, внуки. Расставшись с мужем, она осталась его другом. Голду Меир всегда окружал ореол тайных романтических связей. Она была хороша собой и нравилась мужчинам, при этом всегда умела оставаться достаточно сильной, чтобы, занимая высокие посты, сохранить свободу и иметь самых блистательных любовников. Ей прощали все, потому что ради своего народа Голда Меир сделала все возможное и даже — невозможное..»

«Самое первое воспоминание.»

Первые восемь лет жизни четвертого премьер-министра Израиля прошли в России. Голди Мабович родилась 3 мая 1898 года в Киеве в семье плотника. В честь прабабушки, на которую она была поразительно похожа, ее назвали Голди, то есть — золотая.

Жизнь семьи нельзя было назвать легкой. «Ничего не хватало, — вспоминала Голда в своей автобиографии, — ни еды, ни теплой одежды, ни тепла в доме». Она была седьмым ребенком в семье, и не мудрено, что при таких условиях жизни один за другим умерли пятеро ее братьев. Любимая старшая сестра порой заменяла ей мать, именно она научила Голди читать и писать, ведь Мабовичи не могли позволить себе такую «роскошь», как отдать детей в школу. Шана была старше на девять лет, а младшая сестренка Клара на четыре года моложе.

В те годы родиться евреем в Киеве вряд ли можно было считать удачей. Ее семья не отличалась особой религиозностью. Родители поженились без традиционного сватовства, но, конечно, по воскресеньям и в дни поста ходили в синагогу, благословляли субботу, но жили по двум календарям: русскому и еврейскому.

Память о погромах Голда сохранила на всю жизнь. Через семьдесят лет эти воспоминания не притупились. «Вы знаете, — сказала она уже будучи премьер-министром Израиля Папе Римскому, — какое мое самое первое воспоминание? Ожидание погрома в Киеве». Это было ее ответом на упрек в том, что политике Израиля не хватает сочувствия. «Когда мы были сочувствующими, — продолжила Голда Меир свою тираду, — когда мы не имели родины и были слабыми, нас вели в газовые камеры».

Под дикие крики «Хриstopродавцы!» на глазах маленькой девочки поджигали дома и убивали людей. Это она запомнила навсегда. До конца жизни ее преследовали кошмары от пережитого в раннем детстве. Ужас погромов на долгие годы укрепил в ее сознании мысль о том, что все неиудеи в глубине души обязательно испытывают ненависть к евреям. Однажды американский журналист заявил Голде: «Не все евреи — сионисты», на что получил резкий ответ: «Конечно, но и не все гои — антисемиты».

Мучительная нужда и вечный страх в ожидании очередного погрома заставляли семью все чаще и чаще задумываться о перемене места жительства. Мабовичи переезжают в старинный белорусский город Пинск (Пиноку), где жили дедушка и бабушка Голды.

Отец Голды всю свою жизнь был оптимистом и не желал верить в то, что нужно покоряться судьбе. Он решил попытать счастья в далекой стране — «Золотой Медине» (Соединенных Штатах). Он уехал из дома, когда Голди исполнилось пять лет, и три долгих года семья ждала от него известий.

Золотая страна

Наконец найдя работу в Америке, отец вызвал семью к себе. И в 1906 году в поисках более счастливой доли семья Мабовичей эмигрирует в США. Голди на момент этого переезда исполнилось восемь лет.

Семья выезжала нелегально, и матери пришлось подделывать документы. Восемилетняя

Голди изображала из себя пятилетнюю, а семнадцатилетняя сестра Шана должна была выдавать себя за двенадцатилетнюю. Во время путешествия у них украли весь багаж и всю одежду, а в довершение ко всему все, кроме Голди, в дороге тяжело болели.

Их новая жизнь началась в Милуоки, штат Висконсин. Они поселились в самом бедном еврейском квартале города на улице Ореховая, но деревянные домики милуокского гетто произвели на Голди впечатление дворцов. Отец работал строителем, подрабатывал на железной дороге, но все равно его зарплата оставалась нищенской. Мать открыла сначала молочную, а потом бакалейную лавку в нижнем этаже их квартиры. Без посторонней помощи она сама стала «главным менеджером» небольшого магазина, не имея ровным счетом никакого опыта в ведении подобного рода дел и не зная ни слова по-английски. Голди помогала матери в лавке, и хотя семейный доход все еще оставался нищенским, для нее началась совершенно новая жизнь.

Голди блестяще училась в начальной школе. Она оказалась умницей, способной девочкой. Дома она говорила на идиш и русском, в школе и с друзьями — на английском. Ей очень нравилась школьная жизнь, книги, тогда ей казалось, что она просто создана для того, чтобы работать в школе. «Я с восьми лет мечтала быть учительницей», — писала она в автобиографии. Ее энергия заражала всех. Вместе с двумя школьными подружками семнадцатилетняя Голди организовала митинг по сбору средств на бесплатные учебники. Жизнь кипела!

Начальную школу она закончила в 14 лет и собиралась поступать в среднюю, как вдруг ее родители воспротивились тому, чтобы она продолжила обучение. Но Голди настояла на своем и все-таки поступила в среднюю школу. По выходным она подрабатывала, не брезгуя никакой, даже самой черной работой, чтобы не просить у родителей денег. Но постоянные скандалы с матерью продолжались.

Голди была очень красивой девочкой, к тому же — достаточно рослой для своего возраста. И родители, не долго думая, сосватали четырнадцатилетнюю дочь за тридцатилетнего страхового агента. В ответ на это Голди просто-напросто сбежала из дома в Денвер (штат Колорадо) к своей любимой сестре Шане, где та жила с мужем. В Денвере она прожила два года. Раз в неделю в крошечной квартирке старшей сестры проходили собрания. В Денвере тех лет было очень много еврейских иммигрантов из России, приехавших в Америку лечиться в знаменитой денверской больнице для легочных больных (сестра Шана тоже страдала туберкулезом).

Собрания протекали бурно, долгие ночные споры нередко заканчивались ссорами, но на следующий день все повторялось снова и молодые люди вновь и вновь возвращались к обсуждению важных для них вопросов.

Голди чувствовала себя в родной стихии и была счастлива. Она стала настоящим фанатиком движения «Рабочие Сиона». По политическим взглядам ей были особенно интересны сионисты-социалисты. Если бундовцы верили, что установлением социализма в России у евреев начнется счастливая жизнь, то сионисты-социалисты были с этим в корне не согласны. В основе их убеждений была национальная идея, основанная на концепции единого еврейского народа и восстановления его независимости. И главным, что вынесла для себя Голди из этих собраний, была именно идея необходимости национального очага для евреев, который они хотели создать в Палестине.

Среди молодых людей, часто посещавших собрания на квартире у Шаны, был и Моррис Меерсон. Он был тихим, неразговорчивым человеком, который любил, знал и понимал искусство. Приобщая Голду к миру поэзии, живописи, музыки, он вдохновенно читал ей Байрона и Омара Хайяма, водил на лекции по литературе, истории, философии, одним словом — Моррис был одним из бесчисленной вереницы влюбленных в эту красивую девушку. Но вскоре им пришлось расстаться, потому что Голди поссорилась с Шаной и ушла из ее дома.

В свои 16 лет, без какой бы то ни было поддержки, она в течение года жила совершенно самостоятельно и ни от кого не завися: устроилась на работу в магазин, где шили юбки на заказ. Уехать обратно в Милуоки ее заставило короткое письмо от отца: «Если тебе дорога жизнь матери, — писал он, — ты должна немедленно вернуться».

К этому времени финансовое положение ее родителей улучшилось, семья переехала в новую квартиру, и мать с отцом уже не возражали против того, чтобы Голда окончила среднюю школу, после которой в 1916 году она поступает в колледж для учителей. Одновременно с этим Голда становится активисткой различных еврейских организаций — по оказанию помощи евреям

России, в защиту прав евреев, по распространению среди них образования.

В партию «Рабочие Сиона» Голда вступила еще в 1915 году, быстро завоевав популярность среди соратников благодаря своему незаурядному ораторскому дару. И когда она вернулась к родителям, с движением покончено не было, напротив. Все свободное от учебы время теперь было посвящено общественной работе: она была признана самым вдохновенным оратором партии, причем на трех языках — английском, идиш и русском. Голда начала выступать на митингах еще будучи школьницей, а по ночам (другого свободного времени не было) обучала иммигрантов английскому языку. В результате безграничного энтузиазма Голди Мабович в 19 лет стала самым молодым делегатом Еврейского конгресса, который состоялся в Филадельфии.

В девятнадцатилетнем возрасте произошло еще одно знаменательное для юной Голди событие: она вышла замуж. Ее избранником стал тот самый Моррис Меерсон, с которым она познакомилась в Денвере. Но уже через две недели после свадьбы она уезжает от мужа, чтобы выполнить порученное ей обязательство — произносить свои знаменитые пламенные речи о сионизме и собирать средства на Западном побережье Соединенных Штатов. Ее отец был взбешен: «Кто бросает мужа сразу после свадьбы и отправляется в дорогу?», на что дочь ответила: «Я готова ехать куда угодно! То, что меня просят сделать, я сделаю. Партия сказала, что я должна поехать, и я поеду». Наверное, Моррис очень любил свою жену, потому что не только простил ей этот отъезд в самый разгар медового месяца, но еще и потому, что несмотря на его категорическое нежелание покидать Соединенные Штаты, в конце концов согласился с доводами Голди о том, что настоящие евреи должны бороться за обретение утерянной когда-то родины. В те годы в Америку приезжали жители еврейской общины в Палестине. Они рассказывали о жестокости существовавшего тогда турецкого режима (менее чем за год население общины сократилось с 85 до 56 тысяч). Несмотря на это, убеждение Голди в необходимости отъезда было непоколебимо. На вопрос о том, могла бы она уехать без своего молодого мужа, Голди ответила: «Я бы поехала одна, но с разбитым сердцем».

Так называемая Декларация Бельфура (названная так потому, что ее подписал Артур Джеймс Бельфур — британский министр иностранных дел), в которой британское правительство объявило, что положительно относится «к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа» и что оно «приложит все усилия для того, чтобы облегчить осуществление этой цели» была принята в ноябре 1917 года.

Первый раз Голди обратилась за разрешением жить в израильском киббуце в восемнадцать лет. Ей отказали из-за возраста. Но с мыслью о Палестине она расстаться не могла. В течение двух лет она ездила по Штатам, собирая деньги на оплату судна «Pocahontas» (Покахонтас), зафрахтованного для поездки в Тель-Авив. На этом судне оказались Голди с мужем, продавшие все свое имущество, за исключением патефона и пластинок, и Шана с двумя детьми (муж Шаны остался в США). Будущий премьер-министр государства, которого тогда еще не было на карте мира, отправилась в Палестину, чтобы сделать это государство возможным.

Судно вышло в море 23 мая 1921 года. Помимо Голди, ее мужа и сестры с детьми на его борту было еще двадцать три энтузиаста. «Это было чудом, — вспоминала Голди, — что мы пережили эту поездку». На корабле вспыхивали мятежи, не доставало продуктов, умирали люди. В середине плавания был убит капитан. Но 14 июля 1921 года это тягостное путешествие было закончено, и группа прибыла в Гель-Авив — крохотный городок среди пустыни, основанный 12 лет назад. Увидев реалии новой родины многие были шокированы и разочарованы (треть группы впоследствии вернулась в Соединенные Штаты). Казалось, счастлива была только одна девушка — Голди, которая в знак начала новой жизни официально изменила имя и фамилию, ивритизировав их. Голди Меерсон превратилась в Голду Меир, и это имя стало известно всему миру.

Земля обетованная

«Еврейский народ имеет право на кусочек земли, где он мог бы жить как свободный, независимый народ», — говорила Голда Меир. Этот «кусочек» и вправду был очень небольшим — окаменевшая полоска неплодородной пустыни. Меерсоны вступили в киббуц ЕМЕК в Мерхавии. Киббуц — это разновидность коммунальной деревни, где общим было все — одежда, продукты, дома и земля. В переводе с иврита Мерхавия означает — божьи просторы. Но несмотря на столь многообещающее название условия жизни в этих «просторах» были ужасны: плохая питьевая

вода, отсутствие уборных, некачественные продукты. Ко всему этому прибавлялись жара и малярия.

Голда Меир всю жизнь не переставала удивляться утверждению о том, что евреи «украли» арабские земли в Палестине. Это изумляло ее потому, что покупка этих самых территорий происходила на ее глазах. По большей части эти земли представляли собой малярийные болота, на которых и росло государство Израиль. Киббуцы создавались с целью превращения этих болот в пригодные для жизни людей земли.

Голда, неприхотливость которой вошла в легенды (у этой женщины, какой бы пост она не занимала, никогда не было в гардеробе более двух платьев одновременно, большую часть своей жизни она спала на кушетке и абсолютно легко переносила жизнь без электричества или газа), полная оптимизма вихрем носилась по киббуцу, стараясь устроить жизнь к лучшему. В двадцать три года ее — женщину и новичка — избрали в управляющий комитет. Она стала делегатом сионистского конвента, где встретила многих национальных лидеров — Бен-Гуриона, Берла Кацнельсона-Залмана Шазара, Давида Ремеза. Своих будущих соратников и преданных поклонников.

И не в ущерб общественной деятельности она продолжала активно участвовать в повседневной жизни киббуца, не брезгуя никакой работой. Сажала лес, выращивала цыплят, работала на кухне, собирала миндаль, учила детей английскому. И училась сама, в совершенстве овладев арабским и ивритом. Ее жизненным силам и счастьем от сознания того, что она ходит по земле вновь обретенной родины, не было предела. Главным, по ее словам, было не преодоление тягот жизни, а то, что она находилась среди людей, целиком и полностью разделявших ее взгляды. Ради этого она готова была стерпеть все. Она — но не ее муж.

Моррис ненавидел киббуц каждой клеточкой своего тела, он никак не мог приспособиться к невозможности уединиться и заниматься интеллектуальной деятельностью, а не изнурительной работой в поле. Книжки, музыка, интеллектуальное общение было в обыденной жизни киббуца непозволительной роскошью. К тому же Моррис заболел, и врачи настоятельно рекомендовали ему сменить климат.

Ради сохранения семьи Голда согласилась оставить киббуц и переехать — сначала в Тель-Авив, а затем в Иерусалим. В Иерусалиме Моррису удалось найти работу бухгалтера, которая плохо оплачивалась, а жили супруги в крошечном домике, состоящем из двух комнат, одну из которых приходилось сдавать. Электричества не было, а готовить еду приходилось в сарае на примусе. Там и родились их дети — дочь Сара и сын Менахем. Чтобы платить за квартиру (после рождения дочери квартиранту пришлось съехать, Голда брала белье в стирку. Эта «прачечная» состояла из одного корыта, вода грелась во дворе.

Четыре года, проведенные в Иерусалиме, были сложным для Голды периодом. И причиной тому были далеко не материальные затруднения и работа прачкой — она никогда не боялась никакой работы и была очень выносливой женщиной. Ее мучила мысль о том, что ее жизнь свелась к быту, ей не хватало дружеского окружения, и главное — ушла на второй план основная цель и причина ее переезда в Палестину: главное, чего ей доставало — это активного участия в построении еврейского государства.

На пути к мечте

Постоянное стремление Голды к общественной работе нашло выход в 1928 году. Она возглавила женский отдел Всеобщей федерации еврейских трудящихся. Пригодились ее организаторские способности, ее качества великолепного оратора. Пригодилось и знание английского языка, на котором она говорила без акцента. В 1928-29 годах она стала делегатом Американской Сионистской партии и вернулась в Соединенные Штаты — впервые с тех пор, как покинула эту страну. В 1929 году ее избрали делегатом на Всемирный Сионистский конгресс.

С конца 20-х годов арабское давление на жителей Палестины усилилось, а британское правительство все реже и реже проявляло желание помогать евреям. В Лондоне Ме-ир потрясла циничная фраза: «Вы, евреи, хотели получить во владение национальный дом, а получили всего-навсего в нем квартиру». Как делегат Всемирного Сионистского конгресса, Меир пользовалась любой возможностью рассказать правду о Палестине, собрать деньги для развития ее экономики.

В 1932 году Голда была направлена со специальной миссией в женскую организацию в

США. Это было кстати, так как у дочери Сары обнаружили тяжелое заболевание почек — поездка в США позволяла показать дочь специалистам. Моррис остался в Палестине. Когда Голда вернулась в 1934 году домой, они стали жить раздельно. Он работал в Хайфе и навещал семью по субботам, а она была назначена руководителем политического отдела Всеобщей федерации еврейских трудящихся в Тель-Авиве, а затем избрана председателем Совета директоров фонда помощи больницам («купат холим»).

В тридцатые годы как представитель Всемирной Сионистской организации Меир объездила весь мир. Она занимала множество постов, и ее называли «Золотой девушкой сионистского движения». Среди ее близких друзей и преданных поклонников были самые блистательные умы Израиля.

В 1933 году, когда к власти пришел Гитлер, еврейские беженцы стали покидать нацистскую Германию. Десятки тысяч людей прибывали в Палестину, где уже жили около 400 000 евреев. Палестина не была готова к принятию такого количества профессионалов и ученых. Предоставить им работу было невозможно, и люди бедствовали.

Ничего не изменил и 1937 год — год созыва конференции по германским беженцам, состоявшейся во Франции по инициативе США. Поставленный перед членами конференции вопрос фактически остался нерешенным. Практически каждая страна нашла веские аргументы для того, чтобы не впускать беженцев. Все это стало еще одним доказательством необходимости существования для евреев собственного государства.

К 1939 году, несмотря на устрашающий рост преследований и убийств евреев в Австрии и Германии, Британия решила прекратить иммиграцию в Палестину, другие страны просто отказывались их принимать. «Если народ слаб, — писала Голда Меир, — то как ни справедливы предъявляемые им требования, этого все равно мало».

Когда незадолго до второй мировой войны арабы присоединились к гитлеровской оси, Меир отправилась в путешествие, произнося речи, призывающие ее юных соотечественников присоединиться к Британии. В британские вооруженные силы ей удалось завербовать около 33000 евреев.

Долгое время палестинские евреи жили по так называемой «Белой книге» — британскому декрету, четко ограничивающему возможное количество въезжающих. И когда разразилась одна из самых страшных в мировой истории войн, палестинские евреи жили под лозунгом: «Мы будем бороться с Гитлером, как если бы не было «Белой книги», и с «Белой книгой», как если бы не было Гитлера».

Перед ними стояли три основные задачи: въезд в Палестину как можно большего числа евреев, получение у англичан разрешения на ведение боевых действий, создание такой экономики поселения, которая дала бы возможность принимать новых поселенцев — тех, кто уцелеет в ходе этой страшной войны...

Все военные годы Голда Меир была активным членом созданного Военного экономического совета. Она была назначена главой Сионистского политического департамента и служила в британском военном экономическом консультативном совете.

В 1943 году ей пришлось судиться с Британией по вопросу управления Палестинским государством. Во время процесса грозный британский судья позволил себе пренебрежительно заговорить с ней, на что она резко ему ответила: «Вы не должны так обращаться со мной». Вся Палестина испытывала гордость от того, что их интересы представляет такой человек.

Война унесла жизни миллионов людей, а массовое истребление евреев чуть не привело к нарушению генетического равновесия нации. XXII сионистский конгресс в Базеле Меир сравнила со сбором семьи в глубоком трауре.

Потрясения войны, чудовищные преступления нацистской Германии против человечества, политика европейских государств в еврейском вопросе — все свидетельствовало о том, что от разговоров о необходимости создания еврейского государства надо переходить к действиям.

После Второй мировой войны отношения между «ишувом» (так называлась еврейская община до создания Израиля) и Великобританией испортились окончательно. Британское лейбористское правительство, избранное в 1945 году, решительно поддержало ограничение иммиграции евреев в Палестину, изложенное в «Белой книге» в 1939 году.

В послевоенной борьбе за установление независимого еврейского государства Голда

присоединилась к группе Бен-Гуриона, которая в 1946 году была арестована и заключена в тюрьму в самое критическое время в истории сионистского государства. Арестованы и интернированы были сразу несколько известных лидеров. Среди них оказался и глава политического отдела Моше Шертук. Его должность заняла Голда, теперь она представляла интересы сионистского движения и стала главным представителем ишува в переговорах с британской администрацией. Британцы надеялись, что теперь, когда этот пост заняла женщина, вести дела будет гораздо легче. Голда в пух и прах разбила эти ожидания.

Когда два нелегальных корабля, направлявшихся в Палестину, были заблокированы в итальянском порту, тысячи беженцев на борту объявили голодовку. В знак солидарности с ними 13 лидеров сионистского движения в Палестине также объявили публичную голодовку. Инициатором голодовки была она — Голда Меир, только что вышедшая из больницы, где лежала с приступом холецистита. Болезнь не помешала ей принять участие в голодовке, хотя ее врач буквально рвал и метал, не гарантируя никаких последствий этого ее шага. Голодовка продолжалась 140 часов — вплоть до того момента, пока кораблям не разрешили продолжить плавание.

В 1947 году она посетила лагеря еврейских беженцев на Кипре и увидела, что в тех условиях, в которых они жили, их дети не смогут перенести наступающую зиму. Ей удалось добиться значительных послаблений в режиме въезда в Палестину хотя бы для детей. Это еще более подстегнуло евреев в требованиях государственности.

В январе 1948 года Голда Меир была послана в США, чтобы заручиться поддержкой американского еврейства в борьбе ишува за независимость и против арабской агрессии, а в мае 1948 ей было доверено вести секретные переговоры с королем ТрансИордании.

Именно в эти годы Голда внесла неоценимый вклад в дело создания независимого государства. Шаг за шагом, не идя ни на какие компромиссы, с неуклонной верой в правоту и необходимость своего дела Голда Меир и ее народ приближались к осуществлению своей мечты.

Обретение родины

Политическая история Израиля началась задолго до создания государства Израиль, и все эти годы прошли в мучительном ожидании провозглашения независимости.

29 ноября 1947 года в городе Флашинг-Медоу собрались делегаты 56 (из 57) государств-членов ООН. В этот день в их задачу входило принятие решения относительно узкой полоски земли на восточном берегу Средиземного моря. Эту древнейшую землю с почти двухтысячелетней историей предлагалось разделить на два государства — арабское и еврейское. Понимание того, что это — единственный путь к прекращению длившейся уже более тридцати лет войны между арабами и евреями, было у абсолютного большинства делегатов, поэтому прения были недолги-ми и уже к вечеру началось голосование...

В это время за тысячи километров от места, где решалась судьба ее народа, в Иерусалиме, непрерывно поглощая кофе — чашка за чашкой, и куря сигареты — одну за другой, Голда Меир ждала решения. И вот прозвучало:

«Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций тридцатью тремя голосами против тринадцати при десяти воздержавшихся проголосовала за раздел Палестины».

Вероятно, не так уж и трудно представить себе, что чувствовалась в эти минуты Голда Меир. Ее силы как будто умножились — вдвое, втрое! И она опять сделала невозможное, сделала то, на что был способен только один человек на земле — Голда Меир.

После решения ООН о разделе Палестины ситуация в будущем государстве Израиль чрезвычайно обострилась. Госсекретарь США Джеймс Форрестол определил все происходящее весьма кратко, но более чем ясно: «45 миллионов арабов собираются сбросить 250 тысяч евреев прямо в океан». Борьба за независимость закончилась и началась борьба за выживание.

На пути становления независимого государства возникли две основные проблемы. Во-первых, у страны не было денег — прежде всего на оборонные нужды, а во-вторых, король Иордании заявил, что арабы готовы пожертвовать десятью миллионами своих жизней, лишь бы уничтожить полмиллиона евреев в Палестине. Это была непосредственная прямая угроза.

В январе 1948 года — через полтора месяца после решения ООН о разделе Палестины — Голда едет в США для сбора денег. Деньги предназначались для закупки оружия в Европе. Оно

было необходимо для спасения нации от немедленного истребления. Десять миллионов арабов окружали собирающееся стать независимым государство со всех сторон, и евреи, находящиеся на линии фронта, просили разрешения покинуть свои территории, чтобы не стать безоружными жертвами арабов. Для обороны нужны были танки. Для покупки этих танков нужны были деньги, как минимум — 10 миллионов долларов.

Меир вызвалась достать эти деньги, потребовав взамен от израильтян остаться на занимаемых позициях. «С моей стороны это был блеф, — признавалась она. — Откуда мне было взять 10 миллионов долларов?» Тем не менее она немедленно выезжает в Америку и лихорадочно занимается поиском средств. Первая, к кому она обратилась, была Элеонора Рузвельт.

Во главе американского сионистского движения стоял тогда Генри Ментор. Этот человек не был уверен в том, что существует какой-либо смысл вкладывать такие деньги в кучку людей, живущих на крошечной полоске земли в пустыне на другом конце земного шара. Но Ментор оказался не первым и не последним мужчиной в жизни Голды Меир, которого ей удалось очаровать и переубедить. Журналисты цитировали в прессе его впечатление от Голды: «Голда горела всепожирающим пламенем. Эта женщины была великолепна». Влюбленный Генри Ментор всюду говорил о Голде Меир как о «самой могущественной еврейской женщине современности». Основания для такого утверждения были.

За три месяца Голда Меир сумела собрать 50 миллионов долларов — сумму, в три раза превышающую годовую добычу нефти в Саудовской Аравии в 1947 году. Когда она вернулась, потрясенный Бен-Гурион сказал: «Когда-нибудь, когда история будет написана, там обязательно будет упомянуто, что была такая еврейская женщина, которая доста ла деньги, сделавшие наше государство возможным».

В истории образования еврейского государства упомянут и еще один подвиг этой еврейской женщины. Чтобы предотвратить надвигающуюся войну, Меир решила встретиться с королем Иордании Абдаллой. Между сионистскими лидерами и Абдаллой существовали секретные контакты. В ноябре 1947 года Голда приняла участие во встрече с монархом в Нехараиме на границе южного побережья Тивериадского озера. Ранее Абдалла заявлял, что если спорный план раздела будет одобрен ООН, он признает еврейское государство и присоединит к Иордании территории, выделенные для арабов. Однако в последующие месяцы оказалось, что после окончания действия английского мандата Иордания в союзе с Египтом, Сирией и Ираком намеревается оккупировать всю Палестину. И 10 мая 1948 года Голда вновь отправляется на встречу с королем Абдаллой, чтобы предотвратить надвигавшуюся войну. Шаг был рискованный, и друзья в один голос предупреждали ее об этом, но Голда сказала: «Я готова пойти в ад, если это даст шанс спасти жизнь хотя бы одного еврейского солдата».

С экспертом по арабским делам Эзрой Даниным она пересекла ночью границу и была доставлена в автомобиле в королевский дворец. Они замаскировались под арабского купца и его жену, накрытую паранджей. Пройти военные посты, встречавшиеся по дороге, им помогли фальшивые документы.

Абдалла был честен по отношению к этому своеобразному посольству. Он неоднозначно дал понять, что связан определенными обязательствами, и ему необходимо присоединиться к арабскому нападению. Голда заявила Абдалле, что в случае войны Израиль победит. Позже в книге «Моя жизнь» она напишет об этом: «Это была величайшая наглость с моей стороны, но я знала — мы должны победить». Прощаясь, король спросил ее, почему она лично с таким неразумным нетерпением борется за независимое государство, на что Меир ответила: «Не думаю, что 2000 лет можно воспринимать как большую спешку». На обратном пути перепуганный шофер-араб высадил нелегальную делегацию на иорданской стороне границы. Незадолго до рассвета они пешком пересекли ничейную полосу, пока их не подобрал боец еврейского военизированного отряда самообороны.

За первые две недели после резолюции ООН было убито 93 араба, 84 еврея и 7 британских солдат. Ситуация была критической. В течение нескольких месяцев Меир спала по четыре часа в сутки, а на вопросы журналистов о том, как она смогла вынести такой ритм жизни, Голда ответила: «Мы просто хотели остаться в живых, а наши соседи хотели видеть нас мертвыми. Это не тот вопрос, по которому есть большие возможности для компромисса». А главной причиной их победы она считала следующее: «У нас было секретное оружие — отсутствие альтернативы».

То, что сделала Голда Меир в этот критический для Палестины период, трудно переоценить. Остается только удивляться невероятной выносливости этой женщины. И все-таки она была живым человеком и 13 апреля 1948 года напряжение этих дней дало о себе знать: Голда перенесла сердечный приступ. Но она не могла себе позволить умереть вот сейчас — тогда, когда мечта и цель всей ее жизни были так близки!

14 мая 1948 года в Палестине было провозглашено государство Израиль. Из двадцати четырех человек, подписавших Декларацию независимости, единственной женщиной была она — Голда Меир. «Глаза мои наполнились слезами, — вспоминала она, — руки дрожали. Мы сделали еврейское государство реальностью, и я, Голда Мабович-Меерсон, дожила до этого дня». И здесь же она отмечает политическую прозорливость Бен-Гуриона, понимавшего, что независимость возможна или только сейчас, или — никогда, ведь, в вопросе образования еврейского государства было достигнуто согласие двух гигантов — США и СССР. Это согласие было уникальным шансом.

На церемонии провозглашения независимости пятидесятилетия Голда, не стесняясь никого, рыдала в голос. Битва всей ее жизни, ее главная мечта стала реальностью. На карте мира появилось новое государство — Израиль.

Снова в России

Через месяц после провозглашения государства Голда была назначена послом Израиля в СССР, но отъезд ее задержался: она сломала ногу в автомобильной катастрофе в Бруклине.

И вот через 42 года Голда вернулась в Россию в качестве посла — первого посла Израиля в Советском Союзе. Маленькая девочка, увезшая с собой память о горе, голоде и погромах, вернулась в Россию в качестве дипломатического представителя еврейского государства.

Причины назначения Голды на этот пост были вполне понятны. Помимо того, что она свободно говорила по-русски и знала русскую культуру, ее считали наиболее проницательным дипломатом в правительстве. И это последнее было признано всеми лидерами только что созданного государства.

Посольство Израиля разместилось в гостинице «Метрополь». Это было не совсем обычное посольство. Во-первых, оно управлялось на принципах киббуца: высокие гости столицы, включая и самого посла, поочередно готовили еду, несли дежурства...

Позже в автобиографии Голда напишет о гордости, которую испытала, познакомившись с московскими евреями убедившись, что они, по ее словам, «остались евреями», Посещение московской синагоги стало для Меир настоящим праздником. Взволнованные евреи окружили ее, всячески выражая свое восхищение. Сталин был взбешен таким приемом, и дал указание сделать все, чтобы больше не допустить подобного.

Племянник Лазаря Кагановича, американский журналист С. Каган в книге «Кремлевский волк», рассказывал со слов своего дяди следующее:

«По прибытии Г. Меир в советскую столицу ей был оказан такой прием, какого никто не ожидал. Евреи заполнили улицы Москвы, они окружали гостиницу, в которой остановилась гостя. Уже одно ее появление вызывало восторженные крики.

Это был самый радушный прием, оказанный когда-либо представителю иностранного государства, и особенно одним из национальных меньшинств...

Сталин был потрясен. Он созвал срочное заседание Политбюро. И не мог сдержать себя. Лицо его стало пунцовым.

— Вот как нас благодарят! Евреи? Евреи так и не сумели приспособиться или акклиматизироваться как другие меньшинства.

Они представляют собой постоянную опасность. Даже московские евреи имеют связи с границей. Нам угрожает опасность сионизма!»

Спустя годы это неофициальное восхищение перед Голдой Меир и страной, которую она представляла, отголоском прозвучало (правда, в несколько «вольном» жанре) в известной песне Владимира Высоцкого — про того самого Мишку Шифмана, которого за «пятую графу» не пустили в Израиль:

Мишка также сообщил По дороге в Мневники — «Голду Меир я словил В радиоприемнике», — И такое рассказал, Ну до того красиво, Что я чуть было не попал В лапы

Тель-Авива...

Лично для Голды находиться в Советском Союзе было очень тяжело. Дело в том, что 1948 год стал годом первой арабо-израильской войны, и ее мучила мысль о том, что в это тяжелое для ее вновь обретенной родины время она находится так далеко.

Миссия Голды Меир в Советском Союзе продолжалась недолго — всего 7 месяцев, и уже в самом начале 1949 года она возвращается в Израиль, чтобы занять в правительстве Давида Бен-Гуриона должность министра труда и социального страхования.

От министра труда к премьеру

Вероятно, должность министра труда и социального страхования можно считать почти идеальной для женщины, но только если речь идет о стране, находящейся в стабильном состоянии. Израиль был от этого более чем далек. И в годы массовой репатриации и связанных с ней социальных проблем этот пост оказался одним из наиболее сложных, но тем не менее он оставался ключевым в политике государства, поскольку принимаемые на этом уровне решения затрагивали жизни и судьбы огромного количества реальных людей.

Начиная с 1949 года в небольшое, охваченное войной государство со всех точек земного шара постоянно стекались иммигранты. В течение нескольких лет их прибыло около 700 000. Размещались они в палатках и хижинах. Их надо было обеспечить работой, жильем. Не хватало школ, больниц, продуктов питания, строительных материалов... И главное — не хватало денег, ведь огромная часть бюджета шла на военные нужды. Именно этими вопросами и занимался министр труда.

Голда Меир вновь едет на сбор средств в США, Европу, Латинскую Америку. Это была тяжелая, изнуряющая работа, но именно те годы она назвала в своих воспоминаниях «самым плодотворным периодом своей жизни».

Умение общаться с лидерами других стран, знание языков, наработанные связи — все это сделало Голду Меир общепризнанным вождем, достойно представляющим народ Израиля. И в 1956 году Бен-Гурион назначает Голду Меир министром иностранных дел.

Когда журналисты спрашивали ее, как чувствует себя женщина на этой должности, она отвечала: «Откуда мне знать. Я никогда не была мужчиной в должности министра иностранных дел».

Министром иностранных дел Голда оставалась на протяжении 9 лет. На этом важном дипломатическом посту она умудрилась оставаться собой. Упрямая, прямая в высказываниях, нередко — вспыльчивая. Необходимость соблюдения правил протокола иногда выводила ее из себя. Она любила называть вещи своими именами и ее раздражали все дипломатические экивоки «согласно протоколу» — уклончивые фразы и игра слов в резолюциях ООН. Она смотрела на мир с позиции «черно-белое», то есть — справедливо или нет то или иное решение с точки зрения морали. Это в корне не соответствовало традициям европейской дипломатии, и для многих Голда Меир была крайне неудобным персонажем политического Олимпа. И все же ей удавалось наперекор всему и всем добиваться того, что с ее точки зрения было в высшем смысле справедливо.

Так было, например, в 1960 году на заседании Комитета безопасности ООН по поводу жалобы Аргентины, которая заявила, что захват нацистского преступника Адольфа Эйхмана израильской разведкой Моссад явился нарушением ее суверенитета. С дипломатической точки зрения Аргентина была права. Но не с точки зрения Голды Меир. В своем выступлении она с такой страстью говорила о Холокосте, что Совет безопасности заявил, что в качестве соответствующей репарации, требуемой Аргентиной, израильскому правительству достаточно принести свои извинения и принять резолюцию ООН по данному вопросу. Привлечение Эйхмана к суду Совет одобрил.

Почти десять лет, проведенные Меир на посту министра иностранных дел, были временем быстрой деколонизации Черной Африки — одна страна за другой становились независимыми и вступали в члены ООН. Меир всегда чувствовала внутреннее родство — общую беду и предысторию с этими странами. Она всей душой ощущала необходимость помощи этим угнетенным народам. Меир совершила несколько визитов в Африку и оставила неизгладимое впечатление на лидеров тех стран, которые она посетила. Способствуя разработке различных программ помощи

Африке в области здравоохранения, образования, борьбы с голодом, Голда Меир создала специальный департамент в министерстве иностранных дел для осуществления этих программ.

К концу 1965 года она вынуждена была признаться самой себе, что общая усталость, которая накопилась за время работы министром иностранных дел, превысила все человеческие возможности. Голде Меир исполнилось 67 лет. Поэтому она решила, что лучше «быть полностью бабушкой, чем полуминистром». На протяжении всей своей жизни она всегда ощущала некоторое чувство вины перед своими детьми, а теперь — и перед внуками. Их у нее было уже пятеро.

Но побыть полноценной бабушкой ей удалось только Месяц. Рабочую партию раздирали распри, и ее соратники, веря, что только великая Голда сможет привести партийцев к примирению, избрали ее генеральным секретарем, а затем — государственным секретарем партии Согласия, созданной в результате коалиции трех рабочих фракций.

В феврале 1969 года внезапно скончался от сердечного приступа Леви Эшкол — премьер-министр Израиля. Стране грозила внутрипартийная борьба за власть. И все понимали, что в течение 8 месяцев до следующих всеобщих выборов этот пост должен занимать только один человек — Голда Меир. И пусть она была больна и ей было 72 года. За ее плечами было более 45 лет политического опыта и авторитет ее был непререкаем во всей стране. Другой такой не было. Это решение стало для Голды полной неожиданностью: «Я была ошеломлена. Я никогда не рассчитывала стать премьер-министром. Я вообще никогда ни на что не рассчитывала. Я планировала, что поеду в Палестину, стану активным участником лейбористского движения». Впрочем, она приняла необходимость ее назначения:

«Я поняла, что мне придется принимать решения, от которых будет зависеть жизнь миллионов людей, — писала она в мемуарах. — Однако на размышления времени не было, и раздумья о пути, который довел меня из Киева до кабинета премьера, надо было отложить на потом».

17 марта 1969 года — через месяц после смерти Леви Эшкола — Голда Меир была единогласно избрана главой правительства. И она, как впрочем и всегда, сделала все возможное и невозможное на этом новом — последнем посту.

За короткое время Голда Меир полностью вошла в ритм работы кабинета министров. В результате, как само собой разумеющееся, было принято решение о том, что Голда Меир достойна и дальше находиться во главе правительства. В октябре 1969 года возглавляемая ею партия одержала решительную победу на выборах.

Израильская пресса писала тогда: «Трудно для людей, чьи религиозные убеждения отводят женщине почетное место в доме, принять идею, что женщина может находиться во главе политического департамента. При всем хорошем отношении и уважении к женщине, ей не место наверху в качестве одной из центральных фигур».

Впрочем, общеполитическое положение страны в то время было таковым, что сам по себе пост премьер-министра никоим образом не мог рассматриваться как «лакомая должность» ни для кого — будь то мужчина или женщина. Постоянно возникающие локальные конфликты на границах Израиля вынуждали страну быть в постоянной боеготовности, и конечно, упорно искать всевозможные пути для мирного урегулирования всех спорных вопросов.

Правление Меир сопровождалось частыми столкновениями между Израилем и арабами. И в свои семьдесят лет Голда вынуждена была взвалить на свои плечи тяжелый груз политических проблем. Своим недоброжелателям, критикующим политику Израиля, она отвечала:

«Если у нас есть выбор между тем, чтобы погибнуть, вызвав всеобщее сочувствие, или выжить с плохим имиджем, то лучше уж мы останемся живы, имея плохой имидж».

Миру оставалось быть недолго, и Голду не покидали недобрые предчувствия — она интуитивно чувствовала близость надвигающейся войны. Временное прекращение огня давало обманчивое чувство безопасности для большей части ее кабинета. Она постоянно делилась со своими соратниками мыслями по поводу надвигающейся катастрофы. Интуиция ее не обманула.

В марте 1973 года израильский истребитель сбил ливийский «Боинг-727», внезапно вторгшийся в воздушное пространство Израиля, погубив жизни 106 человек. Это был провал израильской разведки. Советники и члены кабинета уверяли мечущуюся Голду: «Не беспокойтесь, войны не будет». Но недобрые предчувствия ее не покидали, и 5 октября она созвала срочное заседание кабинета, на котором сказала следующее:

«У меня ужасное предчувствие относительно того, что происходит. Это напоминает мне 1967 год... Я думаю, что это что-нибудь да значит»...

Но, ни начальник ее канцелярии, ни министр обороны, ни шеф разведки, ни министр торговли не приняли в расчет женскую интуицию, уверяя Меир в том, что все будет хорошо. Много позже Голда вспоминала:

«Я должна была прислушаться к голосу своего сердца и объявить мобилизацию. Я уже тогда знала, что должна была так поступить, и мне предстоит прожить с этим ужасным знанием всю оставшуюся жизнь».

Если бы мужской кабинет поверил своему премьеру-женщине, то разразившаяся трагедия не унесла бы жизни двух с половиной тысяч людей — именно столько погибло во время войны Судного Дня 1973 года — четвертой войны Израиля с арабскими странами, которая началась ранним утром 6 октября 1973 года внезапным одновременным нападением Египта и Сирии в Судный День (праздник).

Самый известный израильский военачальник — Моше Даян, бывший в то время министром обороны, поспорил с Давидом Элазаром, начальником генерального штаба Армии Обороны Израиля, сколько резервистов следует мобилизовать, чтобы отразить угрозу, — две или четыре дивизии. Моше Даян настоял на том, чтобы в решении этого вопроса участвовала Меир. Инстинктивно Голда поддержала Элазара, который выступал за более широкую мобилизацию. Интуиция вновь не подвела ее: был обеспечен достаточно внушительный перевес сил, позволивший отразить угрозу безопасности Израиля. Позже личный секретарь Премьер-министра записал в своем дневнике горькие слова Голды: «Они специалисты, а я — гражданское лицо. Я даже не знаю, что такое дивизия. Что я понимаю в этих делах?»

И тем не менее она сделала все от нее зависящее. Ей было тогда далеко за семьдесят, но она как и раньше спала не больше четырех часов в сутки и никогда не покидала офис больше чем на час. Иногда ее заставляли спать прямо за рабочим столом. На пятый день войны, когда, казалось, разгром израильских войск был неизбежен, она среди ночи позвонила госсекретарю США Генри Киссинджеру. Его личный секретарь объяснил Меир, что сейчас уже полночь, поэтому было бы неплохо подождать с разговорами до утра. Но Голда ответила: «Меня не заботит, который теперь час. Нам нужна помощь сегодня, потому что завтра может быть слишком поздно». Ей удалось убедить Киссинджера, и американский воздушный мост заработал вовремя. Нация была спасена.

Несмотря на убедительную победу, одержанную ее партией в декабре 1973 года, премьер-министр Израиля Голда Меир неожиданно ушла в отставку 10 апреля 1974 года — через полгода после окончания войны и практически сразу после публикации сообщения комиссии Аграната о неправильной оборонной политике руководства в период, предшествующий войне. Этот пост она занимала в течение пяти лет. «Было выше моих сил нести дальше это бремя», — сказала она, а в прощальном заявлении эта сильная женщина заявила: «Если Израиль не будет сильным, то мира не будет». Она знала, о чем говорит.

Совесть своего народа

Голда Меир успела застать заключение первого арабо-израильского мирного договора — Кэмп-дэвидских соглашений. Незадолго до этого, во время первого визита египетского президента Анвара Садата в Израиль, она сказала ему: «Я хочу, чтобы даже такой старой леди, как я, довелось пожить во времена мира между нами и вами».

Когда Голда Меир приехала в Палестину в 1921 году, здесь было 80 тысяч евреев. Когда она покинула свой кабинет премьер-министра, в Израиле проживало 3 миллиона человек. Популярность Меир в Израиле и за рубежом была чрезвычайно высока. Сначала ее называли Золотой девушкой нации, потом — доброй болеющей за свой народ матерью, потом — бабушкой. А после ее смерти соотечественники назвали ее «Совестью еврейского народа». Ее любили, хотя для многих всю свою жизнь она оставалась железной Голдой. В политике Голда Меир оставалась до конца своих дней, и только после ее смерти выяснилось, что последние двенадцать лет ее жизни она страдала лейкемией.

Когда-то Голда Меир заметила:

«Я честно могу сказать, что никогда не отказывалась делать что-либо из-за опасения потерпеть неудачу».

Голда Меир — одна из величайших женщин мира. Все свои силы, весь свой талант — всю свою жизнь — она отдала на воплощение мечты — сделать реальностью существование независимого государства Израиль. Никакие биографические данные, перечни должностей и рост политической карьеры не могут объяснить огромной любви, которой пользовалась Голда Меир у своего народа, и уважения во всем мире.

По свидетельству израильского дипломата Яакова Цура, ей удавалось привлечь на свою сторону политических деятелей, крайне далеких от того, чтобы назвать их сторонниками сионизма и государства Израиль. Она умела завоевывать сердца. Общавшиеся с ней люди быстро попадали под обаяние ее простоты и естественности, с ней любили встречаться журналисты — она была открытой системой, и если не могла или не хотела отвечать на какой-нибудь вопрос, то делала это достойно.

В ее умении руководить лежала абсолютная убежденность в своей правоте, и она как никто другой умела внушить эту уверенность другим. В глазах мирового общественного мнения она оказалась самым эффективным представителем Израиля за всю историю его существования. Ни один израильский политик после Давида Бен-Гуриона не пользовался таким авторитетом как Голда Меир.

Те, кто когда-либо работал с Голдой, в один голос отмечали ее работоспособность, ее умение схватывать существо дела, способность принимать смелые решения и нести за них ответственность.

Но главным и определяющим в жизни и политике Голды Меир всегда было то, что осознанно или нет, но она всегда выражала взгляды и настроения большинства израильтян. И это касалось любой проблемы. Все, что она делала и говорила, соответствовало мнению большинства народа, и все, что она делала и говорила, была частью ее самой. Между прочим, Голда никогда полностью не соглашалась с положением об избранности еврейского народа. Ей казалось, что правильнее будет считать, что не Бог избрал евреев, а евреи были первым народом, избравшим Бога. Она всегда гордилась своей принадлежностью к еврейству, и будучи главой правительства никогда не шла на компромиссы, способные нанести урон чести государства.

Она умерла в 1978-м году и похоронена на горе Герцль в Иерусалиме.

Валентина Терешкова

«Нет такой сферы в нашей стране, где бы женщина не проявила себя самым достойным образом».

Валентина Терешкова

Мисс Вселенная... Для многих этот титул связан, как правило, исключительно с представлениями о длинноногих моделях, дорогих визажистах и прочих «аксессуарях», призванных украшать будущую растиражированную звезду подиума. Но в данном случае все эти представления разбираются о пример жизни и судьбы реальной женщины. Разбиваются, потому что ни одна из модных звезд-однодневок, как бы красива и «кассовая» она ни была, никогда не будет удостоена звания «Женщина столетия», присвоенного международной общественной ассоциацией Валентине Владимировне Терешковой.

Конечно, ее космическое первенство неоспоримо, конечно, факт полета женщины в космос многое значил во времена начала освоения Вселенной, а сам полет многое изменил, а точнее — перевернул в ее жизни, но наверное этого было бы мало для того, чтобы имя Вали Терешковой навсегда осталось не только в энциклопедиях по космонавтике, но и в памяти многих людей.

Легенды, легенды, домыслы и ничем не обоснованные

предположения... И это о женщине — нашей с вами современнице, которая вплоть до настоящего времени ведет активную общественную деятельность! Есть для этого мифотворчества вполне определенные причины. Наверное, ни одна мировая знаменитость никогда так, как Валентина Терешкова, не избегала встреч с журналистами. А те несколько интервью, которые она согласилась дать, решительно отсекают всякий намек на разговоры по душам о «тяжкой женской судьбинушке» и собственной семье. Понятно, ведь ни одной советской женщине, кроме нее, не довелось испытать столь громкую славу и столь пристальное внимание к собственной личной жизни.

Желающих стать Первой было много. Достойных претенденток в отряде космонавтов тоже было достаточно. И все-таки идеальной кандидатурой оказалась именно Терешкова. И дело даже не в том, что у нее были безупречные анкетные данные (а в те пропагандистские времена это было чрезвычайно важно) и прекрасные физические данные. Она оказалась единственной, кто мог бы справиться с периодом «послеполетной реабилитации» не в смысле физического здоровья, а в смысле той роли, которая была уготована первой женщине-космонавту; представлять государство на самом высоком уровне, то есть быть лицом страны, ведя активную общественную работу.

Для этой работы нужен был человек контактный, умеющий общаться с большой аудиторией, ответственный и отзывчивый. Одним словом, нужен был лидер. И таким человеком стала Валентина. По меткому замечанию ее тезки и дублера Валентины Пономаревой, «Терешкова оказалась достойной своей судьбы».

«Разобьешься, домой не приходи!»

Валентина Владимировна Терешкова родилась 6 марта 1937 года в глухой российской провинции. Деревня Масленниково, в которой жили ее родители и где прошли первые годы ее жизни, находится в Ярославской области.

Между прочим, родом из этих краев была и другая ярославская «золушка» — знаменитая крепостная актриса Параша Жемчугова, правда, время уготовило этим женщинам разные судьбы.

Назвать детство Валентины «завидным» довольно сложно. Колхоз, в котором трудился трактористом ее отец, был, как впрочем, большая часть колхозов страны в те времена, совсем небогат. А потом началась одна из самых страшных для нашего народа войн, когда после тяжких довоенных голодных лет многие семьи, к тому же, осиротели. Та же судьба ждала и семью Терешковых. Отец пал смертью храбрых в уже забытую сейчас финскую кампанию, братскую могилу в Карелии Валя нашла только в 1988 году.

Память о тех тяжелых временах, когда ее мать осталась одна с тремя детьми на руках, Валентина сохранила на всю жизнь. Как-то ее спросили о том, что она думает о профес-

сиональном мнении психологов относительно того, что женщина не может вырасти сильной сама по себе. «Ее толкают к проявлению мужества, — уточнил журналист, — либо обстоятельства, либо чей-то пример». На это Валентина Владимировна ответила: «Наверное, примером для меня была моя мама. Маме было трудно одной воспитывать троих детей. На каждого из нас она получала пособие — по 50 рублей. А буханка хлеба стоила 200. Поэтому я рано пошла работать».

После гибели отца семья переехала в город. Здесь, в Ярославле, Валя окончила школу-семилетку, затем вечернюю школу рабочей молодежи. В 1954 году устроилась работать на Ярославский шинный завод в сборочный цех, а на следующий год перешла на Ярославский комбинат технических тканей «Красный Перекоп», где работала браслетчицей. В 1956 году поступила в заочный техникум легкой промышленности, продолжая работать.

На комбинате «Красный Перекоп» Валя вступила в комсомол, а в 1960 году (в этот год она окончила техникум) была избрана секретарем комсомольской организации комбината. Освобожденным секретарем комитета комсомола Ярославского комбината технических тканей «Красный Перекоп» она проработала вплоть до 1962 года, ставшего переломным в ее жизни.

Одним словом, вполне стандартное начало для биографии женщины тех лет. Если бы не одно «но», а именно — довольно странное, с точки зрения мамы, увлечение дочери парашютным спортом. «Она считала, — вспоминала потом Валентина, — что это занятие для мальчишек. Несколько раз запирала меня дома, не пускала на аэродром, но я все равно сбегала. 18 августа 1961 года, в День Воздушного флота, ярославцы собрались на набережной. Пришли мама, брат с сестрой. По громкоговорителю объявляют: прыгает Валентина Терешкова. Я приводилась в Волгу. И вот, мокрая, подхожу к маме: «Ты видела, как я прыгала?» А она очень серьезно отвечает: «Разобьешься, домой не приходи!»

О том, что ее дочь полетела в космос, мама узнала от соседей.

«Особый бабий батальон»

Так назвал космонавт Леонов созданную в 1962 группу женщин-космонавтов № 1, в которую, совершенно неожиданно для всех и, прежде всего, для себя, попала Терешкова. Тогда, когда Валя начала посещать аэроклуб и прыгать с парашютом (около 160 прыжков, первый разряд по парашютному спорту) ничто в ее жизни не содержало даже намека на «космическое» будущее. Но именно в таких клубах и стали искать девушек для первого женского полета, и Валентина Терешкова прошла конкурс.

Работа по созданию отряда космонавтов была чрезвычайно засекречена. Подходящие кандидатуры набирались, в основном, из парашютисток, но среди оказавшихся в отряде были и те, кто учился в вузах. Студенты самолетного и моторного факультетов приглашались в некий научный кружок, который назывался «Кружок высотных полетов». Из такого кружка пришла в отряд и дублер по полету Терешковой Валентина Пономарева.

Абсолютная засекреченность в подборе кадров для будущих космических полетов была связана с тем, что ракетостроение считалось одним из важнейших направлений в вооружении. И тогда, когда идея полета человека в космическое пространство стала реальностью, то реальность эта оказалась не только задачей государственной важности, но и новой ареной, на которой разворачивалось затяжное соревнование двух мировых политических систем — социалистической и капиталистической, во главе с их лидерами — СССР и США.

Всего в отряде космонавтов оказалось пять женщин: две Валентины — Терешкова и Пономарева, Ирина Соловьева, Татьяна Кузнецова и Жанна Еркина. Все красивые, молодые, здоровые. Но непосредственной органичной частью мужского коллектива они не стали. Говорят, что против этого активно выступили космонавты-мужчины, и пятеро претенденток на полет существовали в отряде на правах отдельной административной единицы. По свидетельству Валентины Пономаревой, это было связано, вероятно, с тем, что женщины в космонавтике считались явлением временным. «Потом, — писала в своих воспоминаниях Пономарева, — слышала я и от Гагарина, и от Шонина (он одно время был секретарем нашей партийной организации), что решение сделать нас «отдельной единицей» было ошибочным».

Тем не менее, вспоминая о том времени, все участники Подготовки к полетам говорят, что жили они дружно, и «космических подруг» ребята не только считали своими, но и всячески помогали.

Группа собралась весной 1962 года. Первой в Центр прибыла Терешкова, затем приехали остальные: Ирина Соловьева, Таня Кузнецова, Жанна Еркина и Валентина Пономарева.

«Когда Валя Терешкова пришла к нам в отряд космонавтов, — писал о Терешковой Юрий Гагарин, — мы все ее очень полюбили: не только летчики, инструкторы, но и наши жены. Она вошла в нашу жизнь, как входят в родную семью, — просто, без рисовки, с твердым желанием усвоить уже сложившиеся традиции. И если удастся, внести нечто новое, свое...»

Единодушно Валя была избрана старшей по группе, среди всех она оказалась, пожалуй, самой подходящей кандидатурой на это старшинство — всегда спокойна, уравновешена. Пригодились и навыки комсомольской работы, которую она вела в родном городе.

И вот что удивительно. Несмотря на то, что каждая в группе знала о том, что полетит только одна из них, никогда и никаких инцидентов, связанных с конкуренцией, соперничеством у них не было. Наверное, действительно и время, и люди этого времени значительно отличались от «века нынешнего». Обстановка, которая сложилась на этапе подготовки к полету, была сродни спортивному азарту, когда дружную спортивную команду ожидает впереди главное соревнование, в котором победительницей будет только одна.

Жили девушки замкнуто (профилакторий Центра подготовки космонавтов был окружен высоким забором), в фактической изоляции от всего мира, включая родных и близких. Более того, они не имели права даже рассказать своим родным о том, чем они занимаются, к чему готовятся. (В день, когда Терешкова полетела в космос, ее мама как раз получила от нее письмо, где дочка рассказывала ей, что в Москве продолжает заниматься прыжками с парашютом. И когда к маме прибежали возбужденные соседки, та отказывалась им верить, предъявляя «неопровержимое доказательство» — письмо дочери.)

Жизнь будущих космонавтов была строго регламентирована, каждый день был жестко расписан — занятия, изнурительные тренировки, и все это на фоне постоянной мысли о главном, о том, ради чего все это делалось: «Кто? Кто будет первой?..»

Об этих днях рассказала в своих воспоминаниях только одна из пяти женщин «особого батальона» — Валентина Пономарева, которой, как и остальным трем членам этой группы, так и не удалось побывать в космосе. «...Нас было пятеро на весь Советский Союз, мы были отдельно от всех, мы были особенные. Я говорю от собственного лица, но думаю, что и остальные в той или иной мере чувствовали тоже.

Нас часто спрашивали во время подготовки к полету, да и потом, есть ли у нас конкуренция? Мы — наверное, потому, что слово «конкуренция» было тогда из разряда «неприличных» — единодушно и очень решительно отвечали, что нет. Но как же «нет»? Ведь каждая старалась как можно лучше пройти очередную тренировку или испытание (за счет собственного труда и пота), и, конечно, все внимательно следили за результатами остальных и сопоставляли со своими... Перед внешним миром мы держались единым фронтом. Такая, например, ситуация: мы с Татьяной иногда покуривали — тогда это входило в Моду у московских девиц. Курить космонавтам было категорически запрещено, и мы всегда прятались в какой-нибудь закуток. Но однажды кто-то все-таки нас «засек», и на очередном служебном совещании куратор нашей группы Григорий Герасимович Масленников сказал — есть, мол, сведения, что некоторые из вас курят. Валентина (Терешкова), хоть и знала, что это так, с возмущением отвергла обвинения: «Девчонки? Курят?! Да вы что! Я, как старшая группы...» Перед таким натиском Григорию Герасимовичу ничего не оставалось, как снять вопрос с повестки дня».

Вот так они и жили в ожидании дня, когда, наконец-то, решится их судьба.

«Ввиду сложности женского организма»

Итак, все девушки прошли полный курс подготовки к полетам на кораблях типа «Восток». Теперь оставалось одно: выбрать Ту Единственную, которая этот полет совершит.

После общекосмической подготовки из пятерых женщин остались три кандидатки: Терешкова, Соловьева и Пономарева. Решение о назначении командира корабля «Восток-6» принималось Государственной комиссией. Имя кандидата объявлялось только накануне отлета на космодром. 21 мая 1962 года Государственная комиссия приехала в Центр для того, чтобы сообщить о своем решении. Наверное, всем понятно, что каждая до последнего надеялась, что это будет она.

На заседании, на котором присутствовали Келдыш, Королев и Каманин, было объявлено, что командиром корабля назначена Валентина Владимировна Терешкова, а запасными — Соловьева и Пономарева. Двух дублеров назначили «ввиду сложности женского организма».

С точки зрения подготовленности к полету все три молодые женщины показали прекрасные результаты, но выбрали все-таки Терешкову. Именно она оказалась стопроцентно подходящим кандидатом на то, чтобы стать Первой.

Ирина Соловьева рассказывала о том, что перед стартом начальник Центра подготовки космонавтов Евгений Анатольевич Карпов беседовал с ней и, как бы извиняясь за то, что летит не она, объяснил: «Для первого женского полета нужен человек «контактный», умеющий общаться с большими массами людей, так как после полета придется много ездить по зарубежным странам и по Союзу с выступлениями».

Понятно, что на выбор Терешковой повлияла и ее безупречная биография (Пономаревой, между прочим, тот же Карпов сказал, что «по политическим соображениям должен лететь «человек из народа», а не «из служащих», как писали тогда в анкетах). Понятно, что сыграла роль и ее, такая же знаменитая как у Гагарина, улыбка. Эта волевая, всегда подчеркнута спокойная и уверенная в себе женщина умеет как-то неожиданно для собеседника вдруг расцвести в обаятельной улыбке. Очевидцы говорили, что когда она вот так — с ямочками на щеках — улыбалась, мужчины просто столбенели: слишком неожиданна была эта удивительная перемена в лице.

Но улыбка улыбкой, а кандидатуру первой женщины-космонавта (ведь вопрос все-таки был «политический») лично утверждал сам Никита Сергеевич Хрущев. Но и для него оказалось очевидным, что из всех претенденток идеально подходит на роль Первой только одна — Терешкова. И она, как тогда говорили, «оправдала высокое доверие партии и народа». Валентина Владимировна всей своей жизнью доказала и доказывает, что этот выбор был верным. «Терешкова оказалась достойна своей судьбы, — с легкой горечью, но без тени сомнений говорит Валентина Пономарева, — с послеполетной ролью справилась блестяще, и я вовсе не уверена, что мне была бы по плечу та роль, которую она играет в общественной жизни, и я с чистым сердцем говорю, что из всех нас выбрали человека, наиболее подходящего для будущей общественной деятельности, — и не ошиблись».

16 июня 1963 года весь мир услышал о том, что впервые в истории человечества на околоземную орбиту вышел космический корабль, который пилотировала женщина — «Космонавт-шесть», позывной «Чайка».

Космонавт-шесть. Первая

Полет 26-летней Валентины Терешковой на корабле «Восток-6» длился 2 суток 22 часа 50 минут — почти трое суток. Пилотируемый ею корабль совершил 48 витков вокруг Земли. Это был групповой полет двух кораблей (совместно с «Восток-5», пилотируемым Валерием Быковским), в ходе которого была установлена двусторонняя связь космонавтов. С кораблей велись широкоэвещательные телевизионные передачи. По сделанным Терешковой из космоса снимкам и наблюдениям существует целое направление в науке.

Итак, она стала Первой, и это первенство, между прочим, не «побито» до настоящего дня: Терешкова все еще остается единственной в мире женщиной — командиром космического корабля. И Светлана Савицкая, и Елена Кондакова, и все американские женщины-космонавты летали только как члены экипажей.

Когда Терешкову, уже через много лет после полета, спросили, было ли ей страшно — «Всего два года после первого полета человека в космос, вдруг что-то не сработает, вдруг разобьетесь?!», — уточняла журналистка АИФ Н. Шаховцова, которой удалось взять это сенсационное интервью (сенсационное не по содержанию, а по факту согласия Валентины Владимировны на него), Терешкова ответила: «Об этом не думала. Потом, на Земле, всякие были чувства. Но больше — гордости и радости за то, что удалось вместо запланированных двух суток выполнить трехсуточный полет. Лучано Паваротти удивлялся: «Как представляю, что вы летали в космос, сердце замирает». А Фаина Георгиевна Раневская говорила мне так: «Деточка, я на третьем этаже живу и боюсь с балкона смотреть. А ты туда-сюда...» И она многозначительно водила своими огромными глазами вверх-вниз...»

Что же касается всех тех «чудовищных последствий», которые испытала Терешкова в результате перегрузок, то на все намеки о том, «как же ей было плохо», она без обиды отвечает:

«Бог знает, что писали: и что меня тошнило, и что лежала в лежку. Но ведь мое состояние во время полета зафиксировано приборами телеметрии, кроме того, все снималось на кинокамеру. И при желании все это можно просмотреть. Если бы мне было так плохо, как говорят, разве смогла бы я выполнить намеченную программу?»

Впрочем, и на том, что все было просто замечательно и чудо как легко, она не настаивает:

«Конечно, — говорит она, — были огромные нагрузки, особенно во время приземления. Никогда не забуду: подо мной огромное поле, рядом — озеро. И я думаю: «Неужели приводнюсь?» Одну-единственную женщину запустили в космос, и та в озеро угодила. Но был очень сильный ветер, и меня отнесло в сторону. Это сейчас спускаемый аппарат еще находится в воздухе, а вертолеты уже вокруг него летают. Тогда нам нужно было по рации при помощи азбуки Морзе сообщить о своем местонахождении».

Боязнь того, что она не оправдает оказанного ей «высокого доверия» возникла, конечно, не на пустом месте. Сомневающимся в целесообразности подготовки женщин-космонавтов и тогда, и сейчас было достаточно. «Допустить женщину на корабль, где работают мужчины, — заявил как-то космонавт Муса Манаров, — это все равно что повесить на стену заряженное ружье. Рано или поздно оно обязательно выстрелит. И страшно не то, что оно выстрелит, а то, что произойдет осечка».

«Осечки», слава богу, не произошло. «Наша женщина-космонавт, — без устали хвастался Никита Сергеевич Хрущев, — пробыла в космосе больше, чем все американские астронавты вместе взятые и причем без летной подготовки...» Конечно, факт впечатляющий, но все-таки... Все-таки мнение о том, что полет Терешковой был несколько преждевременным, неоднократно высказывалось самыми разными специалистами. Безусловно, рано или поздно, женщина все равно должна была полететь в космос, но в те годы подобные вопросы решались не столько из-за реальной необходимости, сколько из соображений соревновательных: кто же все-таки быстрее — мы или американцы? Мы оказались до такой степени «быстрее», что следующий полет женщины в космос состоялся только через 19 лет. Второй представительницей «слабого пола», побывавшей в космосе, стала именно американка — Салли Райд.

Период послеполетной реабилитации прошел для Терешковой сложно, но на все умозаключения относительно того, что «женский организм не справился с такими чудовищными нагрузками» Валентина Ивановна всегда отвечала однозначно:

«Космос, к сожалению, не делает галантного снисхождения ни женщине, ни мужчине.

После длительного полета и те, и другие переживают сложный период реадaptации. У нас дольше всех из женщин летала Леночка Кондакова — полгода. Она хорошо пережила период реадaptации. Буквально с первой минуты я была с ней рядом. Она — молодец... Я подхожу к участию женщин в полете с профессиональной точки зрения. А тему супружеских отношений в космосе обсуждать не люблю».

Это последнее замечание Терешковой имеет довольно серьезную предысторию. Дело в том, что вместе со славой, почетом и уважением, которые по заслуге достались первой женщине-космонавту, страну буквально наводнили самые невообразимые слухи и сплетни. Вероятно, определенная часть населения не была готова к восприятию самого факта полета женщины в космос. А уж когда стало известно, что женщина-космонавт Валентина Терешкова выходит замуж за красавца-космонавта Андрияна Николаева, слухи буквально «сгустились».

Метаморфозы славы

В основе всех сплетен об этой свадьбе лежало железное убеждение многих в том, что ее инициатором был лично Никита Сергеевич Хрущев. Он-де прямо-таки заболел идеей «космического бракосочетания». В списках «пострадавших» от этого правительственного решения со стороны Николаева числились многочисленные «бывшие невесты» из далекого родного села, а также записная красавица и известная актриса Анастасия Вертинская. Среди имен тех, кому «разбила сердце» Терешкова, согласившись на брак с Николаевым, были и Роберт Силин, и, конечно, Гагарин (как без него), и чуть ли не Хрущев.

Когда же стало известно о том, что у молодых супругов родилась дочка, все «совсем стало ясно». Вот он — эксперимент «ученых-медиков, которым хотелось продолжить начатые в космосе исследования поведения человеческого организма во время и после полета».

Что делать, у славы свои законы. Были в жизни Терешковой и красные ковровые дорожки, и высокие посты, и прочие приятные мелочи, например, известный шоколад «Аленка» с милой девочкой в платочке на обертке появился как подарок счастливым родителям реальной Аленки, а название марки часов «Чайка» имеет самое прямое отношение к позывному «космонавта-шесть». Что же касается замужества Терешковой, то Елена Кондакова — третья женщина-космонавт — сказала об этом следующее: «Члены первого отряда были настолько привилегированными людьми, что к ним прислушивался сам Никита Сергеевич. И если бы Валентина Владимировна сказала «нет», никакой ЦК КПСС не смог бы заставить».

Но все-таки, закрывать глаза на пропагандистско-рекламную кампанию, прославляющую этот брак, нельзя. Наверное, это все-таки внесло определенную лепту в то, что «звездная семья» распалась. Фотожурналист Виктор Шумилов вспоминал: «Знаменитых космонавтов я фотографировал в 1965 году в Венгрии. Сначала к нам в Южную группировку войск приехал один Николаев. Солдаты с недоумением спрашивают: а где же Терешкова? Им супруг первой женщины-космонавта серьезно ответил: мол, она занимается научной работой. И уже спустя несколько дней сказал, что Валя беременна. На следующий год супруги приехали уже вместе... Думаю, что их брак распался только из-за того, что из обычных супружеских отношений сделали показуху».

После развода на все вопросы о «личном» Валентина Владимировна категорически заявляет: «Тему супружеских отношений в космосе обсуждать не люблю». (В свое время та же Елена Кондакова, проведшая в космосе почти полгода, на вопрос подобного рода наконец-то достойно ответила журналисту: «Сексом лучше заниматься на земле»).

По-настоящему счастлива Валентина Владимировна Терешкова оказалась во втором браке. С новым мужем — хирургом генералом медицинской службы Юлием Георгиевичем Шапошниковым они прожили вместе 20 счастливых лет. «Он был талантливый хирург, — говорит Валентина Владимировна, — удивительный человек — честный, добрый. Сколько раз его поднимали среди ночи и вызывали на операцию, мчался в госпиталь по первому зову. Юлий всю свою жизнь посвятил борьбе за продление жизни других людей. На памятнике ему я написала: «Светя другим, сгораешь сам».

В этой семье у супругов было много общего, и не только то, что оба они были генералами: один — медицины, другая — авиации. Работа Валентины Владимировны, к которой она приступила практически сразу после полета и которой она занимается до сих пор, тоже связана с решением человеческих судеб.

Председатель советских женщин

В том, что после полета первая женщина-космонавт обязательно должна занять серьезный представительский пост, никто из тех, кто принимал решение о выборе ее кандидатуры, не сомневался. Хотя табу на ее вторичный полет, как впрочем и на всю женскую космонавтику, никто не накладывал.

После полета Терешкова продолжала проходить подготовку к полетам вплоть до 1968 года, когда «особый батальон при первом отряде космонавтов» был распущен. «В 1965 — 1966 годах, — рассказывала Валентина Владимировна, — планировался полет чисто женского экипажа из трех человек. Со мной вместе подготовку проходили Ирина Соловьева (мой дублер в качестве командира корабля «Восток-6»), Жанна Сергейчик (при наборе в группу космонавтов в 1961 году у нее была другая фамилия, Еркина), Таня Кузнецова и Валя Пономарева. Мы были готовы лететь в космос без мужчин. Эту идею горячо поддерживал Сергей Павлович Королев. Но он умер в январе 1966 года, а в апреле 1967 года при испытаниях нового корабля «Союз» погиб Владимир Комаров. Проект был отложен, а в 1969 году женскую группу расформировали».

С того момента, как Терешкова попала в отряд космонавтов, она стремилась получить высшее авиационное инженерное образование: в 1969 году она закончила Военно-воздушную академию имени Жуковского, получив специальность летчик-космонавт-инженер. Ее и Юрия Гагарина оставили в академии соискателями ученой степени, и в 1976 году Терешкова успешно защитила кандидатскую диссертацию, став кандидатом технических наук.

Но все это — и учеба в академии, и воспитание дочери (ее появление на свет она как-то назвала вершиной своей «звездной» карьеры), и работа в Центре подготовки космонавтов — шло параллельно напряженной общественной работе. Сразу после полета ей приходилось проводить огромное количество встреч и на родине, и за рубежом, совершать немало поездок по городам СССР, по многим странам мира. Все это стало «генеральной репетицией» ее нового, не менее важного с политической точки зрения, назначения на пост председателя комитета Советских женщин, созданного в 1968 году (его деятельность, по вполне понятным причинам прекратилась в 1987 году). И в этой должности, и на других ответственных государственных и общественных постах, которые она занимала, Терешкова доказала: она — женщина, способная к каждодневной ответственной работе, женщина, способная достойно представлять интересы нашей страны на международном уровне, женщина, способная видеть, понимать и помогать людям в разрешении их проблем.

И вот что интересно. Как правило, женщины, работающие во властных структурах наравне с мужчинами, не любят говорить о феминизме, всячески подчеркивая свое, в целом, негативное отношение к борьбе женщин за равноправие, мотивируя это тем, что сильная женщина всего добьется сама — без дополнительных скидок на «слабость пола». Терешкова не боится обсуждать это и спокойно (как, впрочем, и все, что она делает) говорит об этом. К тому же у нее есть все основания говорить о предмете, который ей, как ни кому другому хорошо знаком: должность председателя Комитета советских женщин (а в 1969 году Валентина Владимировна была избрана и вице-президентом Международной демократической федерации женщин) к этому знанию обязывала.

«Я думаю, что феминизм — это своеобразная форма протеста женщин в борьбе за свои права, — говорит она. — Мне приходилось встречаться со многими представителями и руководителями феминистических движений. В общем-то, они нормальные женщины, хотя иногда как-то необычно одеваются или иначе стремятся обратить на себя внимание.

Я не считаю себя феминисткой, хотя в Комитете нам приходилось бороться именно за права женщин. Мы получали до двухсот тысяч писем в год и до двадцати тысяч посетителей приходили на прием. Приезжали целыми семьями. Одна из женщин с 13 детьми пришла ко мне в кабинет. Сколько слез я видела, сколько боли... Однажды у меня на столе даже оставили новорожденного ребенка...»

Союза Советских Социалистических Республик больше нет на карте мира, но остались люди этой «бывшей» страны, и проблем у этих людей меньше не стало, а может быть, их стало даже больше... Валентина Владимировна Терешкова не уходит на вполне заслуженный отдых. Она продолжает работать. Тогда, когда комитет Советских женщин распался, Терешкова не пошла в большую политику, хотя вполне могла рассчитывать на лидерство во вновь создаваемой женской

партии. В том же 1987 году она возглавила Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, который сейчас называется Российским центром международного и культурного сотрудничества при Правительстве Российской Федерации. Так что фактически Валентина Владимировна на протяжении вот уже четырнадцати лет занимает пост министра, потому что иначе эту должность назвать нельзя. Она проводит встречи на самом высоком международном уровне, договариваясь об обмене научными достижениями, выставками, гастролями между странами. Одним словом, продолжает быть достойным представителем своей страны, как бы она теперь не называлась.

Женщина «в форме»

Генерал-майор авиации Валентина Терешкова, обладательница многочисленных наград (на едкий вопрос журналиста, пробовала ли она их сосчитать, Терешкова сухо ответила: «Я помню каждую»), действительный и почетный член многочисленных обществ, человек, занимающий самые ответственные посты, именем которого, к тому же, назван кратер на Луне, остается всегда подтянутой и спокойной. Она всегда — в форме. Она всегда хорошо выглядит. Единственное, чего никогда не было в ее жизни, — это «звездной болезни». Она скромна и тактична и для всех своих друзей остается просто «Валюшей».

О том, как живут сейчас те, кто когда-то готовился к первому полету женщины в космос, и о той, кто этот полет совершил, лучше всего расскажет одна из них — Валентина Пономарева, которой, увы, так и не удалось осуществить мечту своей жизни — стать космонавтом:

«Сейчас страсти улеглись, и мы — женская космическая команда первого призыва — опять вместе. Не так, конечно, как в те далекие времена, когда жили одной жизнью, — у каждой своя семья, своя жизнь, свои дела и заботы. Конечно, мы теперь только «душевная», а не административная единица, но тем не менее у нас есть традиции и есть «дисциплина». Что держит нас вместе?»

Думаю, что тот короткий жизненный этап, когда мы готовились к космическому полету, был самым ярким, самым драматичным, самым трудным и самым значительным для всех нас: наша жизнь непосредственно соприкасалась с людьми и событиями мировой значимости. Тяготы и опасности, которые мы претерпевали при подготовке к полету, стремление к высокой цели и соперничество на пути к ней — все это очень крепко нас спаяло, можно сказать, сроднило. Потом жизнь нас разводила и снова сводила, и, живя в одном доме, не виделись иногда подолгу, но родственное чувство оставалось. Мы все друг с другом в чем-то расходимся, каждая с каждой. И в каждой есть черты, неприемлемые для кого-то из остальных. И все же... «Мы с вами одной крови, вы и я!» — говорил Маугли зверям. Так и мы тоже — одной крови. Я назвала бы это чувством внутреннего единения.

Центром притяжения, связующим и цементирующим началом, конечно, является Валентина, вокруг нее все и крутится. 16 июня, в день ее старта, мы каждый год собираемся у нее, и помешать этому может разве что землетрясение. Приходит много народу, бывает шумное и веселое застолье, много праздничных слов в ее адрес. Но она всегда «переводит стрелку» на нас, как будто это мы четверо летали в космос, а она ожидала нас на Земле. Бывает, сидим до рассвета, вспоминаем «ту жизнь», грустим и смеемся, поем «те песни». Мы приходим к ней все вместе с одним букетом, а уходя, уносим четыре: она обязательно вручает нам огромные букеты великолепных роз.

Еще одна традиция — собираться на дни рождения: не ожидаем приглашения и разрешения не спрашиваем, покупаем общий подарок и приходим. И это неотвратно, как Новый год, — хочешь не хочешь, а встречать надо. Мы очень хорошо знаем друг друга, знаем, что кому в данный момент нужно, у кого какие пристрастия, знаем, кто из нас любит украшать себя, а кто — квартиру, какой цвет любимый, знаем размер обуви (а также все другие размеры), так что с подарком больших проблем не бывает (исключая, конечно, Валентину, ей подарок подобрать трудно). Однажды в качестве подарка фигурировала стремянка. А что — вещь в доме нужная, и мы знали, что именинница давно хочет ее приобрести.

Так что «особый бабий батальон при первом отряде», как по сию пору называет нас Леонов, сохранил (через столько-то лет!) свою целостность. И в космической среде это явление уникальное — даже легендарный Первый отряд не может таким похвастаться. И это тем

удивительнее, что батальон — «бабий»: считается ведь, что женщины к настоящей дружбе не способны. Я бы даже сказала, что это не дружба в обычном понимании, а соучастие в жизни друг друга. Каждая знает: будет нужно — девчонки придут на помощь. Проверено жизнью неоднократно. Мы-то мало чем можем реально помочь Валентине, а она всегда помогала нам в трудных обстоятельствах. Меня она поддерживала и спасала в самый тяжелый период моей жизни... Нам всем — не скажу, что легче, но — спокойнее жить, зная, что она есть».

И это последнее подтвердит любой, кто хоть раз сталкивался — в жизни или по работе — с Валентиной Терешковой. Ее стремление и умение помочь уже входит в легенду. Многие рассказывают о том, как Терешкова смогла кому-то оказать конкретную помощь (будь то устройство в больницу или получение квартиры). Елена Кондакова вспоминает, как на второй день после приземления, когда она летала с Поляковым и Викторенко, Терешкова пришла с вопросом: «Ребята, чего бы вам хотелось?.. Вы долго были в космосе, нужны свежие фрукты, овощи, и». И тогда Валера полушутя сказал: «Валентина Владимировна, вот лобстеров бы...» Она: «Валерочка, нет проблем!» И что вы думаете? Через пару дней принесла свежую малину, ежевику, чернику, лобстеров, сама испекла свежего хлеба. Другой бы пропустил мимо ушей, а она проявила такое внимание...»

Официальные награды и посты мало могут рассказать людям, лично незнакомым с их «хозяином», о самом герое — реальном земном человеке. Но все-таки в том, что именно Валентину Терешкову называли «Женщиной столетия», есть свои резоны. Потому что после самого настоящего — звездного — триумфа она сумела найти себя в каждодневной, во многом рутинной и очень нелегкой работе с людьми. Официально она была названа «Женщиной столетия» не за полет в космос, а за вклад в освоение космического пространства и в экологические разработки, но за всем хорошим, что она сделала и обязательно еще сделает в своей жизни, настойчиво проглядывается одно — самое важное: Валентина Владимировна Терешкова хочет, чтобы каждый человек по-настоящему почувствовал себя частью нашей небольшой планеты: «Чем

Эва Перон

«Деятельный мужчина побеждает всех. Деятельная женщина побеждает для всех».

Эва Перрон

В Буэнос-Айресе — столице Аргентины — в музее президентского дворца Каса Росада (Розовый Дом) в почетной последовательности висят парадные портреты всех президентов страны. Каждому — отдельный портрет. Единственным во всей этой властной плеяде исключением является изображение Хуана Доминго Перона. Он увековечен для потомков не один, а вместе со своей женой — Марией Эвой Перон.

Мир запомнил ее как Эвиту. О ней сняты художественные фильмы, написаны книги, воспоминания, поставлены пьесы и даже мюзиклы. Фактически Эвита стала легендой еще при жизни. И это несмотря на то, что судьбой ей был отмерен очень недолгий срок — она умерла совсем молодой, в возрасте тридцати трех лет. Но этого времени ей хватило на то, чтобы, поднявшись из самых беднейших низов, достигнуть умопомрачительных высот реальной власти. Для Аргентины тех лет — явление уникальное, но именно Эвиту, а не ее мужа считали истинным правителем многие — и противники, и поклонники. Официальным президентом Аргентины удалось стать ее «преемнице» — второй жене Хуана Доминго Перона, но ее узаконенное правление было просто-напросто ничем по сравнению с подлинной властью, которой обладала Эвита.

Эва Перон осталась в истории как персонаж крайне неоднозначный. Ее обожествляли и проклинали, восхищались и ненавидели. Наверное, к ней как ни к кому другому идеально подходит выражение; «Каждый народ заслуживает того правителя, которого он достоин». В любом случае, Эвита стала частью аргентинского народа и до настоящего времени вокруг ее имени кипят самые неподдельные страсти. Некоторые считают ее святой, для других Эва Перон — это женщина, приложившая деятельное участие к разграблению страны. Есть и такие, кто вплоть до настоящего времени не верят в то, что она действительно умерла.

Ее нельзя назвать классической «железной леди». Она была сексуальна и обворожительна до такой степени, что за право сниматься в роли великой Эвиты в знаменитом одноименном фильме Алана Паркера билась не одна голливудская звезда. Накал этих страстей вполне понятен, ведь с подобным не сталкивался даже всемогущий Голливуд: вопрос о выборе актрисы, а также вопрос о месте съемок фильма, а также вопрос о месте его премьеры американский преуспевающий продюсер и режиссер был вынужден решать лично с нынешним президентом Аргентины.

На задворках будущей империи

Мария Эва Ибаргурен (именно Ибаргурен, а не Дуарте, потому что сама Мария Эва, а также три ее сестры и брат были незаконнорожденными) родилась 7 мая 1919 года неподалеку от местечка Чивилькое, расположенного почти в трехстах километрах от Буэнос-Айреса — столицы Аргентины. Ее мать Хуана Ибаргурен была урожденной испанки и приехала в Новый Свет в поисках лучшей жизни, но Все чего ей удалось достичь, это устроиться служанкой в Доме Хуана Дуарте — владельца скотоводческой фермы. От дон Хуана уже давно ушла жена, не желавшая терпеть его пьяные выходки, но горевал он недолго: молодая служанка была чудо как хороша собой и к тому же нестроптивна. Одного за другим родила служанка Хуана хозяину Хуану пятерых детей, и неизвестно, как бы дальше сложилась жизнь этого семейства, если бы пусть плохенький и непутевый, но все-таки кормилец и поилец, вдруг не умер.

Жизнь мамы Хуаны и без того была нелегкой, а после смерти мужа-хозяина и вовсе все пошло наперекосяк. Немедленно откуда-то прибыла законная супруга, а теперь — вдова и наследница дон Хуана, и выставила за дверь «всех этих голодранцев». Ни Хуана, ни ее дети не были допущены даже на похороны. Что уж говорить о том, что они не получили ни копейки.

Первое время ей и детям пришлось несладко. Осиротевшее семейство вынуждено было уехать с фермы, покинуть дом, который долгое время был для них родным. С переездом Хуане помогли друзья ее умершего «супруга», правда поговаривали, что мужчин, желающих предложить помощь незаконной, но очаровательнейшей вдове было более чем достаточно. Наверное, мама пятерых детей сделала правильный выбор, потому что после всех злоключений, связанных с переездом в небольшой городок Хуни и первых самых тяжелых дней на новом месте Хуане Дуарте (в новом городе она смело начала называть себя так) удалось выкарабкаться из лап нищеты. Не без помощи все тех же благодетелей инкогнито она стала хозяйкой небольшого пансиона.

Жили в пансионе люди степенные и солидные, и Хуана Дуарте была вполне довольна тем, как сложилась ее жизнь. Она сумела взять реванш после долгих лет нищеты и унижения, и теперь, когда ей уже не страшна была надвигающаяся старость, все ее мысли устремились на то, как сложатся судьбы ее детей.

Старшая дочь Элиза вышла замуж за офицера, Бланка — за землевладельца, избранником Арминды стал менее перспективный жених — лифтер универсама, в котором она работала. Единственным «срывом» в семье оказался единственный сын, названный в честь отца Хуаном и унаследовавший от него не только имя, но и абсолютную жизненную непригодность. Многого от него мать и не ждала, зато ее очень интересовала судьба Эвиты — младшей и самой обворожительной из всех ее красавиц-дочерей.

Но перспектива вести жизнь добропорядочной домохозяйки в тихом провинциальном городке совсем не прельщала Эвиту Дуарте. Головка младшенькой дочери была забита совсем другим. О чем мечтают все очаровательные девушки? Правильно. Восходящая кинозвезда в возрасте шестнадцати лет сбежала от матери в столицу — ловить удачу за хвост.

«Пять минут для народа»

Первое, что сделала юная Эвита, прибыв в город мечты Буэнос-Айрес, это перекрасилась в блондинку. Но огни большого города, столь пленительные издавека, не торопились залить светом славы юную провинциалку без копейки в кармане. Дальше все было так, как это обычно и случается с полными надежд на блестящее будущее девочками, приезжающими в столицу, чтобы стать артистками. Утомительные и, увы, безрезультатные поиски каких-то мифических режиссеров и продюсеров, которые сразу поймут, что перед ними звезда, которую они ждали всю жизнь. Театры, киностудии, продюсерские центры... Но желающих сразу и немедленно дать ей главную роль в главном фильме все не было и не было. Были какие-то ровным счетом ничего незначущие массовочные эпизоды. Была даже поездка в Голливуд. А ролей, тем не менее, все не было.

Но духом она не падала и предпринимала все новые и новые попытки. И одна из них оказалась удачной: она сумела прорваться на прием к хозяину довольно крупной аргентинской радиостанции «Радио Бельграно» Хайму Янке-левичу. Вероятно, он был мудрым человеком и дальновидным продюсером, потому что сумел разглядеть в мечтающей о свете рампы миниатюрной блондиночке с небесными голубыми глазами не кого-нибудь, а... ведущую радиопередачи на социальные темы!

И он не ошибся в выборе. Оказалось, что Эвита обладала уникальным ораторским даром. Она не была диктором в традиционном понимании этого слова. Она умела убеждать, она умела взывать, она умела обличать, одним словом — была прирожденным трибуном. Еще она могла плакать в эфире вместе со всеми радиослушателями и ни один человек не посмел бы сказать, что эти слезы были актерской уловкой. «Пять минут для народа» — так называлась эта радиопрограмма — в одночасье стала одной из самых популярных среди простых людей, живущих более чем скромной жизнью. А таких в Аргентине тех лет было абсолютное большинство.

Эвита умела находить для них именно те слова, которые они хотели услышать, а ее нищенское прошлое давало ей право их говорить. С гневом обличала она бесящихся от скуки богатеев, со слезами рассказывала о тяготах жизни тех, кто за свой каторжный труд получает жалкие крохи. И ей верили. Работа на радио легла в основу той невероятной любви, которую до сих пор испытывает к ней огромное число аргентинцев.

Тогда, в самом начале сороковых годов ее по праву называли «голосом аргентинского народа». Голосом пока бесплотным, но к 1943 году образ того, кто способен осуществить все народные чаяния, уже стал обретать вполне реальные очертания. К этому времени радиопрограмма Эвиты уже продолжалась не пять минут, а четверть часа, и все чаще и чаще в ее горячих выступлениях мелькало имя полковника Перона — настоящего мужчины, которому народ может довериться...

«Сомнительное» знакомство

О том, как, когда и при каких обстоятельствах Эвита познакомилась с мужчиной своей жизни — Хуаном Доминго Пероном — достоверных сведений нет. Зато версий, в том числе и тщательно продуманных, — множество. Но, прежде всего, несколько слов о самом герое.

Как ни странно, но несмотря на значительную разницу в возрасте (он был старше ее на двадцать четыре года) между ними было много общего. Так же как и Эвита, Хуан Доминго Перон поднимался к власти из самых низов — он был родом из бедной иммигрантской семьи, так же как и она с самого раннего детства он мечтал о громкой славе и поклонении. Разница в этих юношеских стремлениях заключалась в том, что сильный и крепкий мужчина атлетического телосложения о сцене, как хрупкая Эвита, естественно не помышлял. Карьера военного — вот верный путь для такого мужчины.

Кроме всех вышеперечисленных достоинств был Хуан Доминго Перон и честолюбив, поэтому негласное лидерство, которое по праву признавала за ним офицерская верхушка, устраивало его только до поры до времени. Стремясь к власти подлинной и полной, он становится одним из самых деятельных участников тайного общества, которое носило многозначительное и претенциозное название «Молодые орлы». Это общество состояло, в основном, из армейских офицеров, а главная задача, поставленная перед собой его членами, заключалась в подготовке и

осуществлении антиправительственного заговора.

Политика действующего президента Рамона Кастильо не устраивала военных по многим причинам, но основной была принципиальная антифашистская позиция Кастильо. Увы, эту позицию активно не одобряло большинство горячих аргентинских офицеров, преклоняющихся перед Фран-сиско Франко и Бенито Муссолини и отдающих дань уважения мощи и силе фашистской Германии Адольфа Гитлера. Самым главным мировым злом в подобном подходе к действительности были, разумеется Соединенные Штаты — неприятно могущественный конкурент на пока мечтаемое, но такое желанное величие великой Аргентины.

В 1943 году в результате удачно спланированного военного переворота правительство Рамона Кастильо было свергнуто. К власти пришла профашистски настроенная офицерская верхушка.

В созданном военной хунтой правительстве Перон был назначен министром труда и социального обеспечения, и за период с 1943 по 1945 годы успел сделать многое для завоевания сердец простого народа. Он ввел оплачиваемые отпуска, доплаты к праздникам и ряд других льгот, которые с неимоверной скоростью превратили его в самого популярного среди рабочих человека. Кроме того, он сделал все от него зависящее, чтобы наладить контакт с профсоюзами. Бесчисленные переговоры с лидерами профсоюзов привели к тому, что все требования рабочих о зарплате проходили только через ведомство Перона. Профсоюзы против подобной политики не возражали.

Шел 1945 год. Диктаторские режимы, служащие предметом восхищения и подражания для аргентинских военных, рушились по всей Европе. В августе 1945 года в Аргентине было отменено введенное во время войны чрезвычайное положение. Все чаще и чаще то здесь, то там говорили о том, что режим военной хунты нарушает права человека. В сентябре этот латентный протест вылился в полумиллионную демонстрацию, в ответ на которую по стране прокатилась волна арестов, а внутри самого правительства начались серьезные разногласия по вопросу дальнейшей государственной политики.

В этой ситуации Перон предпринял смелую попытку захвата власти. Он обратился к рабочим Аргентины с призывом к решительным действиям. Недавние соратники, почувствовав в нем серьезного соперника на власть, не преминули обвинить его в организации общественных беспорядков и заключили под стражу. Вот тут-то на сцене и появляется Эвита.

Да здравствует Перон!

Рассказывают, что когда Перона арестовывали, Эвита совершенно неприличным образом дралась с солдатами, ругаясь словами, немыслимыми в устах любой женщины. Впрочем, согласно другим источникам, этого быть просто не могло по той простой причине, что тогда они еще не были знакомы. Конечно, легенда о том, что бравый полковник и прекрасная Эвита впервые увидели друг друга только после освобождения Перона, достаточно красива, но скорее всего встретились они гораздо раньше.

Наиболее вероятно предположение, что это эпохальное знакомство состоялось на благотворительном концерте в Пользу пострадавших от землетрясения в Сан-Хуане летом 1944 года, когда в результате стихийного бедствия погибло Много людей. Перон тут же прибыл на место трагедии. Об этом, а также о помощи, которую он постарался оказать Пострадавшим и их семьям ведущая «Пяти минут для народа» с восхищением поведала всем аргентинцам. С тех самых пор разговоры о связи Эвиты и Перона не умолкали.

Впрочем, наверное, не так и важно то, когда и при каких обстоятельствах они впервые встретились. Важно то, что именно Эвите удалось вытащить Перона из заключения, и не просто вытащить, а способствовать его возвращению с острова-тюрьмы в качестве фактического главы государства.

В день ареста Перона знакомый любимый голос обратился ко всем аргентинцам с призывом спасти верного сына отечества. Сотни тысяч человек вышли на улицы с протестами, а профсоюзы, для которых Перон за время своего пребывания на посту министра труда и социального обеспечения стал просто отцом родным, поддержали народ. Говорили, что за помощью к профсоюзным боссам обратилась именно Эвита. Так или иначе, но двухдневные беспорядки не только способствовали освобождению Перона из-под стражи, но и фантастически

повысили его политический статус. Фактически, он стал для аргентинцев символом и гарантом грядущего благоденствия страны, героем, рядом с которым теперь оказалась их любимица — простая девушка, сумевшая стать голосом своего народа.

Сразу же после своего триумфального освобождения 17 октября 1945 года Хуан Доминго Перон обратился к народу Аргентины с балкона Розового дома с возвышенной речью. Несмотря на то, что дело происходило ночью, собралось очень много людей. Наверное, за всю историю человечества таких речей с обещаниями свободы, справедливости и всеобщего благоденствия было произнесено немало. Обращение Перона запомнилось аргентинцам тем, что будущий президент (а в этом уже никто не сомневался) предстал перед ними как простой работяга — без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами, одним словом — оказался «своим». Так же, и даже в большей степени, отнеелась и к Эвите. И пускай для аристократии она навсегда осталась плебейкой и выскочкой, а для армии — сующий нос в настоящие мужские дела бабенкой, имеющий наглость наравне с мужем-офицером ими командовать. Для людей простых она была нашей Эвитой. Любимой. Обворожительной. Справедливой. Достойной. Единственной.

В том же 1945 году они поженились. Ей было двадцать пять, а ему — под пятьдесят. А в 1946 году Перон честно победил на выборах и стал законным президентом Аргентины. Она была рядом.

Страна, накормившая мир

Обещанное Пероном благоденствие, которое он гарантировал всем малоимущим аргентинцам, не было пустым предвыборным заявлением и имело под собой реальные экономические основы. Дело в том, что после окончания второй мировой войны Аргентина оказалась в довольно выгодном с экономической точки зрения положении. Находясь вдали от непосредственных военных действий и обладая богатейшими природными ресурсами, страна стала для растерзанной войной Европы главным поставщиком и мяса, и пшеницы, и промышленного сырья. Аргентина богатела на глазах. Безработица исчезла как таковая. Сельское хозяйство процветало. Одним словом, ничего другого как прославлять своего президента народу не оставалось.

Вот здесь-то и проявилась вся сила личности Эвиты. Представьте себе: ей только-только исполнилось двадцать семь, она хороша собой, умна, любима. Перед ней, как перед женой президента, открываются любые двери. Кроме того, к этому времени (в 1945 году) ей все-таки удалось сняться в одной из заглавных ролей... Можно было предположить, что теперь-то она осуществит свою мечту и станет настоящей кинозвездой. По крайней мере тогда любой театр или киностудия могли только мечтать о заполучении на главную роль обворожительной жены президента — знаменитой Эвиты. Но все это оказалось ей уже ненужным. Она с головой погружается в решение вопросов государственной важности, став, по мнению многих, даже не вторым, а самым настоящим первым лицом в государстве.

В своей книге, которую она писала уже зная, что смертельно больна, книге с многозначительным названием «Смысл моей жизни» она вспоминала об этом периоде: «Мы начали понемногу. Не помню, какой это был день, помню — начинала одна. Затем мне пришли на помощь и работа эта вскоре стала удивительной».

Работа ее собственного правительственного комитета начиналась на четвертом этаже здания центрального почтамта, а осенью 1946 года ее личный аппарат переехал в Министерство Труда. С утра до глубокой ночи она принимала делегации рабочих и рассматривала их требования к профсоюзам. Но она не была чистой воды «кабинетным» деятелем. Регулярно Эвита лично выезжала на заводы и фабрики, говорила с людьми об их проблемах.

Вот примерный распорядок дня молодой женщины, которая, в принципе, смело могла позволить себе, не думая о делах государственного масштаба, наслаждаться великосветской жизнью и пожинать лавры под сенью величественного Перона:

«Встала она очень рано, рано пришла в свой офис, работала до четырех часов дня, — описывал репортер одной из аргентинских газет рабочий день Эвиты. — В пять она возвратилась и с короткими перерывами работала до глубокой ночи. В этот день она прервалась в половине девятого вечера, чтобы присутствовать на подписании декрета в пользу рабочих пищевой промышленности, в 11 вечера она на торжественном митинге железнодорожников, оттуда — на

банкет в парк Ретиро, где ее радостно приветствуют рабочие завода минеральной воды».

Фактически Эвита управляла государством наравне с мужем при помощи собственного тщательно подобранного штата — советников, секретарей, чиновников, помощников, хотя официально — на митингах и в прессе — она заявляла о том, что перед ее ведомством и ею лично стоит только одна задача: «Донести до полковника Перона все заботы аргентинского народа».

«Заботы аргентинского народа»

Главным в деятельности Эвиты стало налаживание контактов с профсоюзами, в которых и она, и Перон видели настоящую опору власти. В основе того, что через профсоюзы предлагала рабочим Эвита, лежали обещания постепенного, но постоянного роста жизненного уровня аргентинцев. Эти обещания подкреплялись и реальными шагами в этом направлении. Например, в стране были введены такие неслыханные ранее вещи, как оплачиваемый отпуск и обязательное медицинское страхование, а также впервые в мире была введена тринадцатая зарплата. Но самым главным и существенным для трудящихся стало то, что после всех долгих лет нищеты и безработицы теперь профсоюзы должны были обеспечивать своим членам неукоснительное соблюдение работодателями права каждого гражданина на труд.

И рабочие, и сельские труженики благословляли свою Эвиту. Проводимая ею политика и стиль работы устраивали и большинство профсоюзных лидеров. Но вот высший свет Аргентины продолжал шипеть от ненависти к ней. Она отвечала им тем же. Рассказывают, что ею был специально нанят торговец рыбой, который на протяжении всего жаркого аргентинского лета торговал своим специфически пахнущим товаром прямо напротив дверей элитного аристократического клуба. О том, как Эвита умела отомстить, рассказывают и множество других историй — что-что, а постоять за себя эта хрупкая женщина умела. Та странная политико-экономическая система, которая установилась в Аргентине с приходом четы Перонов к власти и мыслилась как нечто среднее между капитализмом и коммунизмом, имела, конечно, и вполне определенные издержки. Закрывались неудобные режиму газеты, разгонялись строптивые профсоюзы, арестовывались слишком рьяные критики.

Перонистская партия получила название Хустилианская, что по-испански означает справедливая. Вообще, слово «справедливость» всегда было ключевым в политике Перона, даже во времена его пронацистского прошлого. Ничего особенно нового в понятие «социальная справедливость» перонисты, конечно, не внесли, и главный принцип, согласно которому богатые должны делиться с бедными, на территории Аргентины продолжал действовать довольно долго. Удивляет другое. Эвита действительно сумела положить этот принцип в основу экономической жизни государства и обеспечить не разовый, а постоянный приток денег от тех, кому было чем делиться. Речь идет о знаменитом Фонде Эвы Перон.

Причины появления Фонда были вполне понятны. Райская послевоенная жизнь Аргентины когда-нибудь, но должна была закончиться. Европа постепенно приходила в себя после войны и все меньше и меньше нуждалась в аргентинском сырье. Денег в стране становилось все меньше и меньше, а аппетиты прикормленных и за счет этого ставших ручными профсоюзов меньше никак не становились. К тому же люди уже успели отвыкнуть от повальной нищеты и ее возвращение грозило потерей популярности Перона. Вот тогда в голове Эвиты и родилась идея спасительного Фонда. Специальным указом президента было ликвидировано Благотворительное общество, созданное дамами высшего общества — женами аргентинской элиты. И вместо этого на свет появился Фонд социальной помощи Марии Эвы Перон, который оказался способным решить многие финансовые и политические проблемы.

Прежде всего, Фонд продемонстрировал аргентинцам само воплощение идеи социальной справедливости, потому что теперь каждый, кому есть чем поделиться, был обязан отчислять в Фонд деньги на нужды малоимущих. Конечно, официально взносы считались личным делом каждого, а само предприятие создавалось как добровольное общество. Но только официально. Предпринимателя, не желавшего поучаствовать в благом начинании, могли запросто лишиться лицензии. За тем, как сдавались взносы, Эва следила лично, рассылая своих людей по всей стране и буквально вытрясая деньги с нежелающих платить.

Но для малоимущих слоев населения Фонд Эвы Перон оказался не просто символом государственной политики, но и реальным материальным источником для обещанного повышения

жизненного уровня, фактической реализацией одного из экономических лозунгов перонистов: «Живи сейчас — плати потом!» На первых порах Фонд Эвиты даже чем-то напоминал так называемые «кассы взаимопомощи»: трудящиеся делают взносы, а при возникшей необходимости берут деньги из этого же источника. При этом принцип и структура организации Фонда исключали унижительные для многих аргентинцев аналогии с благотворительностью: это были не деньги богатеньких дамочек-благотворительниц, а общие средства всех трудящихся Аргентины.

Понятно, что у каждой медали есть и своя оборотная сторона, и то, что для кого-то было воплощением идеи социальной справедливости, другими виделось как еще один способ поборов на государственном уровне. Позже кто-то назвал это начинание крупнейшим в истории человечества «взяточным фондом», потому что с помощью этих денег подкупались влиятельные лица. Кроме того, до сих пор ведутся подсчеты, какие именно суммы пошли лично в карман чете Перонов. В погоне за сенсационными материалами и громкими разоблачениями (ведь публикации о том, сколько именно платяев и драгоценностей было у Эвиты, и сколько именно денег осело на счета Перона в швейцарских банках, пользуются гораздо большим спросом) как-то незаметно ушло на второй план все то хорошее, что было сделано Эвитой при помощи Фонда.

А сделано было немало. На собранные деньги Эва строила школы и больницы, приюты для бездомных и временное жилье для переселенцев, оказывала помощь голодающим. Отсюда черпались средства на бесплатную еду для школьников, оборудование и оснащение для больниц, проведение водопроводов и канализаций в самых заброшенных районах.

Материальную помощь беднейшим слоям населения Эвита раздавала лично. Она очень любила сама дарить подарки детям из неблагополучных семей на Рождество и Пасху. Позже, когда она уже узнала о своей болезни, помощь сиротским приютам стала для нее единственной отрадой в жизни.

В 1948 году был построен первый дом для престарелых. С подачи Эвиты в конституцию Аргентины была внесена поправка о назначении пенсии для бедных слоев населения после 60 лет. Понятно, что пенсионные деньги начислялись из того же Фонда.

Одним словом, что бы там ни говорили о «крупнейшем в мире взяточном фонде», носящем имя Эвы Перон, и о том, сколько чета Перонов похитила из него, а также о моральных принципах его создания, вполне понятно, что в Аргентине многие до сих пор не только поминуют Эвиту добрым словом, но и без кавычек называют ее святой.

Размах ее деятельности был настолько очевиден, что ни у кого не оставалось сомнений в том, что она не только и даже не столько «доносит до полковника все заботы аргентинского народа», сколько занимается серьезной государственной деятельностью. Неудивительно, что в какой-то момент Эвите Перон захотелось признания.

«Партида Перониста Феминино»

Эвиту трудно назвать «классической феминисткой». Как правило, по-настоящему сильные женщины избегают сознаваться в подобных крайностях. И все-таки именно ее считают родоначальницей феминистического движения в Аргентине. Хотя это суждение довольно спорное, поскольку все, что было сделано Эвой в этом направлении, вновь было положено на алтарь Перону.

23 сентября 1947 года аргентинский парламент издал закон под номером 13010, подаривший всем аргентинским женщинам право голоса. Принятие этого исторического закона было бы невозможно без усилий Эвиты, которая вела длительные переговоры с лидерами блока перонистов, законодателями, организовала кампанию в газетах. Отклик по всей стране был колоссальный, а в день принятия закона на площади Плазо Де Майо в Буэнос-Айресе собралась гигантская толпа женщин, встретившая речь Эвиты овациями.

На этом она не остановилась. Эва по себе знала, как многое может женщина, но через какие тернии ей нужно пройти, чтобы добиться власти. Она прекрасно знала, что многие из окружения Перона ее ненавидят и делают все возможное для того, чтобы избавиться от нее. «Партида Перониста Феминино», или, сокращенно, ППФ — так стала называться новая женская партия, которую организовала Эвита, став ее единогласно избранным президентом. Она собрала вокруг себя активисток, готовых работать, если надо, круглосуточно. Но все ее усилия опять пошли на пользу только Перону.

Как и тогда, когда она вернула его из тюрьмы фактическим главой государства, как и тогда, когда она обеспечила ему победу на выборах, так и сейчас — на новых выборах 1951 года, в которых приняли участие около 4 миллионов женщин, 70 процентов из них проголосовали за Перона, поскольку за Эвиту они голосовать не могли.

Когда-то на одном из женских собраний Эвита сказала: «Нас нет в парламентах, нас нет в комиссиях по атомной энергии, в высших эшелонах власти империалистических стран. Нас нет ни в Ватикане, ни в Кремле». На тех выборах в парламент Аргентины прошло 23 женщины, 6 попали в Сенат. Ни с чем осталась только Эвита.

Закат

Эвита очень изменилась внешне. Казалось, она устала, и даже блеск роскоши, которым она себя окружила, ее уже не радовал. А потом обнаружилось самое страшное... В диагнозе сомневаться не приходилось. Рак. Она никого не хотела видеть, пряталась от родственников и отвергала все проявления сочувствия. Потом ее прооперировали. Говорят, что после операции от красивой, полной жизни молодой женщины осталась даже не половина, а треть.

Перон пытался воздвигнуть для нее башню из слоновой кости, чтобы до ушей больной жены не доходили недовольные крики толпы и едкие выпады журналистов. Каждому, кто хоть чем-то попытался бы расстроить ее, грозил чуть ли не арест. А недовольство режимом Перона все нарастало. И на этом фоне неумолимо надвигались выборы.

Те, кто не верил в то, что серый кардинал в юбке покинул большую политику, оказались правы. Только на этот раз все оказалось серьезнее. И для Эвиты, и для Перона. Она больше не хочет носить почетный титул неофициального лидера. Она хочет признания. Может быть, это была последняя воля умирающей, которой Перон не мог, не имел права противиться. Ведь никто лучше его самого не знал о том, чем он ей обязан. И никто, кроме него, лучше не знал о том, в какой степени его собственная власть зависит от этой женщины. Поэтому он не стал возражать ее намерению избираться вместе с ним в качестве вице-премьера — второго по значимости лица в государстве.

Казалось, что это вернуло смертельно больной Эвите силы. Она совершает турне по Аргентине. Ее помнят, ее любят, ее встречают овациями. 22 августа 1951 года в центре Буэнос-Айреса собираются сотни тысяч людей. Митинг посвящен поддержке народа кандидата на вице-премьера.

Но тех, кто обещал поддержать Перона на выборах, совершенно не устраивает его жена. Армия никогда не любила «эту выскочку» и не раз пеняла своему Перону (уже не полковнику, а генералу) за непомерные амбиции его супруги. Перон и сам удивлен подобной демонстрацией любви народа — не к нему, отцу нации, нет! — а к ней...

И Перон сдался, а фактически — предал ее. Ради себя. И она выдержала это. Ради него.

Неизвестно, откуда взялись у нее силы простить его, не пасть духом. Особенно сильно ударила по ней подозрительно хорошо организованные демонстрации, призывающие вождя подарить своему народу наследника — плоть от плоти его. И это при том, что о диагнозе знала вся страна... Она не стала мешать Перону на выборах и публично отказалась от предложения Всеобщей конфедерации труда выдвинуть ее в вице-президенты страны. Она знала, что ее участие в выборах на эту должность автоматически вычеркивает из списка претендентов на президентство ее Перона. Перон победил, и 4 июня 1952 года, несмотря на протесты врачей (на которые она неизменно — с того самого момента, как узнала о болезни — отвечала: «У меня нет времени, слишком много дел») Эвита присутствует на церемонии принесения президентской клятвы. Затем она вернулась домой и больше уже с кровати не поднялась. 26 июля в тяжелейших мучениях Эвита скончалась. Ей только исполнилось 33 года...

Ангел-хранитель

Несмотря на то, что о смертельной болезни Эвиты знала вся страна и на чудо рассчитывать не приходилось, Аргентина погрузилась в траур. Ее оплакивали так, как будто вместе с ней уходило все самое хорошее, что было в жизни аргентинцев. Перон шел за гробом супруги в состоянии страшном, казалось, еще чуть-чуть и генерал разрыдается, не стесняясь никого.

Впрочем, некоторые говорили о том, что в лице Эвиты он оплакивал свое уходящее могущество. Но если Перон и боялся будущего из-за того, что потерял своего ангела-хранителя, то боялся он напрасно. Имя Эвиты, память Эвиты охраняла его до самой смерти и даже после нее.

Английский историк Фернс в своем исследовании, посвященном Аргентине тех лет, писал: «Несомненно, Перон чрезвычайно плохо управлял системой. Как капризный ребенок, он хотел иметь все сразу. Он показал себя неспособным делать выбор и устанавливать приоритеты, которые необходимы для функционирования любой экономической системы. Он убеждал общество поверить в скорое и полное процветание. Но никто не мог предположить, что ожидает страну в действительности».

Наверное, не знал этого и он сам. В самом начале осени 1955 года Перона свергли. Самолеты повстанцев сбросили бомбы на президентский дворец. Каса Росада — Розовый Дом остался цел, но погибло много мирных граждан. По улицам носились вооруженные банды, грабящие магазины и офисы. Но главное: против Перона поднялся армейский гарнизон в Кордове. На борту парагвайской канонерки Перон спешно покинул страну.

Вместе с ним в опалу отправилось и тело Эвиты. Самым таинственным образом саркофаг исчез из склепа в здании Всеобщей конфедерации труда. Говорили, что свергшие Перона военные выкрали его и отправили на тот самый остров-тюрьму, откуда когда-то ведущая радиопрограммы помогла освободить опального полковника, чтобы поднять его к самым вершинам власти. Теперь, без нее, уже с новой супругой, опальный генерал жил под Мадридом в гостях у другого изгнанника — генералиссимуса Франко, такого же как и он экс-президента. Шел 1971 год.

В этот год неожиданно для семидесятишестилетнего Хуана Доминго Перона с особой миссией к нему прибыл посол Аргентины. Со всеми полагающимися формальностями от имени правительства свергнутому президенту был вручен саркофаг с телом его жены, а затем, уже неофициально, было разъяснено, что этот жест означает, что Перон может вернуться в свою страну и даже рассчитывать на пост главы государства.

И Перон вернулся, чтобы в возрасте семидесяти восьми лет — через восемнадцать лет после свержения — быть вновь избранным президентом Аргентины. Правда теперь рядом с ним была другая женщина. И первое, что сделала Исабелита Перон, приехав в Буэнос-Айрес, перекрасилась в блондинку...Пытаясь быть похожей на нее — на настоящую любовь аргентинского народа, Исабелита копировала Эвиту во всем — прическа, жесты, манера говорить. Непонятно почему, но теперь никто не протестовал против того, чтобы жена Перона стала вице-президентом. Впрочем, понятно: она не была Эвитой.

Перон пробыл у власти меньше года, он скончался в 1974 году, и согласно Конституции его жена Исабелита Перон автоматически заняла пост президента Аргентины. Первое, что сделала она после вступления в должность — это вернула из Мадрида в Буэнос-Айрес саркофаг с телом своей предшественницы. Может быть, с ее стороны это была дань уважения к Эвите, а может быть, она считала, что это будет своеобразным освящением ее вступления в должность. Так или иначе, но аргентинцы до сих пор благодарны ей за этот поступок. Вся Аргентина встречала тело своей Эвиты столь бурно, что власти всерьез опасались революции.

В 1976 году Исабелиту Перон обвинили в присвоении денег, предназначенных для благотворительности, и в использовании государственного имущества в корыстных целях. После очередного военного переворота она была заключена в тюрьму, из которой вышла в 1981 году, отбыв две трети положенного срока.

Со дня смерти Эвы Перон прошло уже много лет. Жизнь Аргентины очень изменилась, но несмотря на все смены правительств, несмотря на изменение государственной политики — несмотря ни на что, перонисты все-таки оставались у власти. И ни один из новых политических лидеров Аргентины со времени ухода Эвиты не обошелся без освящения ее именем своего вхождения во власть. В девяностые годы имя Эвы Перон — женщины, которая никогда не занимала официально ни одного государственного поста— помогло перонисту Карлосу Менему дважды быть избранным на пост президента. Немудрено, что Менем лично курировал съемки фильма «Эвита» с Мадонной в главной роли. Немудрено, что своим личным распоряжением он отменил премьерный показ этой картины в Аргентине. При этом он даже не скрывал причины своих опасений: в стране со столь богатым опытом государственных переворотов все это могло грозить серьезными беспорядками. Слишком для многих аргентинцев недопустимо осквернение

памяти Эвиты пусть даже мало-мальски неоднозначными трактовками ее жизни. И уж тем более сомнительным с точки зрения любого аргентинца был выбор на эту роль скандально известной певицы Мадонны. Впрочем, трудно представить себе беспронимного кандидата на роль женщины, считающейся в Аргентине святой.

Беназир Бхутто

«Мы те, кто должен изменить будущее людей через поколение».

Беназир Бхутто

Беназир Бхутто заняла пост премьер-министра Пакистана в возрасте 35 лет, став не только самым молодым в мировой практике руководителем государства, но и первой женщиной-премьером в мусульманском мире. Путь этой красивой женщины к власти никогда не был усеян розами, наоборот: к решению возглавить оппозиционную к официальным властям партию ее подтолкнула трагическая гибель отца, казненного военной диктатурой. После долгой и упорной борьбы Беназир сумела привести Народную партию Пакистана к победе на демократических выборах. И сейчас, когда она вынуждена жить далеко за пределами своей родины, она продолжает борьбу за дело своего отца — первого премьер-министра Пакистана.

Беназир оказалась достойной дочерью. Она, женщина, не только дважды была избрана премьер-министром, что само по себе явление для политической жизни Азии удивительное, но и попала в книгу рекордов Гиннеса как человек, получивший наибольшее число голосов, отданных за одного кандидата — на всеобщих выборах в Пакистане в 1990 году в одном из избирательных округов Беназир Бхутто набрала 94 462 голоса (98,48%).

Пакистанцы всегда любили Беназир, еще с тех времен, когда она была просто дочкой их легендарного героя Зульф리카ра Али Бхутто, и тогда, когда в результате очередного переворота в адрес Беназир посыпались обвинения в коррупции, большинство пакистанцев не желало, чтобы дело дошло до суда. Ну а сейчас, когда Верховный суд Пакистана намерен пересмотреть ее дело, многие ждут ее возвращения на родину, ее возвращения в большую политику.

Несмотря на то, что политическая карьера Беназир Бхутто началась в рамках продолжения семейного дела, несмотря на то, что она вершила власть в классической восточной стране, в рамках культуры, не склонной рассматривать женщину в качестве диктующего свою волю лидера, — несмотря на все это Беназир Бхутто никогда не была тем, что принято называть марионеточным правителем. Политика, которую она проводила, была всегда самостоятельной. Пакистан еще очень молодое государство — оно существует на карте мира чуть более пятидесяти лет, но к тому, что сегодня ни одна из ведущих мировых держав не может проигнорировать мнение Исламабада, «приложила руку» и Беназир. И внешняя, и внутренняя политика, которую она проводила, находясь у власти, этому способствовали.

На родине Беназир Бхутто говорят: «Она была рождена для того, чтобы властвовать». На востоке подобное высказывание в адрес женщины стоит многого.

«Семейное» дело

Беназир Бхутто родилась 21 июня 1953 года в городе Карачи, провинция Синд (Пакистан). Она была первым ребенком известного политического деятеля Зульф리카ра Али Бхутто и Нусрат

Испахан.

Бхутто принадлежат к очень древнему роду, который До сих пор является одним из самых богатых и влиятельных кланов в стране. Практически всю свою жизнь, начиная с первых дней образования независимого Пакистана, ее отец занимался политикой. Рожденная в такой семье в годы борьбы Пакистана за собственную государственность, Бе-назир практически с младенчества готовилась к тому, чтобы достойно продолжить дело отца, хотя, конечно, никто и не предполагал, что не сыновья, а старшая дочь окажется способной к настоящей борьбе за власть. Беназир стала самым известным политиком в династии политических деятелей Пакистана, основателем которой был Зульфикар Али Бхутто.

Понимание личности Беназир, рассуждение об особенностях ее управления государством и рассказ обо всех перипетиях ее судьбы — все это невозможно без экскурса, хотя бы и краткого, в историю образования Пакистана. Все, чем живет это государство сегодня, коренится в тех далеких временах, когда Беназир была еще совсем маленькой девочкой.

Великобритания начала колонизацию Индии еще в XIX веке, и к XX веку присоединила к своим владениям все территории современного Пакистана. Освободительное движение, пик которого пришелся на начало века, обострило противоречия между двумя основными религиозными группами Индостана — мусульманами и индусами. Когда в 1947 году британские войска покинули эту территорию, и Индия, наконец, получила независимость, две мусульманские провинции на северо-западе и северо-востоке страны объединились и образовали государство Пакистан (что в переводе с пенджабского означает «Страна чистых»). Вслед за этим сразу же последовали столкновения с индусами, стоившие жизни более чем миллиону человек. 7,5 млн. мусульман бежали из Индии в Пакистан, а 10 млн. индусов — из Пакистана в Индию.

Территория, принадлежащая Пакистану, оказалась разделенной на две части территорией Индии, и в обеих частях то вспыхивали, то утихали сепаратистские настроения. Восточные пакистанцы (бенгальцы) требовали независимости.

Положение осложнялось и тем, что все попытки молодого государства установить порядок в стране и ввести многопартийную систему заканчивались неудачей. Основатель Пакистана, ставший его генерал-губернатором, Мо-хаммед Али Джинна умер в конце 1948 года. Первый премьер-министр страны Лиякат Али Хан погиб от рук фанатика-афганца в 1951 году. В 1954 году в стране было объявлено чрезвычайное положение, позволившее в марте 1956 года принять конституцию! Но в октябре 1958 года фельдмаршал Мохаммед Аюб Хан сместил гражданское правительство и снова ввел в стране военное положение, которое продолжалось целое десятилетие. И хотя, объективно, это десятилетие и способствовало значительному экономическому росту страны, политическое недовольство режимом проявлялось все явственней.

В марте 1969 года правительство Мохаммеда Аюб Хана было свергнуто генералом Яхья Ханом, объявившим о проведении первых в Пакистане демократических выборов. Они состоялись в 1970 году, и победила на них Пакистанская Народная партия (ПНП) Зульфикара Али Бхутто. Но в восточных провинциях большинство голосов было отдано «Лиге Авами», а ее лидер Муджибур Рахман в очередной раз призвал к отделению от Пакистана. Между Восточным и Западным Пакистаном началась гражданская война. При поддержке Индии бангладешским повстанцам удалось победить пакистанскую армию, и восточная половина государства выделилась в суверенный Бангладеш, а западная стала современным Пакистаном.

С этого времени и до сегодняшнего дня бури и страсти внутри и вокруг Пакистана не утихают. Периоды демократического правления сменяются очередными военными переворотами, а затем вновь наступает время относительной стабильности. Но имя Бхутто в этой чехарде переворотов никогда не было связано с силовыми методами свержения власти: и Зульфикар Али Бхутто, и его дочь Беназир встали во главе правительства в ходе свободных демократически проведенных выборов.

После того, как 20 декабря 1971 года Яхья Хан ушел в отставку, президентом Пакистана стал Зульфикар Али Бхутто, а с 1972 по 1977 годы он занимал должность премьер-министра. Одним из первых шагов его правительства стала договоренность с премьер-министром Индии Инди-рой Ганди о том, что индийская армия покинет пакистанскую территорию. Улучшились за время его премьерства и отношения Пакистана с США, кроме того, государству начали оказывать помощь Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Ливия и Иран.

Бхутто отменил военное положение, а в апреле 1973 был одобрен проект новой конституции, восстанавливавшей парламентскую систему правления. Расширились властные полномочия провинций. Были возрождены избирательные курии для религиозных меньшинств при сохранении главенства ислама. Придерживаясь идеи «исламского социализма», Бхутто осуществил национализацию всех частных банков, учебных заведений, страховых компаний и предприятий тяжелой индустрии. Аграрная реформа привела к передаче безземельным арендаторам заметной доли обрабатываемых площадей. Была повышена зарплата рабочих, занятых в промышленности, военнослужащих и чиновников. Крупные средства были направлены на улучшение условий жизни в сельской местности.

Но мировой энергетический кризис 70-х годов, а также серия крупных стихийных бедствий пошатнули положение правительства ПНП, по стране прокатилась волна недовольства. На выборах 1977 года ПНП объявила о своей победе, но оппозиция результатов выборов не признала. В этих условиях произошел очередной правительственный переворот, в результате которого к власти пришел генерал Зия уль-Хак.

Ее «университеты»

На фоне таких грандиозных событий и росла Беназир. В год, когда старшей дочери исполнилось шестнадцать лет, прогрессивный отец отправил ее учиться в Америку. Для мусульман — дело неслыханное. Фактически, Беназир оказалась первой пакистанской девушкой, учившейся на Западе. Ей, домашней девочке, любимой дочке, было очень страшно ехать неведомо куда. Она вспоминала, что от ужаса просто не могла совладать с собой и перед тем как войти первый раз в класс Радклифского колледжа (отделение Гарварда), где ей предстояло учиться, разрыдалась. Впрочем, освоилась она быстро. Колледж эта восточная красавица закончила с дипломом бакалавра философии, политики и экономики. Но ее отец ждал от нее большего, поэтому она прослушала также курс международной законности и дипломатии в Оксфорде.

Обучение закончилось, и в 1977 году Беназир вернулась в Пакистан. Вернулась, как оказалось, чтобы получить еще одно «образование» — образование жизнью. Год ее возвращения домой стал годом того самого правительственного переворота, когда быш свергнут ее отец и власть снова перешла к военным. 3 сентября 1977 года Зульфикар Али Бхутто — премьер-министр Пакистана, лидер ПНП и ее отец — был арестован по обвинению в содействии убийству однопартийца. Через три недели после этого была арестована и посажена под домашний арест и Беназир. Под арестом она оставалась до 1978 года.

Помочь отцу они не могли ничем. После ареста Зуль-фикара его жена Нусрат, а потом и освободившаяся Беназир возглавили Пакистанскую Народную Партию, находившуюся в оппозиции к режиму Зия уль-Хака со времени переворота. Велись переговоры с партийными лидерами, планировались дальнейшие действия, но все-таки каждый надеялся, что власть военных не будет вечной, и отец вернется, чтобы снова встать во главе партийного руководства. Но чуда не произошло и даже наоборот — случилось самое страшное. На состоявшемся впоследствии суде Зульфикар Али Бхутто был признан виновным и приговорен к смертной казни через повешение. 4 апреля 1979 года приговор новых властей был приведен в исполнение. Семье было отказано участвовать в похоронах.

Сразу после казни Нусрат и Беназир были депортированы из страны. Но не как «члены семьи», а как слишком активные и потенциально опасные политические лидеры ПНП. Спустя несколько лет, в 1985 году, все еще находясь в изгнании, до них дошла еще одна страшная весть; покончил с собой, приняв яд, младший брат Беназир Шах Наваз, арестованный Зия уль-Хаком.

Режим Зия Уль-Хака правил по жестким исламским законам. Фактически, это была диктатура, хотя нельзя отрицать, что эта же диктатура сдерживала все межэтнические конфликты и это позволило укрепить экономику Пакистана. Конечно, до полного мира и благоденствия было еще далеко, но тем не менее объявленное еще в 1977 году военное положение выглядело явным анахронизмом для страны, собирающейся расширять сотрудничество с другими государствами. В 1986 году военное положение было отменено и это стало началом постепенного возвращения Пакистана к демократии.

Все эти события позволили в апреле 1986 года матери и дочери казненного Зульфикара вернуться на родину, чтобы начать кампанию за проведение открытых выборов в качестве

сопредседателей Пакистанской Народной Партии. В том же 1986 году празднование дня независимости Пакистана окончилось для Беназир арестом за организацию десяти тысячной демонстрации в городе, где она родилась и выросла — родном Карачи. Ее выпустили через месяц, и она снова приступила к подготовке к выборам. Она не боялась нового ареста, слишком многое было поставлено на карту — дело ее отца.

С самых первых дней возвращения Беназир на родину отношение к ней внутри партии было самым доброжелательным. И дело даже не только, а может быть и не столько в том, что она была дочерью легендарного Зульф리카ра. В ее глазах горел огонь, который был зажжен идеей долга перед отцом, семьей, народом. Восток — дело тонкое, и то что для европейца кажется цепочкой, состоящей из звеньев, для восточного человека оказывается единым нерушимым целым. Говорят, что если «разбудить» восточную женщину, то в ней просыпаются силы, дремавшие под паранджей на протяжении многих веков...

Конечно, такую красивую женщину как Беназир занимали не только политические вопросы. Но все-таки среди всех многочисленных поклонников она остановила свой выбор на Асифе Али Зардари, который не только стал ее мужем (они поженились в 1987 году), но и помощником во всех ее начинаниях.

В мае 1988 года военный диктатор генерал Зия уль-Хак распустил парламент, сместил премьера и назначил свободные выборы. Беназир к этому времени расценивалась уже многими — и друзьями и врагами — как серьезный претендент на победу. Может быть, в связи с этим в июне этого же года Зия уль-Хак объявил высшим законом страны Ислам? Ведь согласно этому «законодательству» избрание женщин ни в одну из властных структур невозможно...

А дальше случилось то, что по сию пору в Пакистане называют мистикой. В августе Зия уль-Хак погиб в авиакатастрофе.

Причины этой авиакатастрофы до сих пор остаются загадкой. Никаких достоверных сведений о том, что же произошло с этим самолетом, нет. Вполне возможно, что это была месть сторонников свергнутого Бхутто и кто-то из них мог пожертвовать собой ради этого. Впрочем, заинтересованных в политических изменениях, которые неминуемо должны были произойти после смерти Зия уль-Хака, было очень много. Но в любом случае — был теракт или нет — Бхуттовский клан уже возвращался к власти. Что же касается Беназир, то для нее было очевидным, что свершилось возмездие: человек, убивший ее отца и запретившей семье проститься с ним, не мог, не должен был умереть своей смертью, окруженный заботами и любовью своих родных и близких...

Премьерство с переменным успехом

После смерти Зия обязанности президента принял на себя председатель Сената Гулам Исхак Хан, который объявил о предстоящих в ноябре выборах. В октябре Верховный суд постановил, что кандидаты могут баллотироваться от политических партий. На выборах, получив относительное большинство в парламенте, победила ПНП, а 1 декабря 1988 года тридцатипятилетняя Беназир Бхутто заняла пост премьер-министра. Нужно ли говорить о том, что она чувствовала тогда?

В первый же день своего правления Беназир амнистировала всех политических лидеров, арестованных при Зия уль-Хаке. Новый кабинет разработал программу серьезных социальных и политических реформ. В течение первого года ее правления было кардинально сокращено военное ведомство — постоянная пороховая бочка внутри Пакистана, а также налажены отношения с Индией — постоянной пороховой бочкой для внешней политики.

Беназир сумела добиться и того, что Пакистан был вновь принят в Организацию Объединенных Наций. Дело в том, что Пакистан был принят в ООН в год своего рождения — в 1947-м и в том же году стал членом Британского Содружества наций. Но когда в 1972 году Великобритания и другие страны Содружества признали Бангладеш, Пакистан вышел из состава организации. Возвращение состоялось только через 17 лет — в 1989 году.

Одним словом, все, что делала Беназир на посту премьер-министра, было направлено на то, чтобы Пакистан стал свободной демократической страной, признанной международным сообществом. Ненадолго правда эту деятельность пришлось прервать — в 1990 Беназир установила еще один своеобразный «рекорд»: стала первым в истории премьером, родившим

ребенка.

Но, несмотря на совершенно очевидный успех Беназир во внешней политике, внутри страны продолжали кипеть страсти. И накал этих страстей был таков, что удержать власть, когда на нее претендовало такое количество лидеров других партий, было, наверное, просто невозможно. Совершенно неожиданностью для многих стало то, что в августе 1990 Гулам Исхак Хан — президент Пакистана — вдруг обвинил кабинет Бхутто в коррупции и злоупотреблении властью. Обвинения были выдвинуты и против ее мужа, которому инкриминировали не только ту же коррупцию и злоупотребление властью, но и массовые убийства и даже похищение детей. Это последнее, по крайней мере, было странным. Одновременно с этим правительство объявило Беназир и Али, что они получают официальное извинение, если покинут страну и навсегда оставят большую политику. Беназир решительно отвергла это предложение, и в мае 1991 против нее были выдвинуты новые обвинения в растрате материальных фондов секретной службы.

Несмотря на то, что все обвинения Беназир отвергла, несмотря на то, что дальнейшие действия президента были прямым нарушением конституции. Гулам Исхак Хан все-таки распустил ее правительство, отправив Бхутто в отставку. Премьер-министром был назначен Гулам Мустафа Джатой, бывший союзник Беназир.

Президент назначил новые парламентских выборы, и в октябре 1990 руководимая Бхутто ПНП потерпела поражение от специально созданного к этим выборам Исламского демократического альянса. Премьер-министром этого коалиционного правительства был выдвинут лидер Пакистанской мусульманской лиги Мухаммад Наваз Шариф, который отныне и стал главным политическим оппонентом Беназир. Наваз Шариф устраивал президента три года, а затем между Исхак Ханом и Шарифом обнаружилось разногласия, в результате которых Шариф был также отправлен в отставку.

Однако Верховным судом Пакистана декрет президента был признан неконституционным, и Шариф вернулся на свой пост. Тем не менее противоречия между двумя лидерами не были устранены. Да и не могли быть они устранены, ведь Шариф выступал за удаление из текста Конституции положений, дававших президенту право на роспуск высших органов государственной власти. Затянувшимся спором быстро воспользовались военные и 17 июля 1993 года сместили и того, и другого.

На состоявшихся новых выборах победу вновь одержала партия Беназир и в октябре 1993 года она вновь была приведена к присяге как премьер-министр. Это ее новое премьерство продолжалось 3 года до ноября 1996 года.

За это время ее правительство выстроило более 24 тысяч школ, провело электричество практически во все деревни. Для Пакистана это было неимоверно важным шагом вперед: теперь граждане этой страны перестали жить в фактической информационной изоляции — в их домах появилось радио и телевидение.

Во время этого вторичного правления Беназир Бхутто Пакистан создал свой ядерный арсенал. За девять лет до осуществления первого взрыва (в 1998 году) правительство пришло к заключению, что обладает достаточным запасом ядерного оружия и не нуждается в его увеличении. Таким образом Пакистан стал так называемым «ядерным» государством именно при премьер-женщине, и теперь каждый политический обозреватель, затрагивая вопрос о Пакистане, обязательно «напоминает» о том, что «давление» на него чревато последствиями.

Но все чаще и чаще, к сожалению, средства массовой информации напоминают нам о другой — не менее страшной силе, рождение которой принято связывать с именем Беназир. Речь идет о движении талибов.

«Мать Талибана»?

Считается, что движение «Талибан» было своеобразным «продуктом», разработанным МВД Пакистана. Правительство поручило этому министерству тщательно продумать вопрос безопасности прохождения торговых караванов по «новому Шелковому пути» — из Пакистана в Центральную Азию. Это предположение вполне вероятно, потому что в 1994 году правительство Беназир в поисках новых путей для развития национальной экономики неоднократно обращалось к вопросу развития торговых связей с молодыми государствами Средней Азии.

Первый «экспериментальный» караван в Среднюю Азию через Афганистан снарядил муж Беназир Асиф Али Зардари — не только политик, но и один из крупнейших пакистанских бизнесменов. В октябре этот караван (состоящий, конечно, не из верблюдов, а из 30 армейских грузовиков) с лекарствами и другими товарами отправился в Ашхабад через территорию Афганистана. Но большая и пустынная дорога, как правило, без разбойников не обходится, и недалеко от Кандагара группировка моджахедов известного полевого командира Мансура Очакзая разграбила весь караван, взяла водителей в заложники и потребовала с пакистанского правительства выкуп.

Обратиться за помощью к талибам Беназир посоветовал ее министр внутренних дел Насрулла Бабар. Тогда слово «талибы» еще не было связано с представлениями о хорошо организованном и беспощадном терроризме. В переводе «талибы» — это «студенты» (применительно к религиозно-политическому движению). Талибами называли пуштунских юношей из числа афганских беженцев, которые получили образование в пакистанских медресе. Понятно, что эти мальчики, большинство из которых остались без родителей, были крайне недовольны порядками, сложившимися в родном Афганистане. Но мальчики выросли, возмужали и ни для кого не было секретом, что к их помощи в охране нелегальных караванов нередко прибегали некоторые пакистанские «дельцы».

Пакистанские власти пообещали лидеру талибов — легендарному «черному мулле» Омару официальное признание и поддержку оружием и деньгами. Фактически этой просьбой о помощи и обещаниями о «дальнейшем сотрудничестве» администрация Бхутто одобрила действия оппозиционеров-талибов в противовес к официальному Кабулу, то есть одобрила существование государства в государстве.

Но далее все пошло не так гладко как хотелось бы. Как это и можно было предположить, Афганистан стал высказываться против намерений Пакистана строить дорогу на афганской территории, расценивая это строительство как вмешательство во внутренние дела Афганистана. «Возроптали» и талибы: они предложили вернуться к обсуждению темы строительства дороги только после того, как... будет взят Кабул. А дальше все пошло по нарастающей.

Таким образом, что бы там не говорили об исламе сами талибы, появление этого «фантома» на свет связано не столько с исламом, сколько с пакистанской и афганской внутренней политикой. Но говорить о том, что талибов «сочинила женщина» (а именно это утверждение все чаще и чаще встречается при упоминании имени Беназир Бхут-то) было бы не вполне правильным. Прежде всего потому, что движение это существовало задолго до нее, и, кроме того, к его появлению на свет «приложили руку» многие.

Тот же самый министр внутренних дел Пакистана Насрулла Бабар, который посоветовал Беназир обратиться за помощью к талибам, говорил о том, что фактически движение «Талибан» родилось еще в 1973 году при покойном премьер-министре Зульфикаре Али Бхутто, когда в Афганистане появилась «угроза усиливавшегося тогда советского влияния». В те времена Бабар, будучи еще молодым офицером, сам рекрутировал в отряды боевиков учащиеся медресе и обучал их военному делу в специальных лагерях.

«Усиливавшееся советское влияние» имело место быть, и во время советско-афганской войны в соответствии с соглашением, подписанным между США и пакистанским военным диктатором Зия уль-Хаком в 1981 году, весь контроль за военными действиями в Афганистане возлагался на Межведомственную разведку (МВР) — самую мощную спецслужбу страны. Между прочим, вопросами МВР занимался тогда не кто иной как нынешний военный диктатор Пакистана Первез Мушараф.

Специально созданное в структуре разведки подразделение занималось тем, что собирало на афганской территории мальчиков, оставшихся без родителей. Их вывозили в лагеря под Пешавар, где учили военному делу и основным исламским догмам. Именно тогда и была заложена основа нынешнего «Талибана».

В 1993 году, став премьером вторично, Беназир Бхутто, имея в прошлом печальный опыт потери власти из-за политической борьбы за лидерство между национальными партиями, решила оказать поддержку движению «Джамаат улема-и-ислами» (ДУИ), которое заявляло себя как абсолютно аполитичное и стремящееся только к восстановлению утраченных моральных ценностей ислама. Беназир нашла доводы убедить правительство в необходимости оказать ДУИ финансовую поддержку. Именно на эти деньги ДУИ в своих медресе начало воспитывать талибов-студентов.

«В 1993 году, — описывает Беназир Бхутто те события в интервью газете «Известия», — когда я вторично стала премьером, многие критиковали Пакистан за поддержку Гульбедин Хекматияра (лидера Исламской партии Афганистана. — Л.А.). Тогда мы приняли решение не поддерживать вообще никого — из этого вакуума и возник «Талибан»... Да, меня многие критиковали за контакты с «Тали-баном». Но надо сказать, я старалась просто найти компромисс с этой силой и учитывать все мнения. При мне «Талибан» был хоть немного управляем».

И это действительно так: после новой отставки Бхутто (в 1993 году) талибы полностью вышли из-под контроля и превратились в самостоятельную политическую силу, несущую угрозу даже «породившему их» Пакистану. Впрочем, самое непосредственное участие в том, что движение талибов продолжало набирать силу, принял не только Пакистан. О том, что важнейшим фактором, обеспечивающим успехи «Талибана», была широкомасштабная военная и финансовая поддержка со стороны США, Великобритании и Саудовской Аравии, Беназир Бхутто открыто заявила уже после своей отставки.

По мнению иранского исследователя Али Акбара Да-рейни, «в течение нескольких лет талибов обучали в пакистанских лагерях с одной целью — создать из них такую военно-политическую силу, которая могла бы закончить внутриафганский конфликт в пользу пуштунского большинства. Однако, в последнее время, движение талибов, встав на ноги, вышло из-под контроля пакистанского правительства. Многие уверены в том, да и факты говорят об этом, что переломным моментом в этом процессе стала отставка Беназир Бхутто и очередная смена правительства в Исламабаде».

Новая отставка

Активно наступающий радикальный ислам в Афганистане сопутствовал и росту исламских настроений в самом Пакистане. Политика правительства Бхутто на этом фоне все чаще и чаще подвергалась критике, как не вполне соответствующая догмам ислама, а сама Беназир — так просто вызовом этим догмам.

Целый шквал компромата обрушился на Беназир в июне 1995 года. Очень интересным является тот факт, что начало этой массивной критике было положено... Великобританией. Дважды (!) английские газеты начинали кампанию по «разоблачению» пакистанского премьера, публикуя сведения о покупке ее семьей поместья стоимостью 2,5 млн. долл. неподалеку от Лондона. Практически сразу после этого в Законодательной ассамблее Пакистана начались острые дебаты по вопросу о коррупции главы правительства.

И здесь на сцене снова появляется Наваз Шариф. Лидер оппозиции и председатель Пакистанской мусульманской лиги, Шариф потребовал немедленного создания специальной комиссии для расследования «дела Бхутто». Затем Лига организовала в Исламабаде встречу руководителей 14 политических оппозиционных партий Пакистана. В результате этой встречи был создан альянс антиправительственных сил, который поставил перед собой задачу добиться отстранения от власти кабинета Бхутто.

Вслед за этим при невыясненных обстоятельствах был убит брат Беназир — Муртаза. Некоторое время спустя в этом убийстве Шариф обвинил... мужа Беназир.

Дальше все пошло как по расписанию. В ноябре 1996 года парламент избрал президентом известного члена ПНП Легари. Но несмотря на то, что Беназир возглавляла партию, членом которой он являлся, Легари отправил правительство Бхутто в отставку, а затем распустил парламент и провинциальные законодательные собрания.

На выборах в феврале 1997 Пакистанская мусульманская лига во главе с Шарифом получила свыше 2/3 депутатских мест в Национальном собрании, что дало возможность Шарифу сформировать кабинет министров. Юридическим путем Шариф сумел лишить президента права смещать правительство и прекращать деятельность законодательных органов (впрочем в дальнейшем это ему не помогло). В декабре 1997 Легари подал в отставку, а новым президентом был избран отставной судья Рафик Тарар.

Беназир Бхутто и ее муж Асиф Али Зардари 15 апреля 1999 года были признаны виновными в получении многомиллионной взятки за правительственный контракт, переданный одной из швейцарских фирм. 6 процентов от суммы этого контракта якобы пошли непосредственно на счета Бхутто и ее супруга через оффшорную компанию, принад-лежащую Зардари. Кроме того, суд наложил на семью бывшего премьера штраф в размере 8,6 млн. долларов, лишил Беназир парламентской неприкосновенности и принял решение о конфискации всей собственности. В довершение ко всему их обоих приговорили к пяти годам тюремного заключения.

По решению суда Асиф Али Зардари был посажен в тюрьму, где он и находится до сих пор, а Беназир удалось выехать за границу.

С самого начала Бхутто, полностью отвергнув все обвинения, назвала этот процесс политическим, сфабрикованным исключительно с одной целью: убрать ее и возглавляемую ею партию с политической арены Пакистана. И хотя по решению суда Беназир было запрещено заниматься политикой, а сама она вынуждена жить за границей, ее деятельность не прекращалась ни на минуту. Доверие к своему лидеру в партии оказа-лось столь велико, что бывший премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто избрана пожизненным председателем ПНП. Такое решение простым открытым голосованием было принято на совместном заседании Центрального исполнительного комитета и Федерального совета ПНП, делегатов от провинциальных и низовых партийных организаций. Бывший премьер-министр уполномочена провести реорганизацию партии, а также возглавить антиправительственную кампанию. Чем она и занялась.

«Лучше военное положение, чем Шариф у власти»

12 октября 1999 года в Пакистане был совершен очередной военный переворот: премьер-министр Наваз Шариф отстранен от власти, а во главе страны встала группа военных, возглавляемая командующим пакистанских вооруженных сил генералом Первезом Мушарафом. Настал черед Наваза Шарифа быть обвиненным в коррупции и злоупотреблении властью, а также попасть под следствие и выслушать приговор суда о пожизненном (!) заключении.

Созданная в Пакистане коалиция политических партий — Большой демократический альянс, в состав которого входит и Народная партия Беназир Бхутто — поддержала военный переворот и смещение Шарифа. В официальном заявлении лидеры альянса обвинили экс-премьера в серьезных просчетах и приветствовали заявление нового правителя Пакистана генерала Мушарафа о том, что политики должны нести ответственность за свои поступки. Однако, они также призвали Мушарафа к скорейшему восстановлению демократии в Пакистане.

В своем интервью телекомпании NBC Беназир Бхутто заявила: «Введенное сейчас в Пакистане военное положение не является положительным шагом, но действия пакистанского премьера были еще более негативными и именно по его вине ситуация в стране получила такое

развитие».

Пакистанцы, в целом, военный путч восприняли с воодушевлением. Люди выходили на улицы, жгли портреты Шарифа, поздравляли друг друга, а одна из пакистанских газет написала следующее: «Правительство Наваза Шарифа заслужило свою судьбу».

Наверное, это действительно было так: правительство Шарифа было крайне непопулярно. С момента его прихода к власти он постоянно предпринимал все возможное для того, чтобы определяющим в конституции стали законы ислама. Это имело самые серьезные последствия: во-первых, никаких специальных «законов» относительно того, как в том или ином конкретном случае следует трактовать законы ислама, издано не было, и фактически исполнительная власть просто-напросто вышла из-под контроля. А во-вторых, это способствовало и без того уже возросшим до катастрофических размеров сепаратистским настроениям. Не то что в пограничных районах — уже в самом Исламабаде, на улицах столицы происходили постоянные стычки между противоборствующими религиозными общинами. Ничего не предпринимал Шариф и для того, чтобы держать под контролем растущую вражду между провинциями.

Но самое главное: правительством Шарифа не было сделано ничего для укрепления

экономики, а в этом была насущная необходимость, особенно после того, когда США применили экономические санкции в ответ на проведение Пакистаном атомных испытаний (за месяц до этого аналогичные испытания были проведены в Индии). Но для слабой экономики Пакистана эти санкции имели более серьезные последствия, чем для Индии.

Наваз Шариф оказался человеком, очень далеким от титула «любимец народа». Фактически, он как самый настоящий восточный деспот управлял страной как своей собственностью, назначая на высшие государственные посты родственников и друзей. Где уж тут до экономики. Неудивительно, что заголовком лондонского журнала «Экономист», вынесенным на обложку вместе с фотографией Наваза Шарифа, стало следующее: «Гниение в Пакистане».

«Верните стране уважение»

И все-таки, как бы ни был «плох» Наваз Шариф, все политические лидеры Пакистана озабочены сейчас только одним: фактически страна находится под властью военной диктатуры, а это значит, что Пакистану еще далеко до права называться демократической страной.

С первого дня переворота Беназир Бхутто сделала официальное заявление: «В случае если в Пакистане военные введут свое правление, это будет «откатом назад», так как на протяжении 10 лет пакистанская политическая система опиралась на демократию. Я бы пожелала генералу Мушарафу: верните стране уважение международного сообщества, назначьте всеобщие выборы».

После того как Мушараф распустил парламент, приостановил действие Конституции и ввел в Пакистане чрезвычайное положение, он практически сразу сделал официальное заявление относительно того, что не намерен узурпировать власть и собирается назначить демократические выборы, чтобы управление страной перешло из рук военных к гражданскому правительству: «Действие Конституции, — отвечает он на все вопросы журналистов, — приостановлено лишь временно. Это не военное положение — это просто иной путь к демократии. Мы не собираемся оставаться у власти дольше, чем это будет абсолютно необходимым для установления в Пакистане настоящей процветающей демократии».

Однако, похоже, время наступления этой «настоящей процветающей демократии» все откладывается и откладывается. В декабре 2000 года 18 политических партий Пакистана сформировали новый оппозиционный союз и требуют прекращения военного правления и восстановления демократии в стране. В этот союз вошли и враждебные друг другу партии Беназир Бхутто и Наваза Шарифа. И это уже никого не удивляет. Глава союза Навабзад Насрулла Хан заявил: «Партии забыли о разногласиях в своих позициях ради общего дела».

В ответ на заявления оппозиции военное правительство Мушарафа постаралось более конкретно определить «дату» назначения выборов. Чтобы исправить пакистанскую коррумпированную политическую систему Мушарафу нужно 3 года, а затем и состоятся всеобщие выборы.

Этого времени, по мнению Беназир, военным властям Пакистана хватит как раз на то, чтобы «уничтожить под видом борьбы с коррупцией политическую элиту страны».

Конечно, под этим уничтожением не подразумевается никаких кровавых расправ, да и сами перевороты со времен гибели отца Беназир стали несколько мягче. И тем не менее, муж Беназир продолжает находиться в заключении, сама она, в случае приезда в Пакистан, рискует быть сразу же арестованной. Совсем недавно суд выдвинул обвинение и в адрес ее матери, которой теперь тоже грозит заключение, кроме того, убит (при невыясненных обстоятельствах) ее родственник — двоюродный брат...

На этом фоне более чем странно выглядело то, что военные власти приняли решение... освободить Наваза Шарифа, которому были предъявлены обвинения в государственной измене и попытке убийства генерала Мушарафа. Бывший премьер «в интересах страны и народа Пакистана» был выслан в Саудовскую Аравию. Военные заявили, что простили бывшего премьера, приговоренного к пожизненному заключению, но поскольку имущество осужденного было конфисковано, он по обвинению в коррупции обязан выплатить \$660 000 и 21 год не принимать участия в политической жизни государства.

Шариф немедленно покинул страну, захватив с собой 18 членов семьи, в том числе и младшего брата, занимавшего в Пенджабе министерскую должность. Удивляться не приходится. Кому как не ему знать, что такое держать в заложниках членов семьи бывших премьеров.

Высылка Шарифа возмутила всех, и не столько тем, что большинство политиков считают Шарифа действительно виновным, а тем, что военное правительство приняло это решение без согласования с Большим демократическим альянсом. Но что делать, как сказал заместитель Беназир: «Чему удивляться, когда в стране царит полное беззаконие. Хотят — казнят, хотят — милуют».

В ожидании демократии

Совсем недавно Верховный суд Пакистана принял решение о пересмотре судебного дела в отношении бывшего премьер-министра страны Беназир Бхутто и ее супруга Али Зардари, обвиненных в коррупции. Суд направил дело на новое расследование. Защита добилась отмены приговора и пересмотра дела на основе представленных записей телефонных разговоров между судьями и членами правительства Наваза Шарифа. Из этих записей со всей очевидностью следует, что на судей оказывалось политическое давление.

Тем не менее, Асиф Али Зардари все еще находится в тюрьме, а сама Беназир сильно рискует по возвращении в страну быть немедленно арестованной «за нарушение ряда судебных процедур и неявку в суд», о чем прямо заявил Верховный прокурор Пакистана.

Но с намерением вернуться Беназир не растает: «Я должна это сделать, чтобы бросить вызов генералу Мушарафу и заняться восстановлением демократии в стране, несмотря на все

возможные лично для меня опасности».

Незадолго до терактов в Америке осенью 2001 года Бхутто, выступая на одном из официальных заседаний, говорила о том, что сегодня Пакистан отброшен назад, потому что его лидеры не понимают тенденций развития мировой цивилизации. В списке глобальных проблем, в которых погряз Пакистан, помимо роста религиозного фанатизма со всеми вытекающими из этого последствиями, она особо остановилась на конфликте между Афганистаном и Ираном. Говоря о состоявшихся в августе бомбежках мест скопления террористов в Афганистане, возглавляемых бин Ладеном, она напомнила о том, что ЦРУ США в больших объемах субсидировало этого террориста во время оккупации Афганистана Советским Союзом. «Сегодня, — сказала она, — эти террористы повернулись против тех, кто в свое время дал им возможность вырасти».

Прозвучало и другое признание Беназир: «Правительство Пакистана не в силах контролировать секретные службы страны, которые «создали» Усаму бин Ладена. Спецслужбы являются государством в государстве. Когда я была премьер-министром, я пыталась затребовать у них отчеты о работе. Это невозможно, — отвечали мне военные. Мне пришлось примириться с этим».

Положение Пакистана после начала бомбардировок отрядов талибов Беназир назвала логическим тупиком: «Вашингтон, — говорит она, — после нападения террористов 11 сентября поставил Пакистан перед выбором: стать другом Америки или ее врагом. В случае отказа со стороны Исламабада он потерял бы все, и американцы повернулись бы к заклятому врагу Пакистана — Индии. У президента Мушарафа не было выбора», — подчеркнула Бхутто. — И теперь, после резкого изменения курса Пакистана, который раньше помогал афганским талибам, а теперь стал союзником США, приход к власти исламских фундаменталистов уже не исключен ... Это очень страшное предположение, но с ним необходимо считаться».

Многие аналитики считают, что возвращение Беназир в Пакистан может благотворно сказаться на его внутренней политике. По крайней мере, к ее мнению по вопросу урегулирования ситуации в стране прислушиваются.

Мать Тереза

«Мы все призваны любить, любить до боли».

Мать Тереза

Миллионы людей на земле считали ее святой еще при жизни, и сейчас уже на официальном уровне Ватикан решает вопрос о канонизации женщины, известной всему миру под именем

Матери Терезы. Случай беспрецедентный: будущая каноническая святая в прошлом — лауреат Нобелевской премии мира, почетный гражданин США, героиня телепередач и документальных фильмов...

Кем же была эта женщина, чем сумела поразить ничему уже не удивляющийся XX век? И как случилось, что крошечная сухая старушка с морщинистым как печеное яблоко лицом (если бы не эти морщины, ее можно было бы принять за девочку-подростка), будучи смиренной и покорной монахиней, обладала властью, о которой мог только мечтать любой, даже самый могущественный лидер? Перед нею открывались двери и великолепных королевских дворцов, и убогих хижин. Она могла приостановить военные действия и получить в пожертвование крупную сумму от какого-нибудь диктатора. Для многих это было и остается загадкой.

При обсуждении ее кандидатуры на получение Нобелевской премии возникли серьезные проблемы — никак не формулировались причины ее выдвижения: она не организовывала марши мира, демонстрации протеста, не подписывала петиции. Она просто приходила к тем, кому было плохо и помогала как могла — мыла, кормила, давала приют. Собственноручно чистила выгребные ямы и без каких бы то ни было антисептиков ухаживала за прокаженными. Представитель Норвежского нобелевского комитета нашел выход из этого «затруднительного положения», сославшись в своей речи на слова президента Всемирного банка: «Мать Тереза достойна Нобелевской премии, поскольку она утверждает мир в самой важной сфере, защищая неприкосновенность человеческого достоинства», а от себя добавил: «В каждом человеке она в состоянии заронить семена добра... Если бы это было не так, общество лишилось бы надежды, а мирные усилия утратили значение».

«Во имя голодных, раздетых, бездомных — всех тех, кто не видит ни помощи, ни заботы» мать Тереза приняла денежную премию, чтобы сразу же истратить ее на строительство приютов для бедных и прокаженных. А медаль забыла в гардеробе очередного королевского дворца, куда она в очередной раз пришла за помощью.

Среди тех, кто помогал матери Терезе — жертвуя деньги или просто присоединяясь к ее работе — встречаются самые неожиданные сочетания имен: Иоанн Павел II, Ясир Арафат, Джордж Буш, Фидель Кастро, Рональд Рейган, Дэн Сяопин, король Норвегии Харальд V, принцесса Диана, принц Чарльз... Главы государств, политические лидеры, финансовые магнаты простые смертные — всеми она говорила не то чтобы на равных, а как с должниками — должниками перед Богом и беднейшими из бедных, которым она служила.

«Уступите мне кусочек вашего Ватикана, — ответила она на вопрос Иоанна Павла о том, чем он мог бы ей помочь, - чтобы я могла ни винить в нем своих бедных».

Малая родина

Агнес Гонджа Бояджиу (Мать Тереза) родилась 26 августа 1910 года в Скопье — городке с необычной судьбой. В год рождения будущей «матери всех обездоленных мира» этот городок еще назывался по-турецки Ускуп и вместе со всей Македонией был частью Османской империи. После первой Балканской войны Македонию как пирог поделили между собой три государства и на карте мира она появилась вновь только после второй мировой войны — в составе СФРЮ. В 1968 году албанцы Скопье и Косово впервые потребовали создания албанской республики, в 1990 году Македония обрела независимость, после чего и начались кровопролитные межэтнические войны, продолжающиеся до сих пор.

Вот именно в этом городке и родилась Агнес. Она была третьим — младшим ребенком Николы и Драны Бояджиу. Жила семья безбедно вплоть до трагической гибели отца, когда матери пришлось все взять на себя.

Позже Мать Тереза вспоминала, что в их доме всегда было много людей, и она была уверена, что все они — их родственники. Потом оказалось, что вместе со всей семьей за одним столом обедали нищие — так было заведено матерью Драной, женщиной чрезвычайно набожной.

«Я помню, как отец, мать и все мы молились вместе каждый вечер, — вспоминала Мать Тереза. — Надеюсь, что албанские семьи остались верны этому обычаю — ведь это самый главный дар Божий. Крепки те семьи, которые молятся вместе». Семья Бояджиу была крепкой албанской семьей, исповедующей католичество (что само по себе примечательно, поскольку албанцы исповедуют мусульманство). Католическая община Скопье была малой, но сплоченной и

дополняла невероятное этническое и религиозное пестроцветие Ускупа-Скопье, в котором мирно уживались (до поры до времени) всевозможные религии и секты.

Агнес радовала мать всем: она была послушной девочкой, всегда с радостью и старанием помогала по хозяйству, говорят, прекрасно пела в церковном хоре и лет с двенадцати грезилась об Африке и миссионерских подвигах, о которых слышала с самого раннего детства. Вероятно, мама не вполне серьезно относилась к этим детским мечтаниям, ведь кроме миссионера Агнес собиралась стать то писательницей, то музыкантшей... Когда семнадцатилетняя Агнес сообщила матери, что твердо решила ехать вместе с группой католиков в Калькутту, Драна Бояджиу была в шоке. В попытке заставить Агнес изменить свое решение принял участие и старший брат — Лазарь, учившийся в военной академии в Австрии. Но на все его доводы «глупая сестренка» ответила ему в письме:

«Ты считаешь себя значительным, потому что будешь офицером и станешь служить королю с двумя миллионами подданных? Я же буду служить королю всего мира»

Решение дочери не было блажью, и когда мать поняла это, она отпустила ее. Расставание было тяжелым: Драна Бояджиу боялась, что больше никогда не увидит младшую дочь. Так и оно случилось.

Много лет спустя, когда Агнес стала известна всему миру как Мать Тереза, из письма сестры Аги (редкая весточка, дошедшая из-за албанского железного занавеса), она узнала, что мать находится при смерти и последнее, о чем она мечтает — это попрощаться с Агнес. Мать Тереза пришла в посольство Албании в Риме и, обратившись к послу на албанском, сказала, что пришла к нему не как глава Ордена, а как «ребенок, ищущий матери». Италия не возражала против принятия близких матери Терезы, но... Все, на что расщедрились албанские власти — это дать разрешение матери Терезе на въезд. Отдадим Албании должное: никто не пытался ввести ее в заблуждение относительно того, что ей дадут отсюда беспрепятственно выехать. Вряд ли ее испугало то, что как служительнице культа ей грозила албанская ссылка или тюрьма. Ни лишения, ни смерти она не боялась. Но нарушение обета, оставление на произвол судьбы ордена, предательство по отношению к сестрам?.. Мама умерла без нее, а через год умерла и сестра. Побывать на их могилах она смогла только в 1992 году, когда ей исполнилось 82 года и Рамиз Алия — президент свободной Албании, присвоил своей знаменитой землячке звание почетного гражданина.

«Я должна была покинуть монастырь...»

Агнес Гонджа Бояджиу уехала из Скопье 26 сентября 1928 года и через всю Европу отправилась в Дублин — в монастырь сестер ордена Лорето, имевший миссию в Индии, а оттуда — в Калькутту.

По окончании срока послушничества уже не Агнес, а сестра Тереза становится учительницей в школах ордена: шестнадцать лет она преподавала бенгальским девочкам историю и географию, помогала отстающим, пела в церковном хоре, даже стала директрисой одной из школ. Она жила размеренной и несуетной жизнью монастыря и казалось, так будет всегда, как вдруг, к полному удивлению сестер, она принимает решение уйти в мир. Решение это она считала божественным откровением.

Правила не позволяли сестре Терезе покидать стены школы, но монастырь не был неприступной крепостью, а сестры не были слепыми и глухими. Они не могли «не замечать» того невероятного ужаса, который царил вокруг. В тридцатые годы очевидцы называли Калькутту «одним из самых жутких мест в мироздании». А после неурожая и голода 1942 года дела и совсем были плохи: толпы голодных и оборванных нищих скитались по улицам в поисках хоть какой-то пищи, на умерших, остававшихся лежать прямо на улице, уже никто не обращал внимания. По разным данным, в те годы погибло от 3 до 12 миллионов человек.

«Если бы наши люди это увидели, воздержались бы от жалоб на свою участь и поблагодарили Бога, что живут в таком изобилии», — писала тогда сестра Тереза.

В августе 1946 года, когда в городе началась бойня между индусами и мусульманами, страшные отзвуки из этого жуткого мира проникли даже через толстые стены монастыря: «Я увидела повсюду мертвые тела забитых до смерти детей, — описала весь этот ужас сестра Тереза. — Мы знали, что за стенами школы бушевал мятеж: люди перелезали через стены во двор школы.

Это были и индусы, и мусульмане, мы помогали всем. Но только когда я вышла за ограду, я поняла, что за ними по пятам действительно гналась смерть».

Незадолго до решения покинуть монастырь в жизни сестры Терезы произошло и еще одно знаменательное для нее событие. Она увидела лежащую на земле рядом с городской больницей заживо гниющую женщину. Умиравшую привез сюда на тачке сын и оставил у входа. Сестра Тереза попыталась переговорить с медперсоналом, но умирающую в больницу не взяли. Но она не могла оставить ее так! Но не то чтобы помочь — даже стоять рядом с тем, что осталось от этой несчастной, было невозможно: «Я не могла возле нее находиться, ее коснуться, переносить ее запах. Я убежала. И стала молиться: «Святая Мария! Дай мне сердце, полное чистоты, любви и смирения, чтобы я могла принять Христа, Христа коснуться, любить Христа в этом разрушенном теле». Я вернулась к ней, я к ней прикоснулась, я вымыла ее, я помогла ей. Она умерла с улыбкой.

Это был для меня знак, что любовь Христова и любовь к Христу сильнее, чем моя слабость».

Ей было 17, когда она поняла, что хочет и должна покинуть отчий край, ей было 36, когда она поняла, что хочет и должна покинуть обитель, в которой ее любили и ценили и которая стала ей родным домом. В течение двух лет, никому не рассказывая об этом, она вела переписку с Римом с просьбой разрешить ей стать вольной монахиней и добилась разрешения на годичный испытательный срок.

16 августа 1948 года сестра Тереза покидает обитель, сменив черные одежды и крахмальный головной убор сестер Лорето на дешевое белое сари, и едет в медицинскую миссионерскую школу в Патне. Там она спешно учится делать уколы, принимать роды, ухаживать за лежащими больными и уже через несколько недель, имея в кармане пять рупий, возвращается в беднейшие кварталы Калькутты.

Новый орден

По рекомендации местного священника вольную монахиню приютил в верхнем пустующем этаже своего дома человек по имени Альфред Гомес. До сих пор он благоговейно хранит ее записки следующего содержания: «Господин Гомес! Мне нечего есть. Дайте мне, пожалуйста, поесть». Думать о хлебе насущном действительно было некогда. С утра до ночи она ходила по улицам, пытаясь оказать помощь всем, кто в ней нуждался. А таких было более чем достаточно.

В каком-то дворе, прямо на улице она организовала «школу»: собрала бездомных детей и начала учить их грамоте — прямо на асфальте, за неимением тетрадей, а также элементарным правилам гигиены, объясняя как и зачем надо мыть руки. Узнав об этом, некоторые родители стали приводить к ней детей, появились и первые помощники: они приносили кое-какую еду, старые вещи.

И каждый день, обнаружив на улице очередного умирающего, она переносила страдальца под какую-нибудь крышу, чтобы облегчить его уход в мир иной. С ее, верующего человека, точки зрения, мир лучший того, что позволял детям умирать от голода прямо на улицах. Акт смерти для нее был очень важен (и ох как критиковали ее за это некоторые «миротворцы» и «благотворители», мыслящие только в государственных масштабах и только с точки зрения статистики), ведь «умирая, — говорила она, — мы все отправляемся к Богу».

Вскоре к ней присоединилась первая последовательница. Бенгалка Субхасисни Даш — бывшая ученица Матери Терезы — стала первой сестрой Ордена Милосердия и приняла имя Агнес. Всего к 1949 году вместе с Матерью Терезой служили беднейшим двенадцать (!) сестер.

А на следующий год Орден милосердия был признан Римом.

От всех других монашеских групп, существовавших до сих пор, новый орден отличало то, что кроме традиционных монашеских обетов — бедности, безбрачия, послушания — сестры давали обет «от всего сердца, искренне и добровольно служить беднейшим из бедных».

Не каждому удавалось справиться с жесткими требованиями, которые должна была предъявлять к себе каждая сестра. И дело даже не в тяжелой работе и напряженном распорядке дня, хотя и на это не всякий способен. Судите сами: подъем в 4.40 утра, общая молитва в 5, месса и служба в 5.45, а после короткой службы и легкого завтрака (рацион сестер ничем не отличался от скудной пищи беднейшего населения) начиналось служение. Работа среди бедных занимала в

среднем не меньше 16 часов.

Свободного времени как такового вообще не было предусмотрено: на чтение и написание писем давалось полчаса после обеда.

Из личных вещей сестрам полагалось иметь одно сари, которое разрешалось сменить на точно такое же раз в год, смену белья, зонтик на случай дождя, тоненький матрас и корзинку для всего перечисленного. При необходимости Мать Тереза или любая другая сестра миссии могли за минуту собраться в дорогу куда угодно — в Африку, чтобы помочь голодающим, Армению, чтобы помочь жертвам землетрясения, одним словом — в любую точку земного шара, где их помощь была необходима.

Понятно, что образ жизни Матери Терезы ничем не отличался от обычного распорядка дня сестер, только вставала она на час раньше — в 3.30 утра. В течение дня она выполняла ту же работу, что и другие: так же ухаживала за прокаженными и чистила уборные, так же имела право пользоваться только общественным транспортом.

Позже, когда к ней пришла известность и в числе пожертвований миссии оказались и многочисленные машины, чтобы Мать Тереза могла творить добро с комфортом, она тут же продавала

их, а на вырученные деньги строила очередной госпиталь. Ее представления о «путях и дорогах» добра очень отличались от традиционных. Например, в поисках возможностей дешево и беспрепятственно путешествовать, чтобы помогать беднякам во всем мире, она предложила себя Air-India в качестве стюардессы. (Ей отказали, ну и что же с того! Рассказывают, что однажды, находясь на борту самолета, она обратилась к пассажирам с просьбой передать ей оставшиеся после обеда продукты «для моих бедняков». И от всего сердца поблагодарила за помощь.)

И все-таки самым нелегким в каждодневной жизни сестер были не эти добровольные лишения и даже не тяжелая и неприятная работа. Самым трудным было соответствие главному парадоксальному, на первый взгляд, требованию: прикасаясь к прокаженному, кормя корчащегося от голода ребенка, целуя умирающего в лоб, каждая сестра должна была испытывать... чувство радости. Все просто: чтобы победить отсутствие любви в мире, надо делать все в этой жизни — даже самое незначительное — с большой любовью. Чувство радости, с которым нужно было чистить, мыть, стирать, бинтовать, не боясь заразиться и не испытывая брезгливости, должно было передаваться страждущему. Если это чувство не приходило, то Мать Тереза советовала молиться до тех пор, пока не удавалось разглядеть раны страдающего Христа во всех проявлениях человеческой слабости и безобразия.

«Что-то прекрасное для бога»

Слух о Матери Терезе и ее добровольных помощниках распространился довольно быстро, и вскоре дошел и до городских властей. Наверное, они могли только порадоваться тому, что кто-то столь активно и совершенно бесплатно взялся за исполнение их непосредственных обязанностей. Поэтому, когда Мать Тереза обратилась с просьбой выделить ей какое-нибудь пустующее помещение, власти с радостью пошли навстречу странной монахини. Для ее многочисленных пациентов они предложили огромное темное помещение, примыкающее к храму богини Кали, в котором когда-то держали жертвенный скот. Так появился первый дом для умирающих в Калькутте — Nirmal Hriday, Чистое сердце. К этому времени число добровольных помощников Матери Терезы дошло до 26 человек.

С точки зрения христианина — будь он католиком или протестантом — соседство христианской миссии с индуистскими божествами представлялось довольно сомнительным. Вот,

например, как описывают богиню Кали — бывшую «хозяйку» первого дома для умирающих (впоследствии такие дома стали называться именно «калигатами»). Три глаза, клыки, высунутый язык, четыре руки с оружием, серьги в виде тел младенцев, ожерелье из черепов. В довершении ко всему Кали приносят в жертву козлят. Но, наверное, полным безразличием к подобным «формальностям», которые становятся таковыми на фоне непереносимых людских страданий, и заслужила Мать Тереза любовь и христиан, и буддистов, и язычников, и атеистов... Мать Тереза и сестры тут же приступили к работе и за сутки это мрачное помещение было битком набито тяжело больными и умирающими.

С утра до ночи Мать Тереза и сестры обрабатывали подручными средствами раны и накладывали повязки, мыли и кормили своих практически безнадежных пациентов. В помещении было трудно находиться из-за чудовищного запаха, исходящего от больных людей. При этом любой из присоединившихся к Матери добровольцев мог легко заразиться туберкулезом или проказой.

Профессиональные медики протестовали против антисанитарии и отсутствия одноразовых шприцев, критиковали сомнительную с их точки зрения медицинскую помощь, которую здесь оказывали, но все-таки... Одна из работавших в миссии англичанок вспоминала: «Улыбки и смех были распространенным способом общения и терапии. Между сестрами, добровольцами и даже самыми тяжелыми больными возникали теплые отношения; царили эмоциональный комфорт, спокойствие и даже счастье. Больных обнимали, просто прикасались к ним или нежно гладили. Человек уходил безмятежно, без борьбы, без всякого обезболивания. Духовность как будто становилась новым измерением, в котором все физическое не имело значения».

В 1968 году религиозный канал ВВС решил взять интервью у Матери Терезы, которая тогда была в Лондоне. Отклик на программу превзошел все ожидания и немедленно было принято решение снять фильм об удивительной женщине, предпочитающей не рассуждать о необходимости добра, а делать его. «Не могу передать, — говорила Мать Тереза, — какой огромной жертвой было согласиться со съемками этого фильма, но теперь я рада, что сделала это, потому что это приблизило нас к Богу». И это ее мнение разделяли многие — и зрители и авторы фильма, запись которого назвали чудом.

Журналист ВВС Малькольм Мугеридж взялся снимать этот фильм с большими опасениями. Как профессионал он сомневался в технической реализации этого замысла: полутемное помещение не оставляло никакой надежды на качество. Но проявив пленку Мугеридж остолбенел от увиденного: все поле экрана было залито каким-то мягким, теплым светом. Для Матери Терезы все было очевидным — это светилась Божья непреходящая любовь. Но для журналиста это было чудом. После съемок он принял крещение).

Черно-белый фильм, названный «Что-то прекрасное для бога», имел колоссальный успех, и к Матери Терезе пришла всемирная известность, международные награды, большие денежные премии и пожертвования. Но все это было потом, уже в семидесятые годы, а сейчас приходилось уповать только на собственные силы. Потому что выжившим она не могла предложить ни денег, ни жилья, ни еды. Впрочем, уже тогда, как только появлялась хоть какая-то возможность, и властямущие, и рядовые граждане (причем разных стран и вероисповеданий) старались помочь ей. Ее спокойная уверенность, ее манера ни у кого ничего не просить, ее безоговорочная вера в правоту того, что она делает и, главное, ее реальные дела и поступки — все это просто не позволяло людям пройти мимо.

Как-то незаметно для всех Мать Тереза стала частью достопримечательностей Индии и посещение ее калькуттского «калигата» вдруг оказалось включено в программы туристских вояжей по Индии. Некоторые от вида «достопримечательностей» не выдерживали и убегали, другие — прижимали к носу платки и рассматривали. Но были и такие, которые оставались. Оставались, чтобы помочь, чтобы стать частью творимого Матерью добра. Среди таких оказался и англичанин доктор Прегер, открывший прием населения прямо на улице. Добровольными помощниками матери Терезы стали и тогда едва знакомые Бенуа Ланж и Валерия Эйр — члены одной туристической группы. Они решили остаться в Индии, «чтобы до конца понять, кто же виноват в этой страшной нищете и чем можно облегчить страдания людей». Все увиденное Бенуа Ланж старался отснять и впоследствии выпустил в Женеве фотоальбом. Тексты к жутким фотографиям написала Валерия. Альбом этой семейной пары (они поженились) на

профессиональной фотовыставке во Франции занял одно из призовых мест. Гонорар Бенуа и Валерия потратили на покупку перчаток и хлороформа для уличной клиники доктора Прегера. Фотоальбом назывался «Калькутта: доктора забытых людей». В категорию «забытых» попадали многие. И не только в Калькутте.

Доктора забытых людей

В доме Матери Терезы приют находили не только умирающие, но и никому ненужные — ни родителям, ни государству — дети. Их тоже было достаточно: в больницах, в тюрьмах и просто на помойках. Некоторых приносили полицейские, других подбрасывали к дверям миссии. Мать Тереза радовалась каждому. Мало того, категорическое неприятие абортотворения заставляло ее ездить по всей стране и уговаривать женщин отказаться от этого шага. Светясь улыбкой, она просила отдать ей «ненужных» детей. Потому что она подарит им любовь и позаботится о них. После дома для умирающих следующей важной вехой в делах Ордена было открытие детского дома Шишу Бхаван в 1955 году. Поначалу государство выделяло по 33 рупии на каждого ребенка, но вскоре Тереза отказалась от финансирования, рассчитывая только на свои возможности. Причем количество принятых ею детей ничуть не уменьшилось, а наоборот. Чинные сторонние наблюдатели приезжали посмотреть на «сиротни» Матери Терезы и попутно пытались покритиковать отсутствие здесь игрушек. Но Матушка предпочитала тратиться только на продукты и только на самые необходимые медикаменты — чтобы принять как можно больше сирот: «В мире так много тех, кто нуждается в помощи», — говорила она.

Их действительно было много — и детей, и стариков, и голодающих, и пострадавших от войн и землетрясений... Крошечная старушка в белом сари с распятием у плеча тут же прибывала туда, где была нужна реальная помощь реальным людям. Помощь, а не декреты и воззвания о «необходимости борьбы» с проказой, СПИДом, апартеидом, голодом или войной.

Между прочим, первую клинику для зараженных СПИДом организовала именно Мать Тереза. В 1985 году она приехала в Нью-Йорк по делам миссии. Тогда еще никто и ничего не мог толком сказать о новом ужасающем заболевании — СПИДе, и панический страх перед угрозой эпидемии сковывал все, даже самые здравые мысли и чувства. Мать Тереза посетила тюрьму, где умирали трое инфицированных преступников, и сразу же отправилась к мэру Нью-Йорка. После этой встречи мэр освободил умирающих в двадцать четыре часа. К Рождеству в Гриниджвиллидж открылся первый приют для больных СПИДом, который назывался Gift of Love — «Подарок любви». А Матушка выступила по телевидению с сообщением о том, что СПИД — это предостережение Господа о том, что мы все должны открыть наши зачерствевшие сердца для любви.

К этому времени у нее уже был опыт подобного убеждения. Когда-то столь же успешно ей удалось доказать, что проказа — это вовсе не проклятие Господне за грехи, а просто болезнь, которую можно вылечить, если своевременно взяться. Для многих в Индии это было «откровением»: обычно соседи и родственники закидывали больных камнями, чтобы у тех и мысли не было о возвращении домой. Прокаженных выгоняли не только из дома, но и тут же увольняли с работы. Все что им оставалось — это просить подаяние с трещоткой в руках.

При первых попытках матери Терезы открыть лепрозорий, население взбунтовалось. Она подождала и вновь попробовала сдвинуть дело с мертвой точки. И все получилось. На ее усилия обратил внимание крупнейший в Индии специалист по проказе, и не только пожертвовал ей 10 тысяч рупий, но и предложил свои услуги. И после того как американцы прислали в подарок Матери машину скорой помощи, на свет появилась первая передвижная лепроклиника. Позже ей все-таки удалось добиться своего, и на выделенной правительством Индии территории вместо традиционного лепрозория был устроен целый «Город Мира», где прокаженные могли жить как полноценные люди — до полного выздоровления или смерти, где их не только лечили, но и обучали ремеслам, чтобы они могли прокормить себя. И понятно, что вместе с ними трудилась, ухаживала за слабыми, Мать Тереза...

Конечно, цифра десять тысяч — а именно столько человек смог принять «Город мира» — впечатляет. Но не менее удивительно и число 37 — это количество детей, которых мать Тереза вывезла из разрушенного войной Бейрута. Никого не проклиная и ничего не обличая, она пересекла линию фронта и, помолвившись, обратилась к воюющим сторонам с «предложением»:

ненадолго прекратить войну, потому что ей нужно вывезти оставшихся в живых детей из разбомбленного детского дома для слабоумных. Может быть, это тоже чудо, но войну приостановили и Мать Тереза благополучно доставила несчастных детишек в приют миссии.

Вот так Мать Тереза без устали ездила по всему свету, помогая забытым всеми людям и напоминая всем о том, что у каждого есть шанс сделать что-то прекрасное для Бога.

«Генератор любви»

Впервые (за 30 лет) Мать Тереза покинула Индию в 1960 году. Она поехала в Лас-Вегас на съезд национального совета женщин-католичек. И после этого началось ее путешествие по миру. Иллинойс, Нью-Йорк, Лондон, Германия, Швейцария, Рим... В Риме она встретилась с Папой и попросила дать ее ордену статус общества с папскими правами, которые позволили бы ей организовать работу не только в Индии, но и за ее пределами.

Первый дом милосердия за пределами Индии орден открыл в Венесуэле. Затем миссии стали открываться по всему миру: на Цейлоне, в Риме, в Танзании; в Австралии. Практически каждые полгода в какой-нибудь стране миссия милосердия Матери Терезы открывала либо больницу, либо дом для престарелых, либо приют для сирот, либо столовую для бедных.

Суммы, которые жертвовали Матери Терезе росли год от года. В среднем размер ежегодных пожертвований доходил до 30 миллионов долларов. Среди тех, кто помогал деньгами, был и лидер Организации освобождения Палестины Ясир Арафат, который в 1990 году лично вручил Матери Терезе чек на 50 000 долларов. Крупную сумму пожертвовал миссии и гаитянский диктатор Жан-Клод Дю-валье. Журналисты ехидничали и спрашивали Мать Терезу: морально ли брать деньги у диктатора? На что она отвечала: «Не надо обращать внимание на то, кто что скажет. Надо просто делать свое дело».

Самое удивительное, что Мать Тереза никогда и ни у кого напрямую денег никогда не просила. А в некоторых случаях даже отказывалась от помощи, говоря, что Бог обо всем позаботится. И все-таки, она была человеком, к которому как ни к кому другому подходила поговорка «На Бога надейся, а сам не плошай».

В 1985 году Мать Тереза приехала в Эфиопию, чтобы помочь голодающим. В аэропорту Аддис-Абебы ее увидел популярный американский певец Боб Гелдоф, который стал инициатором сбора денег для голодающих Африки. Он организовал по всему миру благотворительные концерты рок-музыкантов. О деятельности матери Терезы Гелдоф слышал и раньше, но увидел ее впервые. «Она была поразительно крохотная. Когда я подошел с ней поздороваться, оказалось, что возвышаюсь над ней больше чем на полметра. Это была иссохшая морщинистая женщина. Что меня поразило сильнее всего — это ее ноги. Вся ее одежда была чистой и опрятной, но ее сандалии были изношенными клочками кожи, из которых высывались ее ноги, искривленные, узловатые и мозолистые, как корни старых деревьев». (В другое время и по другому поводу газеты писали о том, что Мать Тереза оказала невиданную любезность королю Норвегии: ради визита к нему она надела носки).

Между рок-певцом и монахиней завязался довольно странный разговор. Мать Тереза рассказала Гелдофу о работе миссии милосердия в Африке, а растроганный Гелдоф объявил, что хочет дать концерт в пользу миссии. Но Мать Тереза отказалась, сказав, что в помощи не нуждается. Но это не помешало ей тут же обратиться к присутствовавшему здесь министру, она спросила не может ли она открыть сиротский приют в доме, который она случайно заметила по дороге сюда. Дом выглядел абсолютно заброшенным.

На них были направлены телекамеры и министру ничего не оставалось, как сказать, что правительство постарается найти для миссии подходящее здание для детского дома. Это заявление мать Тереза тут же откорректировала: «Для двух домов». Министр закивал головой...

Цель оправдывает средства? Может быть, но в данном случае акцент все-таки стоит ставить не на средствах, а на цели. Для Матери Терезы она была ясна — служение Богу, служение беднейшим из бедных. «Все хорошее, что есть в нас, мы получили от Бога. Как можно гордиться тем, что сделано не нами, а Им?»

А мир вокруг нее все пытался найти красивые слова и обосновать причины ее популярности. Малькольм Муге-ридж — автор фильма «Что-то прекрасное для Бога», нашел для нее такие слова: «Мать Тереза, всю свою жизнь полностью и безоговорочно посвятив Христу,

умела в каждой страждущей душе разглядеть черты Спасителя и к нему соответственно относиться; и что она, вместе с сестрами Ордена милосердия, став генератором любви в мире, тем самым противодействует индивидуальному и коллективному насилию во всех его формах».

И все-таки Нобелевский комитет пришел к решению утвердить кандидатуру Матери Терезы и наградить ее Премией мира. И это несмотря на то, что она не соответствовала ни одному пункту требований к кандидату на награждение. Она нигде и никогда не останавливала военных действий (Бейрут был уже после), она не являлась инициатором мирных переговоров, не организовывала марши мира и не предотвращала народные волнения. Для нее мир выглядел гораздо проще и чтобы идти к Добру ей не нужны были столь долгие обходные пути. Она старалась следовать правилам жизни праведного человека, сформулированным в Евангелии от Матфея:

«Я алкал — и вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне».

Все это можно, конечно, объяснить с точки зрения принципиально разных позиций — церковной и мирской, а сложные взаимоотношения Матери Терезы и окружающего мира как вечный поиск точек соприкосновения человека истово верующего и атеиста, но... Но мать Тереза не вмещалась не только в мирские, но и в общепринятые религиозные рамки! В опубликованной в Риме в 1996 году книге «Женщины в современной церкви» имя Матери Терезы отсутствует. А на празднование 1000-летия крещения Руси Мать Терезу не пригласили, официально заявив, что «ее деятельность не согласуется с православной практикой».

Но для тех, кому она помогала, она безоговорочно была святой. Почему? На этот вопрос ответила сама Мать Тереза, правда говорила она не о себе: «Доброта — вот почва, на которой растет святость. Я никогда не слышала, чтобы добрая душа сбилась с пути». Поэтому не надо удивляться ее другому высказыванию: «Никакой цвет, никакая религия, национальность не должны стоять между нами, мы все являемся детьми Божьими...» И даже больше: Если, представ перед Богом, мы принимаем Его в своих жизнях, тогда мы обращаемся. Мы станем лучшим индусом, лучшим мусульманином, лучшим католиком, лучшими, независимо от того, кто мы... какой подход использовала бы я? Для меня, естественно, это было бы католичество, для Вас это может быть индуизм, для кого-то еще буддизм, согласно совести. Какой Бог находится в вашем уме, того Вы должны принять». И в то же время Мать Тереза была главной опорой нынешнего папы Иоанна Павла II в его противостоянии католическим реформаторам, поднимающим вопросы о признании женского священства или пересмотре жесткой позиции церкви по отношению к абортам.

Попечитель того самого индуистского храма богини Кали, рядом с которым был открыт первый приют Матери Терезы сказал в день ее смерти: «Уход Матери Терезы глубоко потряс всех, для нас в Индии она была гораздо больше чем святой человек, потому что она превзошла религию». Эти слова подтверждаются и тем, что в Индии — стране, где христиане составляют только два процента от населения, был объявлен двухдневный траур по женщине — католическому миссионеру...

«Икона тревожного мира»

«Иконой современного тревожного мира» назвал Мать Терезу председатель норвежского Нобелевского комитета. На церемонии награждения было много торжественных слов, в основном служащих пояснением (или оправданием перед «современным тревожным миром»?) того, почему же все-таки ее награждают. А Мать Тереза в своей ответной речи как бы подчеркнула необходимость этого пояснения. После всех потрясающей красоты и значимости слов о ее деятельности, она ошеломила высокое собрание протестом... против абортов. Подобного не мог себе позволить даже Папа Римский.

Это было так «некстати», но она всего лишь оставалась собой. Она и раньше ездила по всему свету, уговаривая женщин в клиниках отдавать «ненужных» им детей ей: «У меня, — говорила она, — хватит любви на всех».

Многие не преминули тут же покритиковать Мать Терезу за отсутствие корректности, а заодно и за многое другое. «В газетах, — заметила однажды Мать Тереза, — так редко пишут о

хорошем. Может быть, журналисты считают, что люди обожают плохие новости?»

Вряд ли стоит обвинять в критике Ордена и лично Матери Терезы каких-либо конкретных журналистов или общественных деятелей. Потому что, перефразируя председателя Норвежского Нобелевского Комитета, журналисты — это всего лишь зеркало нашего современного тревожного мира. И иногда достаточно кривое.

Говорили о том, что она остается главой ордена только для того, чтобы выклянчивать деньги на пожертвования.

Говорили о том, что она лицемерка и дружит с диктаторами и преступниками, нарушающими права человека, и для нее деньги не пахнут.

В 1994 году английский журналист Кристофер Хитченс вообще назвал ее «ангелом из ада», потому что брошенные дети и смертельно больные, которых в Индии хватает с избытком, для Матери Терезы стали просто материалом для демонстрации сострадания. И вместо того чтобы строить хорошо оснащенные больницы, она тратит миллионы фунтов на строительство монастырей для своей миссии.

«Многонациональный культ Терезы стал миссионерством с оборотом в десятки миллионов долларов, — писали в газетах. — Если бы эти деньги были направлены только в больницы Калькутты, можно было бы добиться значительно большего эффекта. Но для нее монастырь и катехизис важнее клиник».

Помимо этих обвинений, в основе которых лежало, увы, нелицеприятное увлечение подсчитывать чужие деньги и находить им более правильное применение, были другие — более «принципиальные» умозаключения. В частности в упрек Матушке ставили то, что она «латает дыры» и лечит «не причину, а следствие». И дальше, как полагается, рассуждения о решении вопросов на государственном уровне и совместными усилиями, об общечеловеческих ценностях и глобальных перспективах.

«В чем секрет успеха вашей миссии?» — спрашивали Мать Терезу журналисты. На что она неизменно отвечала: «Все очень просто. Нужно делать все, даже очень малые дела, с очень большой любовью... Для меня каждый человек в мире уникален. Каждый необычайно важен».

В сентябре 1989 года Тереза пережила почти смертельный инфаркт и серьезную операцию на сердце. С тех пор она так и не оправилась и вынуждена была часто лежать в больницах, но даже в инвалидном кресле она продолжала путешествовать по миру, продолжала работать — вплоть до самой смерти. 5 сентября 1997 года Мать Тереза умерла после обширного инфаркта в возрасте 87 лет.

Вся Калькутта вышла провожать ее в последний путь. Отпевание началось со значительным опозданием — часовня святого Томаса оказалась слишком мала для того, чтобы поместить всех желающих проститься с нею. В многочисленных некрологах о ней писали и как о «евразийской богине XX века» и «самой достойной женщине Азии», но пожалуй самым емким определением стало «мать всех обездоленных и несчастных».

Смерть все расставила по своим местам. Мать Тереза умерла, а дело ее — творить малое, но с большой любовью — живет. На колоссальные средства, стекавшиеся к матери Терезе со всего мира, построены детские дома, больницы, школы и приюты. В год ее смерти женский миссионерский Орден милосердия насчитывал уже 563 приюта в 126 странах мира. За полгода до смерти мать Тереза настояла на избрании новой Верховной настоятельницы ордена — ею стала сестра Нирмала, которая отказалась принять титул «матери»: «Мать, — сказала она, — может быть только одна — великая Тереза». Но это не помешало ей найти за первый же год своей деятельности средства для открытия еще 20 приютов.

Человечество вступило в XXI век без Матери Терезы, и похоже человечеству не будет хватать этой деятельной старушки. Там, где она основала свой орден, сейчас говорят как о месте с «элементами остаточной нищеты». А там, где она родилась — в Албании — все только начинается. Мать Тереза нужна нашему жестокому, меркантильному миру, задыхающемуся от отсутствия любви — любви к каждому конкретному человеку, миру, в котором предпочитают говорить о добре, а не творить его, миру, в котором благотворительность является одним из многочисленных способов избежать налогов, миру, в котором люди спокойно спят, не думая о миллионах голодных. Миру, в котором количество одиноких, нужных только себе самим людей день ото дня все увеличивается и увеличивается.

«Подарок любви» — это название первого приюта для больных СПИДом, открытого Матерью Терезой. При входе в приют прямо на стене висит ее обращение, которое может быть адресовано каждому из нас:

Жизнь — это шанс, не упусти его.
Жизнь — это красота, удивляйся ей.
Жизнь — это мечта, осуществи ее.
Жизнь — это долг, исполни его.
Жизнь — это игра, так играй!
Жизнь — это любовь, так люби.
Жизнь — это тайна, разгадай ее.
Жизнь — это трагедия, выдержи ее.
Жизнь — это приключение, решишь на него.
Жизнь — это жизнь, спаси ее!
Жизнь — это счастье, сотвори его сам.
Жить — стоит. Не уничтожай свою жизнь!

«Если зажигаются звезды...»

«Ответственность за взаимоотношения между народами должны взять на себя не только мужчины, но и женщины. Только в этом случае эти решения будут уравновешены».

Казимира Прунсене

Когда-то Эва Перон сказала на одном из женских собраний: «Нас нет в парламентах, нас нет в комиссиях по атомной энергии, в высших эшелонах власти империалистических стран. Нас нет ни в Ватикане, ни в Кремле». С тех пор многое изменилось.

XXI век вступил в свои права. Довольно сложно в рамках популярного издания перечислить имена всех женщин, не только принимающих самое непосредственное участие не в политической и общественной жизни, но и занимающих ответственные государственные посты. И хотя мужская монополия на принятие решений все еще существует, изменения действительно произошли колоссальные.

Считается, что женское влияние на политику будет возможно только в том случае, если их представительство в политических институтах составит не менее 30 %. Согласно данным, опубликованным на Четвертой Всемирной конференции по проблемам женщин под девизом «Равенство. Мир. Развитие», проходившей в Пекине в 1995 году под эгидой ООН, в мире лишь четыре страны преодолели такой рубеж.

«В парламентах Финляндии и Норвегии женщины составляют 39%, в Швеции — 34, в Дании — 33, в Нидерландах — 29%. Что касается министерских постов, то, согласно данным на середину 1994 г., в целом женщины составляют 6% общего числа членов кабинетов: 5% в развивающихся и % — в промышленно развитых странах. По этому показателю на первом месте — Финляндия (39%), на втором — Норвегия (35), на третьем — Швеция (34), на четвертом — Нидерланды и Сейшельские острова (по 31%). Однако в начале 1995 г. пальма первенства перешла к Швеции, где впервые в мире был сформирован кабинет с абсолютно равным соотношением представителей двух полов.

В международных организациях женщины также представлены слабо: в декабре 1994 г. среди 185 постоянных представителей стран при ООН их было лишь шесть.

Женщины — инициаторы политических и экономических перемен в разных странах редко становились главами своих государств (за всю историю лишь 21 из них избиралась на этот пост). В 1996 г. 10 женщин занимали высшие посты в государстве: четыре президента — в Исландии Вигдис Финибогадоттир (избрана в 1980 г.), в Ирландии Мэри Робинсон (1990 г.), в Никарагуа Виолетта Барриос де Чаморро (1990 г.), в Шри-Ланке Чандрика Бандаранаике Ку-маратунга (1994 г.); и шесть премьер-министров — в Бангладеш Бегум Холода Зия Рахман (с 1991 г.), в Доминике Юджиния Чарлз (с 1980 г.), в Норвегии Гру Харлем Брунд-ланд (с 1986 г.), в Пакистане Беназир Бхутто (с 1993 г.), в Шри-Ланке Сиримава Бандаранаике (с 1994 г.), в Турции Тансу Чиллер (с

1993 г.)».

И вот что радует. Прошло не так много времени, а эти данные уже существенно изменились. Президентом Финляндии стала Тарья Халонен. В новой Зеландии второй подряд премьер-министр — женщина. В Нидерландах в 1998 году премьер-министром стала Камелия Ромер. Список можно продолжить.

Совсем недавно на политическом небосклоне взошла новая звезда: Мегавати Сукарнопутри стала новым президентом Индонезии. Пакистан, Бангладеш, Бирма, Малайзия — а теперь еще и Индонезия. Во всех этих государствах женщины — продолжательницы династий либо занимают ключевые правительственные посты, либо возглавляют оппозицию. Многие из них достигли вершин политической власти, несмотря на то, что у их родителей были не только дочери, но и сыновья.

И вот что интересно. В свое время Мегавати Сукарнопутри проиграла выборы только из-за того, что ее предвыборная программа показалась избирателям слишком жесткой. Прошло время, и страна поняла, что половинчатые меры ни к чему не привели. И на смену мужчине-президенту пришла женщина. Многим из женщин-лидеров пришлось проводить в жизнь непопулярные решения, и мужчины-политики предоставляли им возможность эту политику проводить. И это касается не только Азии! Ханна Сухоцкая — бывший премьер-министр Польши — пришла к власти в период реструктуризации экономики, когда власть была крайне непопулярна. А когда ситуация в народном хозяйстве улучшилась, ее сместили, «перебросив» на другой трудный участок — министра юстиции (ведь в Польше возросла преступность). Казимира Прунскене руководила независимой Литвой в период, когда эту независимость ей приходилось доказывать на съездах народных депутатов СССР.

И уж что говорить о потрясении, которое вызвала у всего мира фигура Мадлен Олбрайт, оказавшаяся сильнее и «мужественнее» всех вместе взятых мужчин, решающих Балканский вопрос.

Наверное, в большей своей части мужчины не поняли, что произошло, и может быть, это и к лучшему. Одна из журналисток попробовала сделать опрос среди своих знакомых мужчин. Она спрашивала их: «Как вы думаете, кто из наших современниц может стать «Женщиной века»?». В их ответах мелькал довольно сумбурный поток имен, среди которых были и Аня Курникова, и Чиччолина, и Мата Хари, и Брижит Бардо и даже Моника Левински...

Конечно, Моника Левински не могла не произвести впечатление, но все-таки, в истории останется не она, а Хиллари. Потому что она не только спасла совершенно не по-мужски струсившего мужа, но и не стала рассматривать весь этот грандиозный спектакль как препятствие своей карьере — и стала мэром.

На Пекинской конференции в одном из выступлений прозвучали такие слова: «К сожалению, в обществе больше видят наши слезы, чем нашу силу...» Это не совсем так. Недавно в Гарварде завершил работу необычный форум: Саммит женщин — мировых лидеров. Здесь собрались те, кому довелось руководить государствами. Женщины-лидеры договорились не только поддерживать постоянные рабочие контакты, но и создать на базе школы Кеннеди свой постоянно действующий совет женщин бывших президентов и премьеров, для того чтобы утверждать начала гуманизма в современной политике и способствовать по-вышнему в ней роли женщин.

«Я думаю, — сказала бывший президент Никарагуа Виолетта Чаморро, — что роль женщин в современном мире — это творческая роль. Мне как женищне довелось в 1990 году возглавить страну, охваченную войной. Да, я была обычной женщиной и не была профессиональным политиком. Но я была полна желания работать на благо родины, остановить гражданскую войну, добиться единства никарагуанцев. И я смогла это сделать. В большинстве стран основная обязанность женщины — это забота о доме. По случается так, что приходится отвечать и за большой дом — за всю страну».

Анайкина Лидия Ивановна

Созвездие мира

Редактор А. Ноткина

Фотоматериалы предоставлены агентством «Фото ИТАР-ТАСС»

Лицензия ИД № 02522 от 3 августа 2000 г.

Подписано в печать 5.11.2001. Формат издания 84 x 108 /32.

Печать офсетная. Объем 6,5 п.л. Тираж 5 000 экз.

Заказ № 0633 .

В. Секачев.

142633, МО, Орехово-Зуевский р-н, пос. Верея,

ул. Центральная, д. 17, кв. 16.

Отпечатано с готовых диапозитивов

В ОАО «Молодая гвардия»

103030, г. Москва, ул. Сущевская, д. 21.